

ПРОСНИСЬ В НИКОГДА

МАРИЦА ПЕССА

Песса, с ее изощренным талантом сюжето-
и миропостроения, написала чрезвычайно увлекательную
книгу для любых возрастов.

Bust.com

Annotation

Беатрис Хартли, недавняя выпускница престижной частной школы, тяжело переживает гибель возлюбленного, с которым они вместе учились. Несмотря на то что прошел уже год, причина его смерти так и осталась нераскрытой. По официальной версии, Джим, талантливый поэт, музыкант, гордость школы и душа компании, покончил с собой буквально накануне выпускных экзаменов. Беатрис не может поверить в это. Желание добраться до истины приводит ее на день рождения некогда лучшей подруги, отношения с которой — впрочем, как и с остальными школьными друзьями — сошли на нет. Воссоединение бывших друзей и так проходит не слишком гладко, а тут еще масла в огонь подливает появившийся ниоткуда странный старик. Ни с того ни с сего он заявляет, что все присутствующие мертвы, вернее, застряли в изломе времени за мгновение до собственной гибели. И остаться в живых суждено лишь одному из них, а вот кому именно — предстоит решать им самим...

Новый роман от автора «Ночного кино», пожалуй, одного из самых удивительных бестселлеров последних лет. Впрочем, прогремела на весь мир Мариша Пессл еще с первым своим романом («Некоторые вопросы теории катастроф»), отправив несколько глав литературному агенту своего кумира Джонатана Франзена, после чего последовал договор с издательством, предложившим беспрецедентно высокий для начинающего автора аванс, первые строчки в списках бестселлеров и перевод на множество языков мира.

-
- - [МАРИША ПЕССЛ — ПРОСНИСЬ В НИКОГДА](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)

- [Часть 2](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
- [Часть 3](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

© И. А. Тетерина, перевод,
2018 © Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»»,
2018 Издательство АЗБУКА®
© Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»»,
2018 Издательство АЗБУКА®

МАРИША ПЕССЛ — ПРОСНИСЬ В НИКОГДА

*Порой у тебя нет ответов,
Порой ты находишь любовь,
Порой тьма скрывает голубок,
Порою — оскал зубов.
Ты молча идешь по жизни,
По извилистому пути.
Что делать? Спросить того,
Кто знает, куда идти.
Дж. Ч. Госсамер Мэдвик. «Темный дом у поворота»*

Часть 1

Глава 1

Я не общалась с Уитли Лэнсинг — и вообще ни с кем из них — больше года.

Когда в день моего последнего переводного экзамена от нее пришло сообщение, меня накрыло чувство обреченности, словно в ночное небо ворвалась комета, предвещающая бедствия и напасти.

Куда ты запропала? Чо за нафиг? #некруто. Прости. Это все мой Туретт^[1]. Как впечатления от первого курса? Класс? Отстой?

Серьезно. Мы по тебе скучаем.

Решила написать, поскольку все наши собираются в Уинкрофте на мой ДР. Линда будет на Майорке, а БВО Берг в третий раз женится. Это будет на Сен-Барте. Она веган и йог. Так что на выходные дом в полном нашем распоряжении. Как в том году.

Сможешь приехать? А, Бамблби?

Сгаре постем.

«Живи сегодняшней ночью».

Она была единственной из всех известных мне девушек, кто взирал на окружающих с видом затянутой в кожу супермодели на показе «Диора» и шпарил на латыни с такой легкостью, как будто это был ее родной язык.

— Ну как экзамен? — спросила приехавшая за мной мама, когда я плюхнулась к ней в машину.

— Перепутала Сократа с Платоном и не успела дописать эссе, — ответила я, пристегиваясь.

— Уверена, ты со всем отлично справилась. — Мама озабоченно улыбнулась. — Есть еще дела?

Я покачала головой.

Мою комнату в общежитии мы с папой уже привели в порядок. Учебники я сдала в студенческий профсоюз — за это давали тридцатипроцентную скидку на следующий год. Моей соседкой по комнате была девочка из Нью-Хейвена по имени Кейси, которая на каждые выходные моталась домой, чтобы повидаться с бойфрендом. С момента заселения я ее почти не видела.

Мой первый учебный год в колледже Эмерсона закончился тихо и незаметно, как распродажа по случаю закрытия магазинчика в заштатном торговом центре.

«Ох, не к добру это», — сказал бы Джим.

На лето у меня не было никаких планов, кроме помощи родителям в «Капитанской рубке».

«Капитанская рубка», или просто «Рубка», как называют ее местные, — это пляжное кафе-мороженое, которым владеет моя семья в Уотч-Хилле, штат Род-Айленд, — крошечном прибрежном городке, где я выросла.

Уотч-Хилл, Род-Айленд. Население: знаешь всех в лицо.

Мой прадед Берн Хартли открыл это кафе в 1885 году, когда Уотч-Хилл был всего лишь крохотной деревушкой; капитаны китобойных судов заходили туда, чтобы размять привычные к морской качке ноги и впервые взять на руки своих детей, прежде чем вновь отправиться в неизведанные просторы Атлантики. Над притолокой висит карандашный портрет Берна в рамке — он смотрит одухотворенно, будто почивший в бозе гениальный писатель или полярный исследователь, не вернувшийся из арктического похода. Правда же заключается в том, что он едва умел читать, предпочитал знакомых чужакам, а сушу — морю. И его единственное достижение состоит в том, что он всю свою жизнь держал наш маленький ресторанчик на берегу и оставил нам в наследство рецепт самого вкусного в мире клэм-чаудера^[2].

Все лето я отвешивала мороженое загорелым тинейджерам в пляжных шлепанцах и пастельного цвета свитерах. Они заваливались к нам шумными ватагами, похожие на стайки мальков. Я сооружала чизбургеры и горячие бутерброды с тунцом и сыром, шинковала капусту для салата, взбивала молочные коктейли. Выметала за порог вездесущий песок, усеивавший кафельный пол в черно-белую клетку. Выбрасывала в мусорный бак салфетки, пакетики из-под кетчупа и соли, бумажные стаканчики из-под лимонада, рекламные проспекты, предлагавшие отправиться в море на рыбалку.

Приносила забытые сотовые телефоны на кассу, чтобы их легко можно было найти, когда растяпа-владелец в панике врывался в зал с криком: «Я потерял мой... ой... Спасибо, вы меня просто спасли!» Подбирала рваные голубые билетки на стоявшую неподалеку морскую карусель 1893 года, с выцветшими безликими русалками вместо лошадок. Звездный час нашего городка настал, когда на этой карусели засняли Элеонору Рузвельт: она села боком на рыжеволосую русалку с бирюзовым хвостом. (Придавленная тектоническими плитами пышных юбок, она явно чувствовала себя не в своей тарелке и выглядела такой недовольной, что это на долгие годы стало любимым предметом шуток горожан.)

Я отмывала мусорные бачки от соуса барбекю, а столы — от потеков

растаявшего «шурум-бурума» («шурум-бурум» был любимым мороженым всех ребятишек: мешанина из печенья, орехов, смеси кусочков темного шоколада). Я драила хлоркой, «Кометом» и «Мистером Мускулом» витрины, прилавки и дверные ручки. Я стирала разводы морской соли с раковин мидий и моллюсков, отполировывая каждую из них до блеска с одержимостью торговца драгоценными камнями, сдувающего пылинки со своих изумрудов. Почти каждый день я поднималась в пять утра и вместе с отцом отправлялась выбирать морепродукты к рыбацким лодкам, вернувшимся с лова. Я придирчиво осматривала крабов и камбалу, устриц и окуней, ощупывала лапы и клешни, жабры и переливчатые брюшки. Я сочинила текст песни к саундтреку из несуществующего фильма «Ограбление Лолы Андерсон на большой дороге», набрасывая слова, рифмы, лица и руки на салфетках и листовках с нашим меню и отправляя их в мусорку, до того как кто-нибудь успевал увидеть это. Я исправно посещала группу психологической помощи для подростков, переживших утрату, в общественном центре в Норт-Стонингтоне. Кроме меня, в ней состоял только неразговорчивый парнишка по имени Теркс, чей отец умер от бокового амиотрофического склероза. Он сходил туда два раза и больше не появлялся. Я осталась один на один с консультантом, дерганой женщиной по имени Деб, которая щеголяла в брючных костюмах и таскала с собой здоровенный талмуд под названием «Как справиться с потерей близкого человека в подростковом возрасте».

— «Целью данного упражнения является формирование системы позитивных ассоциаций вокруг фигуры ушедшего близкого, — принялась она зачитывать седьмую главу, одновременно протягивая мне бланк с заголовком «Прощальное письмо». — Напишите на этом листке письмо близкому человеку, которого вы потеряли, подробно остановившись на дорогих вам воспоминаниях, надеждах и незадаанных вопросах».

Выдав мне обгрызенную ручку с надписью «Курорты острова Табеэго», она оставила меня в одиночестве. Потом из-за двери донесся ее голос: она на повышенных тонах выясняла по телефону у некоего Барри, почему тот вчера не ночевал дома.

Я нарисовала на листке ястреба, разинувшего в крике клюв, и написала слова песни к вымышленному японскому аниме о забытой мысли — «Затерянные в памяти». Затем я выскользнула из комнаты через пожарный выход и никогда больше туда не возвращалась.

Я учила Сонного Сэма (зануду-переростка из Англии, приехавшего на каникулы к своему отцу-американцу) делать крабовые котлеты и жарить сыр на гриле. (Поджаривать на среднем огне на сливочном масле, по

четыре минуты на каждой стороне, шесть ломтиков острого вермонтского чеддера и два ломтика фонтини). На День независимости он пригласил меня на вечеринку, которую устроил друг его друга. Когда я взяла и заявила туда, он был потрясен. Я подпирала торшер, держа в руке стакан с теплым пивом, слушала разговоры об уроках игры на гитаре и Заке Галифианакисе и пыталась уловить подходящий момент, чтобы незаметно улизнуть.

— Да, кстати, если кто не в курсе, это Би, — сказал Сонный Сэм. — Вообще-то она не немая, честное слово.

Я не стала никому рассказывать о сообщении от Уитли, хотя мысль о нем занозой сидела у меня в голове.

Это чересчур экстравагантное платье я купила, но так ни разу и не надела, даже не вытащила из пакета. Я засунула его в недра шкафа прямо в упаковке, вместе с чеком и ярлыками, намереваясь при случае вернуть покупку в магазин.

И все же оставался микроскопический шанс на то, что я найду в себе мужество надеть его.

Дату ее дня рождения я знала так же хорошо, как дату своего собственного: тридцатое августа.

Это была пятница. В тот день на Мейн-стрит произошло большое событие: появился бродячий пес. Он был без ошейника и, судя по затравленному виду, много чего пережил на своем веку. Серый и кудлатый, он шарахался от всех, кто пытался его погладить, а услышав автомобильный гудок, в панике забился за помойные бачки на заднем дворе «Капитанской рубки».

— Видите желтую солончаковую глину на задних лапах? Она с западного берега ручья Никибогг-крик, — объявил офицер полиции Локке, радуясь первому за год загадочному происшествию.

В тот день все только и говорили о псе: что с ним делать, где он побывал. Лишь намного позже я вдруг задумалась о том, что он появился из ниоткуда, и задалась вопросом: не было ли это знаком, предостережением о приходе чего-то ужасного, о том, что мне следует выбрать не возвышенную и загадочную Неизведанную Тропу, а проторенную дорогу, проложенную задолго до меня и ярко освещенную, — дорогу, которую я хорошо знала.

Впрочем, тогда было уже слишком поздно. Солнце зашло. Сонный Сэм отправился домой. Я перевернула стулья в кафе ножками вверх и поставила их на столики. Вынесла мусор. И вообще, такова уж человеческая природа. Кто и когда обращает внимание на предостережения?

Мои родители пребывали в полной уверенности, что я, как обычно, поеду вместе с ними в Уэстерли, в кинотеатр «Седьмое небо», где по пятницам показывали классические комедии.

— Вообще-то, у меня на сегодняшний вечер другие планы, — заявила я.

Папа пришел в восторг:

— В самом деле, Бамбл? Это просто здорово.

— Я еду в Уинкрофт.

Родители умолкли. Мама, которая только что повесила на дверь табличку «Закрыто», обернулась ко мне, кутаясь в кардиган и дрожа, хотя на улице было двадцать четыре градуса.

— И давно ты это решила? — спросила она.

— Не очень. Я буду осторожна. И вернусь до полуночи. У Уитли сегодня день рождения. Они все там будут. Думаю, мне стоит с ними повидаться.

— Уже темно, а путь неблизкий, — осторожно заметил папа.

У мамы был такой вид, будто ей только что сообщили, что жить мне осталось от силы полтора месяца. Иногда, расстроившись, она принималась жевать воображаемую жевательную резинку. Как, например, в тот момент.

— Невозможно пройти через горе, избегая встречи со своим прошлым.

— Дело не в этом. Я...

— Все в порядке, Виктория, — положил руку ей на плечо папа.

— Но доктор Квентин сказал, что ты должна избегать стрессовых ситуаций, в которых...

— Мы же уже пришли к выводу, что доктор Квентин — идиот, — отрезала я.

— И в самом деле, идиот, — сочувственно кивнул папа. — Именем нормального человека государственную тюрьму не назовут!^[3] Могли бы сразу догадаться.

— Вечно вы заодно! Вы же знаете: я терпеть этого не могу, — возмутилась мама.

В этот момент кто-то — краснолицый отдыхающий в полотняных шортах, который явно перебрал пива в «О'Маллиганс», — дернул за ручку, пытаясь открыть дверь.

— Закрыто! — рявкнула мама.

Вот так я оказалась за рулем старенького папиного «доджа», страдающего одышкой, на дороге, тянущейся вдоль береговой линии Род-Айленда, в пятидесяти милях от дома.

Уинкрофт...

Само это название вызывало ассоциации с готическим романом о призраках и безумцах. Огромный особняк из красного кирпича со множеством башенок, садилов и горгулий был построен в девятьсот тридцатых годах неким белым охотником, важной персоной: по слухам, он водил дружбу с Хемингуэем и Лоуренсом Аравийским. Он странствовал по свету, убивая прекрасных существ, и за шестьдесят лет провел в Уинкрофте, на взморье, всего несколько недель. Когда бывший второй отчим Уитли, слегка прибабахнутый Берт, которого все для краткости называли БВО Берт, в восьмидесятых купил его с торгов, он отделал интерьеры в том злосчастном стиле, о котором Уитли сказала так: «Точно Мадонна с ног до головы облевала Синди Лопер».

И все же на чердаке дома можно было открыть ящик комода или пыльный чемодан и обнаружить фотографии незнакомцев в лисьих шкурах, с ружьями в руках или чучело экзотического зверька — хорька, красной лягушки или неизвестного науке грызуна. Это придавало каждому посещению Уинкрофта загадочное сходство с археологической экспедицией, будто повсюду — внутри полов, стен и потолков — ждала своего открывателя затерянная цивилизация.

— Мы — это наш собственный хлам, — сказал как-то раз Джим, извлекая из обувной коробки чучело ящерицы.

Я съехала с шоссе, и дорога тут же начала головокружительно петлять, точно пыталась растряссти меня. Побережье Род-Айленда — не печально известная своей чопорностью ньюпортская часть с неприступными утесами и величественными особняками, самодовольно взирающими на крохотные лодчонки, что болтаются на волнах в местной гавани, а все остальное — выглядело запущенным, неухоженным, неряшливым, выгоревшим. Оно напоминало старого бездомного бродягу в заношенной футболке, который не может вспомнить, где провел ночь. Трава выглядела сухой и чахлой, на растрескавшемся дорожном полотне проступала соль, дорожные знаки на обочинах давным-давно выцвели, а светофоры не работали. На другой стороне дороги из болота торчали мосты, которые, судя по их виду, держались на честном слове и были готовы обрушиться в любой момент.

В моем телефоне по-прежнему хранились номера бывших друзей, но звонить я не хотела. Может, их там вообще нет. За несколько месяцев их планы вполне могли измениться. Кто знает, может, я постучу в дверь — и мне откроет вовсе не Уитли, а ее бывший второй отчим Берт, БВО Берт с гривой курчавых седых волос, Берт, миллион лет назад написавший

номинированную на «Оскара» трагическую песню о любви, которую исполнял Райан О'Нил. А может, все они будут там. Может, мне просто хотелось увидеть, какими сделаются их лица при виде меня, застать их врасплох и не дать подготовиться.

И потом, если они не будут знать, что я еду, в любой момент можно повернуть обратно. Я еще успею посмотреть вместе с родителями «Его девушку Пятницу» в «Седьмом небе», потом заехать в «Шейкдаун», поесть крабовых котлеток и устриц, поболтать с хозяином, Арти, делая вид, что я не замечаю, как он шепчет отцу, стоит мне отлучиться в уборную: «А Би уже совсем оклемалась». Словно я — раненая скаковая лошадь, которую они решили не добивать. Хотя, конечно, не надо винить в этом Арти. Так реагировали все, узнав о том, что произошло: мой бойфренд, Джим, погиб в выпускном классе школы.

Внезапная смерть любви всей твоей жизни — это не то, что обычно случается с людьми в подростковом возрасте. Но если такое все же случается, неплохо, чтобы за этим стояла одна из трех самых понятных и распространенных причин смерти в юном возрасте: а) автомобильная авария, б) рак, в) самоубийство. Ты выбираешь подходящий пункт в списке, и ближайший взрослый быстренько рекомендует тебе подборку фильмов (главного героя обычно играет Тимоти Хаттон) и популярных психологических книжек, призванных помочь тебе Справиться.

Но что, если причина гибели твоего парня неведома и ты остаешься одна, вглядываясь в черную дыру вины и неизвестности?

Здесь не поможет ни один фильм, ни одна книга.

Разве что «Изгоняющий дьявола».

Если я не появлюсь сегодня, мои старые друзья соберутся в Уинкрофте и разъедутся по домам и на этом все закончится. Не явившись, я окончательно и бесповоротно отправлю в плавание игрушечную лодочку из моего детства, дам ей толчок, который направит ее к центру озера, подальше от берега, туда, где она навеки окажется вне досягаемости.

И никогда не узнаю, что же случилось с Джимом.

Я крепче сжала руль.

Извилистая дорога, казалось, сама гнала меня вперед, за окошками мелькали пожелтевшие деревья на берегу, а потом внезапно открылся захватывающий вид на гавань с высокими белыми парусниками, похожими на стадо еще не вымерших единорогов. Я поражалась тому, с какой легкостью я вспоминала дорогу: за заправкой «Эксон» налево, дальше направо, на Эльм-стрит, еще раз направо на опасном перекрестке, потом мимо обшарпанных трейлеров, между которых натянуты веревки с бельем,

и старых покрышек. Наконец деревья почтительно расступились, открывая взгляду изумительно красивое слияние моря и неба, которое на закате неизменно становилось розовооранжевым.

И я очутилась на месте. Перед коваными воротами, украшенными буквой «У».

Они были гостеприимно распахнуты. Фонари по обеим сторонам ярко горели.

Я свернула на дорожку и поехала мимо дубовых ветвей, летящих мимо, точно ленты, выбившиеся из хвоста на голове, под свист ветра в открытых окнах. Еще один поворот — и моему взгляду открылся особняк, залитый теплым золотистым светом, сплошь из красного кирпича и шифера, с крылатыми горгульями, навечно примостившимися на крыше.

Подъехав к дому, я едва не расхохоталась при виде четырех машин, аккуратно припаркованных перед фасадом вплотную друг к другу. Все незнакомые, кроме принадлежавшей Марте «хонды-аккорд» с наклейкой на бампере: «Общая теория относительности рулит». В принципе, я без особого труда могла определить, где чья машина.

За это время я очень изменилась. А они, судя по машинам, — нет.

Я поглядела на себя в зеркало заднего вида и пришла в ужас: кое-как собранные в хвост волосы, потрескавшиеся губы, лоснящийся лоб. Будто я только что пробежала марафон, причем пришла последней. Я промокнула лицо бумажным полотенцем из рулона, который папа держал в дверце, пощипала себя за щеки, заправила за уши выбившиеся из хвоста пряди темно-каштановых волос. Потом взбежала по каменным ступеням и постучала в дверь специальным молоточком в виде латунной львиной головы.

Ничего не произошло.

Я нажала кнопку звонка раз, другой, третий, торопливо и не раздумывая, потому что знала: стоит заколебаться, как я утрачу мужество. Я камнем пойду ко дну, точно дырявый башмак, угодивший в омаровую вершу, и останусь там на веки вечные.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял Киплинг. На нем были розовый парик под каре, голубая футболка поло, бермуды и пляжные шлепанцы. Дочерна загорелый, он жевал красную коктейльную шпажку, но при виде меня она вывалилась у него изо рта.

— Боже правый, ущипните меня кто-нибудь, — протянул он со своим южным выговором хлопкового плантатора.

Глава 2

В реальной жизни эффектные выходы не удаются. Вернее, удаются, но не так, как это представляется нам в мечтах.

Нам представляется нечто среднее между латиноамериканским телесериалом (восклицания, ошарашенные лица, размокшая тушь для ресниц) и выступлением Мерил Стрип на церемонии вручения «Оскара» (искрометный обмен репликами, объятия, все люди мира, слившиеся в экстазе).

В реальности же — ничего, кроме неловкости.

Мое неожиданное появление в Уинкрофте было сродни торпедо, выпущенной мимо цели. Я просчиталась и теперь бесцельно плыла по течению, готовая взорваться в любой момент, не поразив при этом цель. Стоя посреди вестибюля под роскошной люстрой в обрезанных джинсах, кедах и футболке, заляпанной «шурум-бурумом», я чувствовала себя душой по сравнению с моими чистенькими, только что из душа, лощеными друзьями. Не надо было приезжать.

Они собирались на какой-то аншлаговый концерт в «Бравом матросе», пляжном кабаке, где мы в выпускном классе зависали на выходных, показывая липовые документы. Поэтому все приветствовали меня, не прерывая, однако, сборов. Я не могла отделаться от ощущения, что приехала не вовремя, и разговор не клеился.

Первым делом Кип обнял меня. Потом окинул вежливым взглядом, каким посетитель музея удостаивает крохотную, невзрачную картину, которую экскурсовод упорно превозносит до небес. Тут прибежала Уитли:

— Господи, Беатрис! — Она чмокнула воздух рядом с моей щекой. — Ты все-таки пришла. С ума сойти.

Красота ее оказалась еще более сногшибательной, чем это отложилось в моей памяти. Джинсовые ботфорты на шпильке, модная мешковатая толстовка с гигантскими губами, расшитыми стразами, небрежно обрезанные черные шорты с бахромой, парфюм с нотками кожи и гардении. «Неужели эта красотка из глянцевого журнала когда-то была моей лучшей подругой?» — промелькнула у меня мысль. Сколько раз мы сидели с ней в школе Дарроу-Харкер после отбоя, пятнистые от крема для прыщей, в толстых шерстяных носках. Я рассказывала ей то, о чем не говорила больше никому. Теперь все это казалось внезапно вторгшейся сценой из другого фильма.

— Ну как ты, Би? — спросила она, сжимая мои руки.

— Хорошо.

— Вот уж сюрприз так сюрприз! Ну, в смысле, я не... я... Ой, блин. Надо же занести в дом сидушки с патио. Вроде дождь обещали? — Она поспешила прочь, тряхнув гривой длинных светлых волос, но, прежде чем скрыться в кухне, бросила на ходу: — Кип был прав. Он объявил, что ты свалишься как снег на голову, как герой, которого все считают мертвым, из фильма с кем-то типа Джейка Джилленхола в главной роли, но мы сказали ему, что он спятил. Я думала, ты скорее умрешь, чем захочешь видеть кого-то из нас. Ну вот, теперь я должна ему пятьдесят долларов.

— Сто. Сто долларов, — поправил ее Кип, вскидывая палец. — И не пытайся отвертеться, Лэнсинг. Что за манера — вечно всех динамить?

— Что? Ой, погоди. Надо дать Г эндальфу прозак, а то он все описает, пока нас нет.

— У Гэндальфа депрессия, — церемонно кивнув, пояснил мне Кип. — И раздвоение личности в придачу. Немецкий дог, который считает себя комнатной собачкой.

— Я помню, кто такой Гэндальф, — напомнила я вяло.

— Беатрис!

По лестнице босиком сбежал Кэннон, держа в руках кроссовки «Пума». На нижней ступеньке он остановился и тепло улыбнулся мне:

— Глазам своим не верю! Сестра Би собственной персоной. Как там Господь Бог?

— Ха-ха, как смешно.

Он тоже изменился. На нем была бессменная серая толстовка с капюшоном, форма всех хакеров, но не такая, как в Дарроу, — бесформенная, в жирных рыжих крошках от чипсов, которую он таскал, не снимая, по две недели кряду, когда пропадал в ледяном компьютерном классе, оборудованном в школьном подвале. Нынешняя толстовка была из кашемира. Кэннон стал широко известен в узком кругу, когда на втором году нашего совместного обучения обнаружил в операционной системе «Эппл» OS X ошибку: при случайном нажатии определенных клавиш экран «замерзал» и на мониторе появлялась фирменная эппловская заставка — сюрреалистический зимний пейзаж с голубым озером.

Он окрестил ошибку «птичьей клеткой Кэннона» и попал на главные страницы миллионов тематических блогов Силиконовой долины. Я знала, что он поступил в Стэнфорд, на факультет информационных технологий, но после этого ничего о нем не слышала.

Кэннон соскочил с лестницы и обнял меня. От него пахло какой-то

экзотической древесиной, как от дорогого паркета.

— Ну как колледж? Как мама и папа? По-прежнему держат маленькое кафе-мороженое?

— Да.

Он внимательно посмотрел на меня. Лицо его было непроницаемым.

— Мне оно всегда нравилось.

— Привет, Би, — услышался серьезный голос.

Я обернулась и увидела Марту. Она близоруко щурилась на меня сквозь стекла своих толстенных, как у безумного ученого, очков, придававших ее глазам известное всем сходство с всевидящими телеобъективами. Вместо всегдашних слаксов с бесформенной оксфордской рубашкой на ней были рваные черные джинсы и безразмерная футболка с немецкой надписью TORSCHLUSSPANIK — значения этих слов я не знала. Свои жидкие каштановые волосы она перекрасила в ядерно-голубой цвет.

— Привет, — поздоровалась я.

— Как ни смешно, ты совсем не изменилась, — протянул Кип; его улыбка была как крохотная пуговка на строгой обивке мебельного гарнитура в парадной гостиной. — Ты что, провела все это время в криоаморозке? Это просто нечестно, малышка. Я успел обзавестись гусиными лапками и подагрой.

Вернулась Уитли, по-прежнему избегавшая смотреть мне в глаза, и схватила свою телесного цвета сумочку от «Шанель».

— Ты же едешь с нами, да? — без особого воодушевления в голосе спросила она, сунув ноги с идеальным педикюром в балетки от «Ланвин».

— Вообще-то, я...

— Конечно же, ты едешь с нами, — заявил Кэннон, обнимая меня за плечи.

— Билет я тебе как-нибудь выцарапаю. Или выцарапаю кому-нибудь глаза за билет. В общем, на месте разберемся.

— Laissez les bon temps roulez^[4], — провозгласил Кип, приподнимая свой стакан.

В молчании протяженностью примерно с Т ехас мы потянулись на улицу. Тишину нарушали лишь наши шаги да свист ветра, резвившегося в кронах деревьев. Сердце у меня колотилось, щеки горели. Больше всего в тот момент мне хотелось прыгнуть в свой пикап, вдарить по газам и рвануть оттуда со скоростью сто миль в час, сделав вид, что ничего не было.

— Мы поедem на двух машинах? — спросила Марта.

— Нас пятеро, — отозвалась Уитли. — Все влезут в мою.

— Обещаешь хотя бы раз бросить взгляд в зеркало заднего вида, малышка?

— спросил Кип.

— Тоже мне, остряк.

Мы забрались в ее темно-зеленый «ягуар» с откидным верхом. Уитли с решительным видом, который, если я правильно помнила, означал, что ей не по себе, принялась жать кнопки на сенсорном экране приборной панели. Двигатель аристократически кашлянул, и верхняя часть машины начала расходиться, точно скорлупа яйца, из которого кто-то пытается проклюнуться. В следующее мгновение мы уже мчались по подъездной дорожке; Уитли втопила педаль газа в пол и рванула с места, как заслуженный ветеран гонок НАСКАР, не обращая внимания на то, что машину периодически заносит на газон и она идет юзом, выкашивая рододендроны. Я сидела на заднем сиденье, зажатая между Кипом и Мартой, и изо всех сил пыталась не слишком наваливаться ни на одного из них.

Кип подбросил свой розовый парик в воздух.

— А-а-а-а! — завопил он, запрокинув голову, когда парик приземлился на асфальт далеко позади машины. — Рок-группа воссоединилась после долгого перерыва! Давайте никогда больше не расставаться! Предлагаю отправиться в мировое турне!

«А как же солист? — до смерти хотелось крикнуть мне. — А про Джима вы не забыли?»

Когда мы приехали, разогрев уже начался. Разговаривать было некогда. Мы принялись протискиваться сквозь плотную толпу, а Уитли тем временем двинулась к вышибале. Марта пошла занимать столик, а Кэннон принялся обходить в поисках лишнего билетика коротко стриженных парней, явно успевших накачаться «Будвайзером». Мне, прижатой к ограждению, оставалось лишь бесцельно ждать.

— Ребята, идите без меня! — крикнула я Кипу, который материализовался прямо рядом со мной.

— Т-ш-ш. — Он подхватил меня под руку. — Ты снова с нами, и мы больше тебя не отпустим. Я — твоя личная рыба-прилипала. Придется тебе с этим смириться.

Я рассмеялась. Похоже на начало первого за вечер нормального человеческого разговора.

Мы с Киплингом всегда хорошо ладили. Худой и долговязый, с

кирпичнорыжими волосами и «лицом джентльмена былых времен», как он сам себя называл, Киплинг был самым невероятным чуваком из всех, кого мне доводилось встречать: эксцентричный и странный, как сломанный талисман на пыльной полке в дальнем углу антикварного магазинчика, овеванный духом авантюры и удачи. Он был геем, хотя и утверждал, что хорошо рассказанная история значит для него намного больше секса, а к Дарроу относился скорее как к загородному клубу, нежели как к учебному заведению, из которого полагалось вынести какие-то знания. Договорившись позаниматься вместе с Киплингом в библиотеке, ты выслушивал бесконечные байки и замечания о жизни, друзьях и колоритных персонажах из Мосс-Блаффа, крохотного городка в Луизиане, откуда он был родом, — будто мы не сидели в тесной клетушке, замученные подготовкой к экзаменам, а бездельничали где-нибудь на террасе, отгоняя мух. Хотя он был богат, как и все остальные (наследство от скончавшегося универсального магазина), детство у него, как он уверял, было «веселеньким» благодаря кошмарной мамаше, Маме Грир.

О Маме Грир было известно немного, за исключением тех подробностей, которые Киплинг время от времени разбрасывал в разговоре, — наподобие пригоршни конфетти, которые он любил без предупреждения подкидывать в воздух. В детстве она оставляла его без присмотра по несколько дней подряд, заперев во втором номере мотеля «Ройял соната» («на первом этаже, рядом с торговыми автоматами, чтобы можно было смыться, не заплатив»), без еды, если не считать запасов «Чоко-пая», одного, если не считать телевизора. Закончилось все тем, что на пятилетнего Киплинга напал питбуль, посаженный на цепь на заднем дворе, в результате чего тот лишился трех пальцев на левой руке и приобрел шрам на подбородке, похожий на следы акулиных зубов; он гордился им, как медалью «Пурпурное сердце».

— Зовите меня просто Призраком Оперы, — любил повторять он, жизнерадостно помахивая искалеченной рукой у вас под носом.

Когда суд наконец лишил мать Кипа родительских прав и передал опеку над ним престарелой тетушке, он несколько раз сбегал от нее, чтобы вернуться к Маме Грир. Последней дошедшей до меня новостью о Маме Грир было то, что она лежит в батон-ружской психиатрической больнице.

Я хотела спросить, что нового у него случилось за этот год, но тут появилась Уитли и в свойственной ей манере, не говоря ни слова, ухватила меня за запястье и потащила сквозь толпу. Видимо, ей удалось договориться с вышибалой. Тот впустил меня в зал без билета, шлепнув на руку печать. Несколько секунд спустя мы все уже сидели за столиком в

одном из передних рядов, глядя, как на сцене кривляется девица с волосами-сосульками, изображая Курта Кобейна.

Меня охватило странное чувство. Барабанщик был очень похож на Джима. Кажется, никто больше этого не заметил, но он выглядел как младший брат моего покойного бойфренда: глаза цвета молочного шоколада, взъерошенные волосы, меланхолический взгляд принца в изгнании. Шум в зале стоял оглушительный — разговаривать было невозможно, и все мы молча смотрели на сцену, погруженные в трясину своих мыслей.

Может быть, только я одна застряла в прошлом. Может быть, у всех в колледже была такая насыщенная жизнь, что все случившееся с нами в старших классах стало казаться мелким и незначительным — и даже гибель Джима поблекла, точно футболка после десяти тысяч стирок.

Давным-давно, в Дарроу, они были моей семьей. Они стали первыми в моей жизни настоящими друзьями — созвездие настолько ярких личностей и настолько верных товарищей, что, подобно отпрыску великой династии, я не могла поверить в свой счастливый жребий. Мы были братством, тайным обществом, на которое все остальные ученики смотрели с завистью, впрочем мы на них даже не обращали внимания. Дружба, если она крепка, делает тебя нечувствительным к внешнему миру. Это ваше личное государство с тщательно охраняемыми границами, полным произволом в предоставлении видов на жительство и богатой культурой, понять которую не способен ни один иностранец. Оказаться отрезанной от них, отправиться в изгнание по собственной воле, как это сделала я год назад, значило обречь себя на скитания и неустроенность, на кочевую жизнь, на ночлег среди чемоданов в съемных комнатах, на странствия по незнакомым дорогам.

Смерть Джима стала землетрясением, которое стерло с лица земли целые города. Весь этот год я жила в уверенности, что кое-кто из моих друзей знает об этом гораздо больше, чем показывает, но понимала, что шансы узнать правду уменьшаются с каждым днем. Я регулярно заглядывала в «Снэпчат» к Уитли и время от времени видела там всех четверых. Они выглядели такими счастливыми, такими беззаботными!

Будто ничего и не было.

И все же стало ясно, что соотношение сил внутри этой четверки изменилось.

Кип барабанил по столу двумя уцелевшими пальцами левой руки. Уитли то и дело заглядывала в телефон. Марта, казалось, пребывала в несвойственном ей скверном настроении, глуша один за другим коктейли,

которые бармен присылал за наш стол, — это пойло называлось «Крушение «Генерала Гранта»» и на вкус больше всего напоминало сырую нефть. Один раз я поймала на себе ее взгляд. Он показался мне обвиняющим. Я улыбнулась в ответ, но Марта отвернулась — так некоторые тропические растения съеживаются при малейшем прикосновении — и больше ни разу на меня не посмотрела. Потом Кэннон наклонился, прошептал что-то Уитли, мимоходом заправил ей за ухо выбившуюся прядь волос, и я задалась вопросом, не сошлись ли они вновь. Раньше мне казалось, что их удерживает вместе скорее привычка, нежели что-то еще.

Когда группа, приглашенная для разогрева, закончила играть, мне больше всего хотелось исчезнуть. Вызвать такси, вернуться в Уинкрофт, плюхнуться в папину машину, ударить по газам и никогда не вспоминать прошлое. Чего я вообще ожидала? Найти разгадку, бросающуюся в глаза, точно гигантский лопух среди тюльпанов, только и ждущий, чтобы я его выдернула?

И тем не менее я осталась. Я осталась на выступление следующей группы, потом следующей за ней. Я покорно пила «Московских мулов»^[5], которые ставила передо мной Уитли. Я разрешила Киплингу вытащить меня на танцпол и станцевала с ним чарльстон и фокстрот, позволяя ему крутить меня так, что я то и дело врзалась в пляжных завсегдатаев, мажоров и суровых байкеров, толпившихся под трясущимися бумажными фонарями и постерами с изображением затонувших кораблей.

«Еще немного, — клятвенно обещала я себе, — и я заведу разговор о Джиме».

После выступления следующей группы Уитли заявила, что хочет домой, в Уинкрофт, но никто не мог найти Кэннона. Как оказалось, он завис на заднем дворе бара, помогая девице, которая перебрала со спиртным и отрубилась у пожарного выхода.

— Ну все, опять он включил рыцаря Ланцелота, — прокомментировала Уитли.

Притулившись у ограждения, мы наблюдали за тем, как Кэннон с эффективностью лоббиста, обрабатывающего конгрессменов, находит пропавших подруг, сумочку, босоножки и айфон девицы. Он даже отыскал ее заколку и аккуратно собрал волосы так, чтобы они не пачкались, когда ее рвало, — это привело в изумление ее свежеобнаруженных подружек, таких же пьяных, как и она сама.

— Слушай, чувак, ты вообще человек?

— А девушка у тебя есть?

— Кто ты вообще такой?

Кэннон пятерней отбросил со лба чуб:

— Я — Бэтмен.

— Ну начинается, — вздохнула Уитли.

Кэннона нельзя было назвать красавцем: худой, с волосами мышиного цвета и невыразительным, каким-то смазанным лицом. Однако все это уравновешивалось бешеной энергетикой, которая неизменно приводила в шок и трепет всех, на кого он ее обрушивал. Стремительный, как заряженный ион, и неутомимый, как пулемет, в первую же свою неделю в Дарроу Кэннон взломал школьную компьютерную сеть, чтобы продемонстрировать изъяны в ее защите, и немедленно превратился в местного компьютерного гуру. Он привел в порядок обветшалый парк со скульптурами и спортивный зал. Он стал президентом класса и принялся организовывать марши, марафоны и сборы средств в пользу исчезающих видов растений и животных и в защиту прав девушек. При этом он первым признавал, что его бешеная общительность и активная жизненная позиция — это попытка взять реванш за детские годы, когда он был мучительно застенчивым компьютерным фанатом, обожающим Рэя Курцвейла^[6], фильмы Спилберга и песни «The Cure», без единого друга, кроме воображаемой мухи по имени Пит, которая жила в недрах его компьютера. Он был приемным ребенком, которого вырастила мать-одиночка, судья Верховного суда штата Калифорния. Кэннон покорила сердце Уитли, обойдя прочих претендентов из числа золотой молодежи, и это могло показаться случаем из серии «принцесса связалась с пажом», но чем лучше вы узнавали Кэннона, тем ясней понимали, что роль принца для него слишком тривиальна. Он был королем — или, во всяком случае, стремился к этому. Я никогда не встречала другого человека, который был бы так же честолобив и так же мало говорил об этом.

— Всех беспомощных барышень спас или еще остались? — поинтересовалась Уитли, когда Кэннон вернулся обратно, усадив девицу и ее пошатающихся подруг в такси от «Убера». Тот развел руками в шуточном триумфе:

— Бармен, судя по его виду, вот-вот сляжет с насморком. Но нет. На сегодня мои подвиги закончились.

— Слава богу. Мне нужно лечь спать, чтобы завтра хорошо выглядеть, — зевнул Кип.

Мы забрались в «ягуар». Но сколько Уитли ни жала кнопки на панели управления, складная крыша упорно не желала подниматься. Вручную поднять ее тоже не удалось.

Кэннон вызвался сесть за руль, но Уитли уперлась. Полил дождь, да такой сильный, что воды в воздухе внезапно стало больше, чем самого воздуха. Тридцатипятиминутная дорога домой превратилась в настоящее испытание. Съездившись, мы жались друг к другу на заднем сиденье, пьяные, продрогшие до костей. В какой-то момент Марту вывернуло на ее же ноги. Мы все дрожали под стремным плащом БВО Берта, который Уитли откопала в багажнике. Уитли начала плакать из-за того, что не видит дороги. С трудом вписавшись в поворот, мы едва не врезались в едущий навстречу эвакуатор.

Шофер оглушительно засигналил. Уитли крутанула руль. Взвизгнули шины, все закричали, автомобиль потерял управление и вылетел в кювет. Кип с размаху ударился головой о спинку переднего сиденья. Уитли заглушила двигатель, разрыдалась и принялась орать на Кэннона: мол, это он во всем виноват — вечно ему нужно впечатлять посторонних девиц, лишь бы почесать свои детские комплексы, и из-за него мы едва не погибли. Сорвав с его головы бейсболку, она швырнула ее в темноту, потом выскочила из машины, крича, что пойдет искать того, кто подбросит ее до дому, и побежала в сторону леса. Я не могла отделаться от мысли, что ее истерика связана не только с дождем и с аварией, которой лишь чудом удалось избежать, но и с моим внезапным появлением.

Кэннон двинулся следом за ней и несколько минут спустя привел ее, плачущую, обратно. На Уитли была его толстовка. Очень аккуратно, точно пташку с подбитым крылом, он устроил ее на переднем сиденье, прошептав:

— Все будет хорошо, Крикс.

Остаток пути машину вел Кэннон.

Когда мы, все пятеро, ввалились в дом, до нитки промокшие и пьянящие, у меня впервые возникло ощущение нормальности всего происходящего. Все было как в старые добрые времена. Спасибо заклинившему верху от «ягуара». Как выяснилось, чтобы растопить лед, достаточно побывать на волосок от гибели. Пребывая в приподнятом настроении и стуча зубами, мы стянули с себя промокшую одежду и побросали в кучу. Гэндалф, поскуливая, стал кружить вокруг нее. Уитли скрылась наверху. Марта, на четвереньках стоя перед камином, стонала:

— Я не чувствую ног.

Кэннон сходил в винный погреб, вернулся с четырьмя бутылками дорогущего шотландского виски и принялся разливать его в бокалы для шампанского. Уитли притащила громадную охапку махровых банных халатов и бросила их на диван, точно гору трупов.

— Мне никогда в жизни не было так страшно, — хихикая, призналась она.

И тут в дверь позвонили.

Мы выпрямились и озадаченно переглянулись, мысленно пересчитывая друг друга. Все были на месте.

— Кто-нибудь, вызовите охотников за привидениями, — заплетающимся языком проговорила Марта.

— Пойду открою, — сказал Кэннон и, криво отсалютовав, скрылся в вестибюле.

Никто не проронил ни слова — все прислушивались. Но тишину нарушал лишь шум дождя, барабанившего по крыше.

Минуту спустя Кэннон вернулся:

— Какой-то чудной старикан. На вид ему лет двести.

— Это Алистер Тоттерс, — подала голос Марта.

— Кто? — раздраженно переспросил Кэннон.

— Злодей и путешественник во времени из «Темного дома у поворота», — промямлила Марта.

— Нет, нет, — жизнерадостно зашептал Кип. — Старый маразматик с Альцгеймером, который удрал из дома престарелых во время дня открытых дверей. Без лекарств. Они всегда сбегает без лекарств.

— Я приглашу его пропустить стаканчик? — со вздохом спросил Кэннон и озорно подмигнул.

— Нет, — прошипела Уитли. — Так начинаются все фильмы ужасов!

— Глава третья, — пробормотала Марта.

— Эй... — Кэннон наставил на Уитли палец. — Это невежливо. Я его позову...

— НЕТ!

И тут мы все наперегонки ринулись в вестибюль, чтобы посмотреть своими глазами, толкаясь и путаясь друг у друга под ногами, хихикая, потуже затягивая на ходу пояса халатов, а затем принялись по очереди заглядывать в глазок, сталкиваясь лбами. Я была уверена, что Кэннон решил нас разыграть и за дверью никого не окажется.

Но он стоял за дверью. Высокий старик с густой седой шевелюрой.

В темноте я не могла различить черт лица, но отметила, что нежданный гость одет в темный костюм с галстуком. Он с улыбкой подался вперед, будто увидел, что я смотрю на него в глазок.

Кэннон с поклоном открыл дверь:

— Добрый вечер, сэр. Чем можем вам служить?

Старик ответил не сразу. Он обвел нас взглядом, методично

всматриваясь в каждого, и мне показалось, что он знает всех нас.

— Добрый вечер, — произнес он на удивление звучным голосом. — Могу я войти?

Никто не ответил ему — так странно и самоуверенно прозвучал этот вопрос. Я твердо решила, что он совсем не маразматик. Глаза — темно-зеленые, поблескивавшие в свете фонаря над дверью — были совершенно ясными.

— А, вы наш сосед, — сказала Уитли, подходя к Кэннону. — Если вы насчет яхты Берта, «Андьямо», то есть насчет того, что он бросил ее перед вашим причалом, то Берт просил передать, что у него какие-то проблемы с якорем и он уже договорился, чтобы ее отбуксировали на следующей неделе.

— Я не ваш сосед.

Он помолчал, выжидательно глядя на нас.

— Все-таки лучше, если я войду и все объясню.

— Говорите, что вам нужно, прямо здесь, — отрезал Кэннон.

Старик кивнул, явно не удивившись. И тут я отметила две странности.

Первая странность: он был очень похож на нашего музыкального руководителя из Дарроу, мистера Джошуа. На мгновение в моем затуманенном алкоголем мозгу промелькнула мысль, что это и в самом деле мистер Джошуа, просто за тот год, что я его не видела, с ним произошло нечто ужасное. Он пережил кошмарную трагедию и постарел на двадцать пять лет, волосы поседели, лицо покрылось сеткой морщин. И все же это был не мистер Джошуа. Тот был худощавым и румяным и по любому случаю заливался смехом. Этот же был костлявым, с ястребиным профилем, который ожидаешь увидеть на монетах иностранного государства или на бронзовом памятнике, стоящем в центре города. Его можно было бы принять за брата-близнеца мистера Джошуа, разлученного с ним при рождении и прожившего совершенно иную жизнь: тот воспитывал молодежь, этот же причинял страдания другим, что наложило на его внешность соответствующий отпечаток.

Вторая странность: на дорожке перед домом не было видно машины, и вопрос, как наш гость умудрился остаться абсолютно сухим, придя без зонта, повис в воздухе, вызывая смутную тревогу, точно слабый запах газа.

— Вы все — мертвецы, — произнес он.

Глава 3

— Боже правый! Надеюсь, вы простите меня. Я не совсем точно выразился. — Старик прикрыл глаза ладонью и покачал головой. — Я перегнул палку. Преувеличил для пущего драматизма, как в телесериале. Приношу свои извинения. Давайте попробуем заново, ладно?

Он улыбнулся и откашлялся:

— Вы все почти мертвы. Зависли между жизнью и смертью. Время для вас намоталось на осколок реальности, образовав замкнутую на саму себя потенциальность, именуемую «Проснись в Никогда».

На сей раз удовлетворенный, он кивнул и перевел дух.

— Вы не единственные, кто столкнулся с этим феноменом. Такие моменты возникают одновременно в прошлом, настоящем и будущем по всему миру, во всей Вселенной, известные и неизвестные, скомканные и развернутые. Время движется не линейно. Оно изгибается и мчится через туннели и мосты. Ускоряется. Потом замедляется. Может даже сойти с рельсов. Так вот... В этой заминке, назовем ее так, каждый из вас существует в данный момент. И останется там до нового уведомления.

Старик поклонился, как бессменный инспектор манежа из бродячего цирка

— с изящной непринужденностью, к которой примешивалась усталость.

— Я — Хранитель, — сообщил он. — Другого имени у меня нет. То, как я выгляжу и веду себя, мой голос, моя походка, мое лицо, все, что я говорю и думаю, — это совокупность пяти ваших жизней в том виде, в каком они были прожиты. Представьте себе уравнение. Настоящий момент равняется вашим душам плюс окружающие обстоятельства. Хотите еще пример? Представьте, что сознание каждого из вас помещено в блендер. Блендер включают на полную мощность. Получившийся коктейль и есть настоящий момент. А если с вами есть кто-то еще? Это будет несколько другой момент. Я добавил бы к сказанному несколько слов. У меня были бы другие волосы. Другие руки. Другие туфли. «Доксайдеры» вместо «Стива Мэддена». Но я отвлекся. Окружающие обстоятельства. Конечно, вам интересно, что я имею в виду. Так вот...

Он фыркнул, по-прежнему улыбаясь.

— Каждый из вас в настоящий момент лежит, вроде как мертвый, на обочине прибрежной дороги. Смерть наступила вследствие недавнего

лобового столкновения с эвакуатором марки «шевроле-кодыак» под управлением некоего Говарда Хейворда, пятидесяти восьми лет от роду, проживающего в Саут-Кингстауне, на Адмирал-роуд, двести восемьдесят один. Время стоит на месте. Оно заключено в одной восьмой секунды, как мотылек в банке. Выход, разумеется, есть. Мотылек может выбраться из банки, а время — вновь возобновить свой ход. В течение трех последних минут каждого пробуждения каждый из вас должен проголосовать. Выбрать того единственного, кто выживет. Он вернется к жизни. Остальные же умрут по-настоящему. Это состояние перманентное, но при этом совершенно непознаваемое. Решение должны принять все вместе, допускается лишь один голос в пользу кого-то другого. В живых останется только один. Исключений быть не может. Вопросы есть?

Никто не проронил ни слова.

«И все-таки он маразматик», — подумала я. И похоже, в прошлом подвизался на актерском поприще, потому что произнес свою речь с интонациями закадрового рассказчика из старых вестернов пятидесятых годов, хорошо поставленным баритоном, слегка нараспев, в старомодной величавой манере. Слова лились из него легко и непринужденно, будто он не раз произносил эту речь в прошлом.

Теперь он ждал, что мы скажем в ответ.

— Браво! — захлопал в ладоши Киплинг.

— Погодите, — нахмурилась Марта. — Он что, продает Библии?

— Чего вы хотите? — осведомился Кэннон.

Старик пожал плечами:

— Я всего лишь ресурс. Я не ищу вознаграждения, ни денежного, ни какого-либо еще. И тем не менее я желаю вам успеха.

— Успеха в чем? — захотела уточнить Уитли.

— В голосовании.

— Послушайте... — сказал Кэннон. — У нас был тяжелый вечер. Скажите прямо, чего вы хотите.

— Видимо, я не сумел как следует донести до вас суть дела. Вы предпочли бы получить эту новость в другом формате? Представление в лицах? Презентационные карточки? Иной язык? На итальянском даже самое зловещее предсказание звучит мягче, именно поэтому Данте использовал его для своего «Ада». — Он откашлялся. — Buonasera. Tra la vita e la morte, il tempo e diventato congelato... [\[7\]](#)

— Хватит! — рявкнул Кэннон. — Убирайтесь отсюда.

Старика это нисколько не обескуражило. Он улыбнулся, обнажив мелкие серые зубы:

— Ну что ж... Удачи вам всем. Бог в помощь.

Он легко сбежал по ступеням, зашагал по подъездной дорожке и через несколько секунд, мокрый с ног до головы, скрылся в темноте двора. Нам были слышны его шаги по мокрой траве.

— Умеют же некоторые мозг выносить, — хмыкнула Марта.

— Ему надо выдать приз как худшему продавцу всех времен и народов. По-моему, он подсмотрел приемы продаж в «Монти Пайтоне».

— Как он там нас назвал?

— Мертвецами, — прошептала я.

— А, точно. Со мной всякое случалось. Бывал и мертвецки усталым, и мертвецки пьяным. А вот просто мертвецом — еще ни разу. Звучит не слишком жизнерадостно.

— Да он религиозный фанатик, — сказала Уитли, грызя ноготь. — Ведь похоже? Из какой-нибудь секты. Может, в полицию позвонить? Вдруг он там не один? Вдруг они решили вломиться в дом и поубивать нас всех или что-нибудь в этом духе?

— Нет, он безобидный, — пробормотал Кэннон. Вид у него, впрочем, был обескураженный. Он прищурился, глядя на пустую дорожку, потом внезапно схватил зонтик и выскочил на крыльцо под очередной оглушительный раскат грома, после которого дождь полил еще сильнее. Выйдя во двор, он оглянулся по сторонам и скрылся в том же направлении, что и старик.

Мы молча ждали. Всем было не по себе.

Примерно через минуту Кэннон вернулся:

— Похоже, он успел выйти на дорогу. Как сквозь землю провалился.

— Давайте проверим камеры наблюдения, — сказала Уитли.

Они двинулись в подвал, где были установлены мониторы. Кип с Мартой, бормоча о том, что им нужно «выпить чего-нибудь покрепче, пока не настал пенсионерский зомби-апокалипсис», поплелись обратно в гостиную.

Я стояла на том же месте и вглядывалась в темноту.

Этот старик определенно вызывал у меня тревогу. Велеречивость, церемонность, выговор такой же, как у диктора и одновременно у человека, год прожившего в Англии, — за всем этим, казалось, скрывался тонкий расчет. словно то, что он рассказал нам, было лишь небольшой частью грандиозного плана.

Я вглядывалась в чащу леса — не шевельнется ли что-нибудь вдалеке? — и старалась остановить пьяную карусель в голове. Внезапно за моей спиной загремела музыка, перекрывая шум грозы, и ночной морок

слегка рассеялся. Глубоко вздохнув, я закрыла дверь и заперла ее на задвижку. Уитли права. Скорее всего, он пытался завербовать новых прихожан для своей церкви.

Тем не менее я прошла мимо Кипа с Мартой, которые гладили Гэндальфа, уютно устроившись на диване, и вышла в холл с телефоном в руках. Мама взяла трубку после первого же гудка.

— Би? У тебя все в порядке?

По ее встревоженному голосу я поняла, что они с папой еще не спят. Наверняка лежат с книгами в постели: папа — с толстенной биографией какого-нибудь президента, мама — с триллером Джеймса Паттерсона, пытаюсь читать его, хотя на самом деле уже в четвертый, если не в пятый раз скользит взглядом по одному и тому же абзацу, а потом взрывается: «Не понимаю, зачем она поехала к ним! У них какая-то загадочная власть над ней». А папа терпеливо отвечает, устремив на нее мудрый взгляд поверх очков: «Ей хочется увидеть их, Виктория, — это ее право. Она уже взрослая. И она сильнее, чем ты думаешь».

Я вдруг поняла, что сама не знаю, зачем звоню, — просто захотелось услышать мамин голос.

— Ехать домой уже слишком поздно. Я заночую здесь, — сказала я.

— Вообще-то, утром ты будешь нужна в «Рубке». Сонный Сэм позвонил и сказал, что он завтра идет к зубному.

— Я приеду.

Мама понизила голос:

— Ну как прошла встреча? Ты можешь говорить? У тебя расстроенный голос.

— Все в порядке. Я люблю тебя.

— Мы тебя любим, Бамбл. Звони, если что.

Я нажала на кнопку отбоя как раз в тот момент, когда в холле появились вернувшиеся из комнаты наблюдения Уитли с Кэнноном.

— Ни на одной видеозаписи его нет, — сказал Кэннон.

— Никаких следов, — подтвердила Уитли.

— Не вечер, а дурдом какой-то, — пробормотала Марта.

— Тоже мне, Хранитель, — покачал головой Кип. — Вылитый Санта-Клаус из Восточной Европы.

Уитли наморщила нос:

— У меня много лет подряд был такой пароль во всех интернет-сервисах. Я серьезно. «Хранитель-один-два-три».

В конце концов мы все сошлись во мнении, что это была Одна из Необъяснимых Вещей, развязавшийся шнурок мироздания. Но гроза

продолжала бушевать, одна за другой сверкали молнии и грохотал гром, от гигантского дуба отломился сук и рухнул прямо на террасу, проломив ограждение.

Мы вздрогнули и переглянулись, явно думая об одном и том же: вот и начало кошмара, предвестником которого стал тот странный старик.

Но ничего не произошло.

Прошел еще час. Уитли рассказывала, как ее домогался начальник в сан-францисской юридической конторе, где она летом проходила трехмесячную практику. Кэннон никак не мог определиться, любит он свою подругу, международную чемпионку по фехтованию, или нет.

— Любовь — это неуловимая птица, — заявил он. — Ты всю жизнь преследуешь эту редкую переливчатую птаху, за которой люди гонятся годами, чтобы наконец взойти на гору где-нибудь в Японии и три секунды полюбоваться, как она сидит на ветке сакуры.

— Ты путаешь любовь с совершенством, — возразила я. — Любовь если есть, то уж есть. Как металлический складной стул.

Никто ничего не ответил, и я с запоздалым смущением поняла, что ляпнула это, надеясь вывести разговор на Джима. И почти сделала это. Но потом Уитли поднялась, чтобы принести еще виски, а Киплинг промычал, что в последний раз так напивался в девять лет, и момент был упущен.

— Я скажу, что такое любовь, — заявила Марта, устремив взгляд в потолок. — Это принцип неопределенности Гейзенберга. Стоит только вообразить, что она тут, и сказать об этом вслух, как ее уже нет. Она вон там. А потом вот в этом месте. А после этого — вон в том. Ты не поймаетшь ее, а если поймаетшь, то не удержишь, как ни старайся.

Я впервые слышала от нее такие слова — как и все остальные, судя по изумленным взглядам. Марта на дух не переносила никакой романтики, и все это знали. В ответ на вопрос, кто ей нравится, она бросала такой взгляд, будто вы — трехголовое чудище:

— Зачем мне тратить время, ценнейший и невозполнимый ресурс, чтобы добиться кратковременного изменения уровня адреналина, дофамина и серотонина в организме?

Встречая в коридорах парочки, держащиеся за руки, Марта демонстративно обходила их по дуге.

— А вдруг это заразно, — поясняла она на полном серьезе.

Разговор перескакивал с темы на тему под перестук дождевых капель. В какой-то момент Кип снова начал называть меня Сестрой Би, после чего Кэннон заявил, что я была единственным человеком в школе, о ком ни одна живая душа — ни учитель, ни ученик, ни родитель, ни уборщица, ни даже

муравей — не сказала бы худого слова.

— Ты настолько хорошая, что это даже не раздражает, — добавил Кэннон.

— А помните, — фыркнул Кип, — как на биологии Би даже не сказала мистеру Джетти, что Чед Берман заблевал ей сзади всю блузку? Героически сидела, отвечала что-то про осмос и лишь потом попросилась из класса.

— А та поездка всем классом в Вашингтон, когда мистеру Миллеру пришлось уехать домой к беременной жене и миссис Гилд не стала звать другого учителя, а просто попросила Би?

Они залились смехом.

— Нашли о чем говорить, — отмахнулась я.

Все это время Уитли многозначительно молчала, самодовольно разглядывая пол, словно ей очень хотелось возразить, словно ее разбирал смех.

«Ну когда же? Когда? — так и подмывало спросить меня. — Когда разговор зайдет о Джиме?»

О нашем отсутствующем лидере. О шестом члене компании. О том, кого убили.

Неужели им не хотелось поговорить о нем? Ведь это был Джим. Джим, чья мрачная тень легла на наши жизни; Джим, который и после смерти не перестал владеть умами окружающих. Поэт Джим. Принц Джим.

Конечно, они думали о нем. Разве можно было не думать о нем?

Казалось, он стал чем-то вроде запертого дома в заброшенном поместье, к которому все боятся приблизиться и тем более заглянуть в его мутные окна.

Вскоре я отключилась, а когда проснулась и оторвала голову от диванной подушки, Уитли с Кэнноном спали под одним одеялом перед камином. Кип храпел на кушетке. Не спала только Марта. Похоже, она уже протрезвела и теперь сидела с книгой в кресле, на другом конце комнаты, подперев подбородок ладонью.

— Привет, — просипела я. — Сколько времени?

— Четыре пятнадцать.

За окнами по-прежнему было темно и лил дождь.

— Не могу уснуть, — со слабой улыбкой произнесла Марта. — Старик не выходит у меня из головы. Кажется, что он еще здесь.

Я вздрогнула и покосилась в сторону окна.

Уитли включила полную иллюминацию. Я увидела огромный рухнувший сук, сад с бассейном, вымощенную булыжником дорожку к причалу.

— Да ладно тебе, — прошептала я.

Мы поболтали, но паузы между репликами с каждым разом становились все длиннее и длиннее, как расстояние между последними крохотными островками архипелага, за которыми простирается открытое море.

Мы с Мартой никогда не были особенно близки, хотя все должно было быть как раз наоборот. Единственные стипендиатки в Дарроу, мы были двумя безродными дворняжками скромного происхождения и смирного нрава, волей судьбы угодившими в питомник чистокровных чемпионов.

Она попала в Дарроу, получив стипендию по физике, учрежденную гениальным выпускником, исследовавшим бозон Хиггса. Марта стала первым человеком за двадцать восемь лет, кому ее присудили. Гордость нашего класса, после окончания школы она отправилась напрямую в Массачусетский технологический институт, на факультет прикладной математики.

Выросла она в Южной Филадельфии без матери, с одним отцом. Ее семья была еще беднее моей. Отца Марты я никогда не видела, хотя Кэннон однажды обмолвился, что он держит бензоколонку и носит прозвище Микки Арахис. Джим рассказывал, что у Марты была сестра, намного старше ее, которая умерла от передозировки наркотиков, после чего мать Марты ушла из семьи. Марта, впрочем, никогда не говорила о сестре, а о матери упоминала только в связи с поездкой на Аляску, которую совершила в десятилетнем возрасте.

Проведя немало времени в ее обществе, я так и не выяснила, кого или что любит Марта, если не считать стремного андеграундного фантастического романа под названием «Темный дом у поворота». Прочитав его, она оклеила стены своей комнаты в общежитии плакатами с изображением дымящих паровозов и буквально поселилась на реддитовских форумах в поисках других одержимых фанатов, именовавших себя «излучерами». Время от времени она даже надевала на себя — без малейшего смущения, как ни удивительно, — цилиндр с очками или напудренный судейский парик по случаю дня рождения одного из героев. На дне ее рюкзака всегда лежал экземпляр романа — тысяча растрепанных страниц, отснятых на плохом ксероксе и сшитых размочаленным шнурком. На переменах Марта погружалась в него, видимо, для того, чтобы ни с кем не разговаривать.

С Джимом их связывала тайная дружба. Они познакомились в детстве в закрытом летнем лагере для одаренных детей, устроенном в особняке девятнадцатого века на севере штата Нью-Йорк. Лагерь назывался

«Сыновья и дочери да Винчи». Джим оказался там, сочинив мюзикл про Наполеона, который поставили в частной школе на Манхэттене, где он учился. Мюзикл имел такой успех, что про него написали в журнале «Нью-Йорк». А Марта попала в лагерь потому, что сконструировала у себя в гараже действующий двигатель для самолета.

Это Джим подбил Марту поступать в Дарроу: ему нравилось ее общество. За годы учебы она влилась в нашу компанию, окрашивая каждую ситуацию своей смертельной серьезностью или выдавая невольно цитату из «Темного дома», которую, разумеется, никто не мог опознать. И тем не менее я всегда подозревала, что единственным ее подлинным сторонником был Джим, а Кэннон, Уитли и Кип лишь мирились с ней, как миришься с досадным, но неизбежным неудобством, вроде астмы или любимого кота твоей половинки. Джим же упорно настаивал на том, что она потрясающая и что когда-нибудь, лет в шестьдесят, мы будем вспоминать прошлое и думать: «С ума сойти — я дружил с самой Мартой Зиглер!»

— И это будет примерно то же самое, что сказать: «Я дружил со Стивеном Хокингом». Вот какой известной она станет.

У этих двоих был особый условный язык: обняв друг друга за шеи, они смеялись над вещами, которые казались смешными только им. И хотя ревности как таковой я не испытывала, порой в глаза мне бросались особенности поведения Марты — тяжелый взгляд, странное замечание, — которые отзывались в мозгу тревожным звоночком и подпитывали мои давнишние подозрения в том, что у Марты есть жгучий секрет — ее влюбленность в Джима. Вот поэтому я никогда ей не нравилась.

Я могла лишь предполагать, что гибель Джима разбила ей сердце. После того как все произошло — дней за десять до летних каникул, — она ходила мрачная и неразговорчивая, а с последней в учебном году церковной службы умчалась первой, точно испугнутая летучая мышь. Вид у нее был взбудораженный. Я смутно припоминала, что из школы она уехала неожиданно, на день раньше меня, исчезла, ни с кем не попрощавшись. Уитли, всегда обращавшая внимание на то, что люди предпочли бы утаить, повторяла: «Что-то с Мартой не то».

И вот теперь она буравила меня сквозь очки-телеобъективы своим пристальным взглядом, от которого мне всегда было не по себе. Какие бы чувства ни вызвала в ней гибель Джима, какие бы эмоции ни всколыхнула, все они теперь были скрыты, точно стая синих китов, рассекающих толщу воды под обманчиво-спокойной океанской гладью.

До меня дошло, что Марта только что задала мне вопрос.

— Что?

— Я хотела спросить: ты до сих пор пишешь воображаемые саундтреки?

Она имела в виду мое хобби — сочинять альбомы к несуществующим фильмам. Я просто это делала, сама не знаю почему. В детстве я была мучительно застенчива и страшно стеснялась отвечать на уроках; многие учителя думали, что я заикаюсь или плохо слышу. И вот я начала делать маленькие книжечки со стихами и собственными рисунками к фильмам, которые мне было бы интересно посмотреть. Например, подростковый фильм про вампиров под названием «Кровавая академия». Или «Голубка нова», картина о жизни юной поп-звезды из Швеции, которая затем бесследно исчезла. Никакого смысла в этом не было. Я не могла внятно объяснить, зачем я выпускаю эти альбомы. Просто мне нравилось воображать, что это артефакты из другого мира, существующего за пределами нашего, видного всем, — мира, где я не была стеснительной, а произнесенные слова не скапливались во рту, точно мраморные шарики. В том мире я была храброй. Это была моя альтернативная реальность, мой «стеклянный зверинец», по выражению Джима.

В наш первый школьный год, когда все были в актовом зале на одном из воскресных балов, разразился буран и отключилось электричество. Я случайно порвала платье и поэтому оставила Джима в зале, а сама побежала к себе в комнату — переодеться. К своему изумлению, я застала в общей комнате Марту: вооружившись фонариком, она читала «Гордость и предубеждение», с головой уйдя в книгу и не замечая, что одно из окон открыто нараспашку и в углу уже намело сугроб высотой в три дюйма. Мы просидели два часа вдвоем — только я и она. Это был единственный раз. Я зачем-то показала Марте мою коллекцию альбомов к воображаемым фильмам — наверное, надеялась сгладить неловкость в отношениях между нами. С тех пор, когда мы оказывались наедине, она спрашивала меня об этих альбомах, видимо считая, что это

универсальный способ разговаривать со мной. Честно говоря, это слегка действовало мне на нервы.

— Нет, — с притворным зевком отозвалась я. — Больше не пишу. Пойду-ка я наверх и поищу себе кровать.

Марта с серьезным видом кивнула:

— Спокойной ночи, Беатрис.

Марта вновь уткнулась в свою книгу, а я выскользнула из комнаты и поплелась на второй этаж. Там я заняла мою любимую гостевую комнату в конце коридора, откинула покрывало и забралась в кровать.

В любую другую ночь я не сомкнула бы глаз, преследуемая воспоминаниями, которые были связаны с этой комнатой. Я свернулась калачиком под тяжелым одеялом, и все было как всегда. Не хватало только Джима, который лежал бы, уютно устроившись у меня под боком, и сочинял песни при свете своего телефона.

Я поставила будильник на шесть утра и закрыла глаза. Будет лучше, если я уеду, пока никто из них не проснулся.

И тогда, хорошо это или плохо, я навсегда закрою для себя тему Уинкрофта.

Глава 4

Когда я открыла глаза, вокруг было светло.

Я замерзла и вспотела. Нет, это не был пот, поняла я мгновение спустя, проморгавшись. Это был дождь. На мне нитки сухой не было, потому что я сидела на заднем сиденье «ягуара», верх которого был по-прежнему откинут. Кто-то, по-видимому очень пьяный, припарковал его точнехонько посреди клумбы во дворе Уинкрофта.

Дождь все еще лил как из ведра. По сторонам от меня сидели Кип с Мартой. Вид у обоих был озадаченный.

— Что ты делаешь? — спросил меня Кип. Он насквозь промок, глаза налились кровью. С кончика его носа свисала дождевая капля. — Куда ты нас везешь?

Я понятия не имела, чего он от меня хочет. Выбравшись из машины, я бросилась по дорожке к дому, рванула на себя входную дверь и едва не столкнулась с Уитли. Она стояла столбом посреди вестибюля, в той же самой одежде, которая была на ней вчера вечером. Уитли выглядела настолько потрясенной, что я немедленно поняла: случилось что-то ужасное.

— Что? Что такое?

Но она лишь молча прошла мимо меня, не в силах вымолвить ни слова.

Я поспешила следом за ней в кухню. Потом, по-прежнему дрожа, произвела ревизию собственного тела. Чувствовала я себя вполне нормально. В голове — полная ясность. И все же я почему-то проспала. К открытию «Рубки» уже не успеть. Родителям в одиночку придется справляться с утренним наплывом посетителей, потом с обеденным; папа в запарке не вспомнит, что людям нужно говорить о фирменных блюдах, мама начнет твердить, что фирменные блюда больше не нужны, слишком уж дорого, — и этого иногда бывало достаточно, чтобы они вдрызг разругались, хотя такое случалось крайне редко.

Кэннон стоял посреди кухни у островка и что-то набирал на своем ноутбуке.

— Вот, смотри! — бросил он через плечо, очевидно приняв меня за Уитли. — «Нью-Йорк таймс». Точно та же, что и вчера.

Я подошла и остановилась рядом с ним. Он был взвинчен, будто выпил пять-шесть чашек кофе.

— Что случилось?

— Что случилось? — передразнил он, оборачиваясь ко мне, потом схватил меня за голову и повернул лицом к экрану.

— «Сенат настаивает на новой иммиграционной инициативе», — прочла я вслух.

— Ты на дату взгляни! — рявкнул он.

— Пятница, тридцатое августа. И что?

— И что? И что?! А то, что это вчера! — Нахмурившись, он вновь застучал по клавишам, загружая сайт Си-эн-эн. — Си-эн-эн. «Пост». «Тайм». Дата везде та же самая.

Он сунул мне в руки свой айфон. Ничего не понимая, я вытаращилась на дату, светившуюся на экране поверх экранных обоев — фотографии его фехтовальной подружки-чемпионки.

Он был прав. «30 августа. 17:34».

Видимо, с линией перемены даты что-то случилось. Или террористы взломали Интернет. Словно прочитав мои мысли, Кэннон сунул мне под нос свои часы. Стрелки показывали пять тридцать пять. На индикаторе даты стояло тридцатое.

— Как хакеры могли подкрутить мой «Таг Хойер»?

Я лишь молча хлопала глазами.

Тут его телефон завибрировал. Звонила некая Александра. Он схватил трубку:

— Алекс! Не отключайся. Так, погоди, погоди... Скажи, сколько сейчас времени и какое сегодня число. Время и дату. Я тебе все сейчас объясню — ты можешь сказать мне чертову дату? Я же не прошу тебя процитировать мне Декларацию незави... Ну почему нельзя просто заткнуться и сказать мне, какое сегодня...

Не знаю, что ответила озадаченная Алекс, но Кэннон, охваченный яростью, запустил телефоном в раздвижную стеклянную дверь. А потом рухнул на диван, с безумным видом глядя в пол. Я бросилась к своей сумочке, порылась в ней и вытащила телефон, что само по себе было очень странно: ведь в последний раз я держала его в руках там, наверху.

Дата на экране была в точности та же самая. 30 августа. Чувствуя дрожь от подступающей паники, я позвонила маме.

— Привет, Бамбл...

— Мама. Мама? Где вы?

— Едем смотреть «Его девушку Пятницу». А что?

— Вы что, вчера не посмотрели?

— Вчера?

— Мама, какой сегодня день?
— Что? Почему ты кричишь?
— Какое сегодня число?
— Пятница... пятница, тридцатое августа.
— Ты уверена?
— Дата прямо передо мной, на приборной панели.
— Сегодня тридцатое, — вклинился в разговор папа.
— Мама, я звонила тебе вчера вечером, помнишь?
— Вчера вечером? Что?
— Вчера вечером я позвонила тебе и сказала, что остаюсь ночевать в Уинкрофте. А ты попросила меня приехать к открытию, потому что Сонному Сэму надо к зубному.
— Сэм завтра не выйдет? Он позвонил тебе? Сэм завтра не выйдет! — сообщила она папе.
— Он позвонил Би, хотя мы раз двадцать проверили, что у него есть наш номер?
— Би, что у вас делается? Может, мы приедем и заберем тебя?
Я нажала кнопку отбоя, чувствуя, как грохочет в ушах кровь. Мама немедленно перезвонила, но я была не в состоянии с ней разговаривать.
Я уселась на диван и попыталась успокоиться. Наверняка это сон, и все. Очень реалистичный сон. Я велела себе проснуться. «Проснись». Потом стало ясно, что в доме появились Кип с Мартой. Они остолбенело застыли посреди вестибюля, словно только что очнулись и поняли, что ходили во сне. Уитли отступила обратно на кухню. Все ее движения были замедленными, как у того, кто ходит по поверхности Луны.
— Эй, — еле слышно прошептал Кип. — Что тут — землетрясение? Или конец света, о котором мы узнали последними?
И тут в дверь позвонили.
Я не стала дожидаться остальных, вскочила с дивана, метнулась мимо Кипа с Мартой к входной двери и распахнула ее.
— Быть может, теперь меня пригласят на чашку чая, — произнес тот самый старик.

Глава 5

— Главное — сохранять спокойствие, — сказал Хранитель. — Паника ни к чему хорошему не приведет.

Он заваривал чай.

Чая он попросил первым делом, едва переступил через порог, а поскольку все мы пребывали в крайнем смятении и не отреагировали на его слова, он, к

полному нашему изумлению, занялся этим сам. Он набрал в чайник воды, поставил его на плиту, зажег газ и достал из шкафчика кружку, точно был частым гостем в этом доме.

— Запомните одну вещь, — возможно, это вас приободрит, — продолжал он, отточенным движением поправляя узел синего шелкового галстука. В этот миг на него упал свет лампы, и я различила на шелке отчетливый орнамент в виде оленей, точно воспроизводивший скульптуру у входа в Дарроу. — Многие попадали в Никогда и до вас. Многим предстоит попасть туда в будущем. Сотни миллионов завершат свой земной путь, так и не получив шанса, который выпал каждому из вас. Считайте это драгоценным даром. Шансом изменить историю, ибо, выбрав того, кто останется в живых, вы повлияете на бесконечные миллиарды будущих мгновений. Вы должны полагаться друг на друга. Каждый из вас — ключ, а все остальные — замки к нему. Это не кошмар и не сон. Это трещина, в которую все вы будете падать, пока не придете к согласию. Чем скорее вы смиритесь со своим положением, тем скорее покончите с ним.

Этот старик в доме, *снова в доме*, одетый все в тот же темный костюм, говорящий все тем же величавым голосом, настолько не вписывался в реальность, что никто из нас не мог вникнуть в его слова. Уитли с Кипом стояли у кухонного островка и таращились на него разинув рот, словно им явился полтергейст. Марта с каменным лицом сидела на диване, — казалось, будто она собирается упасть в обморок. Я изо всех сил старалась вдумываться в то, что говорит старик: вдруг это поможет понять, кто он такой на самом деле? Но все это время мой внутренний голос буквально вопил: «Это розыгрыш. Просто розыгрыш!» Это не могло быть правдой. Кто-то решил сыграть с нами изощренную и злую шутку — то ли международные террористы, то ли хакеры из «Анонимуса» или из другой группировки.

Еще раньше я заметила краем глаза, как Кэннон скрылся наверху.

Теперь он вернулся со спортивной сумкой на плече.

— Я поехал, — объявил он.

— Как?! — немедленно вскинулась Уитли. — Куда?

— В аэропорт.

— Но сегодня вчерашний день, — сказал Кип.

— Нет. Не вчерашний. Да, мы не можем этого объяснить, но какое-то объяснение существует. Наверняка на физическом факультете Гарварда ищут его прямо сейчас.

— Боюсь, на физическом факультете Гарварда ничего не знают о вашем бедственном положении, — вмешался Хранитель, наматывая чайный пакетик на ложку, чтобы отжать его. — Сейчас там ломают голову над квантовой гравитацией. Точнее, над вакуумной катастрофой.

Кэннон послал ему холодный взгляд:

— Я еду домой.

— И что ты будешь там делать? — поинтересовался Кип. — Пожалуешься мамочке? «Мама, сегодня опять настало вчера»?

Кэннон пожал плечами:

— С ним я тут хрен останусь.

Он вышел. До нас донесся хлопок входной двери. И тут Уитли неожиданно со всех ног бросилась за ним. И Киплинг. И Марта тоже. Все разом сорвались со своих мест и побежали, словно узнали, что у старика есть при себе взрывчатка, на ходу хватая ключи от машин, сумочки, кофты, телефоны. Мне не хотелось оставаться с ним наедине, поэтому я тоже схватила сумку и выскочила под дождь. Все наперегонки неслись к своим машинам. Один за другим завелись двигатели; вздрогнув, пришли в движение дворники. К тому времени, когда я раскочегарила свой старенький «додж», остальные четыре машины уже скрылись.

Хранитель вышел на крыльцо и остановился, прихлебывая чай.

Все это — наше бегство, притом что в доме оставался совершенно незнакомый человек, — было безумием, которое не укладывалось в голове.

— Не волнуйся! — жизнерадостно крикнул он мне, перекрывая шум дождя.

— Я обещаю не красть хозяйское серебро!

Я втопила в пол педаль газа, и «додж» с ревом рванул с места. Меня не отпускало ощущение, что за мной гонятся. И все же, завернув за очередной поворот, я увидела, что никто меня не преследует. Когда я бросила прощальный взгляд на Уинкрофт — красный кирпичный особняк, притулившийся за холмом,

— даже Хранитель куда-то исчез.

Начинало темнеть. Дождь все лил и лил со свинцового неба. Я проехала несколько миль, пристально вглядываясь в каждого встречного водителя, желая убедиться, что все они — настоящие, живые люди, а не призраки, инопланетяне или зомби (большинство из них таращились на меня, видимо гадая, что со мной случилось), и начала понемножку расслабляться. Все водители выглядели совершенно нормальными людьми, живыми, обыкновенными. Они жевали жвачку и тыкали в кнопки радиоприемников, нисколько не задумываясь о том, какой сегодня день и сколько времени.

Все было в порядке.

Я снова набрала номер мамы.

— Би?

— Вы где?

— В кино. Что случилось? В прошлый раз у тебя был такой странный голос, мы с папой даже испугались...

Я поехала напрямик в Уэстерли. Родители, белые как мел, ждали меня перед кинотеатром. Я припарковалась посреди пожарного проезда, выскочила из машины, не заглушив двигателя, и обняла их.

Они настоящие. Я не сплю. Все будет хорошо.

Мама была расстроена:

— Не вздумай никогда больше общаться с этими...

— Виктория! — одернул ее папа.

— Что? Ты посмотри на нее. На ней лица нет. Все! Хватит с нас одного раза. Эти ее друзья — они же насквозь гнилые. Избалованные. Всю жизнь живут и никогда не смотрят на то, что наворотили, а мамочки и папочки утирают им сопли и выгораживают их.

— Они ведь совсем дети.

— Из-за этих «совсем детей» наша дочь два месяца не могла ни есть, ни спать, если ты не забыл.

— Это был шок. И горе.

По моим щекам текли слезы, но родители, конечно, не догадывались о том, что это слезы облегчения. Дня, который уже был, на самом деле не было.

А все это — было.

Я кое-как успокоила родителей, и мы поехали ужинать в «Шейкдаун». Мы поболтали с Арти, который угостил нас яблочным пирогом за счет заведения. Мы прогулялись по дощатому настилу вдоль набережной, обсуждая очередное предложение от застройщиков: продать «Капитанскую рубку», чтобы на ее месте выросли жилые дома. Родители были

встревожены не столько моим внезапным появлением, сколько неожиданным энтузиазмом по поводу перспективы провести с ними вечер: на протяжении всего лета я относилась к ней холодно. Но вслух они ничего не сказали, сделав вид, что поверили в объяснение моего внезапного отъезда: «Я не могла больше там оставаться. Мы просто переросли друг друга, понимаете?»

А еще они всю дорогу добродушно посмеивались над моим маниакальным стремлением продлить этот вечер, полюбоваться каждым морским пейзажем в каждой витрине каждой галереи, прогуляться к старым качелям на пляже, рядом с которыми, на стене, краской из баллончика была выведена надпись: «Жизнь — всего лишь сон», оттягивая необходимость ехать домой и ложиться спать.

Я боялась спать, потому что мысль о том, что я уже прожила этот день, не выходила из моей головы, точно случайно привязавшаяся дурацкая песенка.

Домой мы приехали слегка за полночь. За рулем моего «доджа» сидел папа: я сослалась на усталость, хотя на самом деле не желала оставаться одна в машине. Мы ввалились в дом. Папа отчаянно зевал. Мама отправилась загружать посудомойку.

— Ты посидишь со мной, пока я не усну? — попросила я ее.

— Ну конечно, — улыбнулась мама, хотя моя просьба явно встревожила ее. В прошлый раз я просила ее об этом сразу после гибели Джима.

Она присела на краешек моей кровати, и мы поговорили сначала о том, что надо бы поменять меню в «Рубке», потом о сносе разводного моста: муниципалитет вынес этот вопрос на голосование. Я понимала, что маме очень хочется расспросить меня о них, о моих старых друзьях, и о том, что произошло сегодня, но она не решается.

В какой-то момент она встала и принялась внимательно разглядывать белые в цветочек обои на стенах моей комнаты.

— Нет, ты только погляди. Папа сказал, что он с этим разобрался.

Она поскребла ногтем стык обоев в углу и пальцем поддела краешек. Часть бумаги немедленно отошла от стены.

— Что?! Да здесь все в плесени.

— Это знак. Вам нужно продать «Рубку» и переехать во Флориду.

Мама скрестила руки на груди:

— Я что, похожа на пенсионерку?

Я почувствовала, как меня одолевает сонливость. Мама говорила что-то о папиной больной спине, о том, как ему тяжело и как он скрывает это.

Держа ее за руку, я начала проваливаться в сон.

Мамина рука была настоящей. А то, что случилось до этого, — нет. Ну решил день повториться. Тоже мне, событие.

На какие только ухищрения не пойдет разум, чтобы уберечь тебя.

Разум изо всех сил старается смягчить последствия любой катастрофы, делая все возможное и невозможное. Но потом разрыв между действительностью и искусно сплетенной иллюзией становится слишком большим, и даже разуму не под силу это выдержать. Все попытки самоуспокоения и самовнушения, все надежды на то, что все закончится хорошо, неминуемо расползаются в клочья и обращаются в ничто.

И тогда прозрение оборачивается кошмаром.

Проснувшись я опять под дождем на заднем сиденье «ягуара», зажатая между Мартой и Киплингем. Когда я выскочила из машины и бросилась в дом, меня так колотило, что пришлось сесть на диван, опустить голову между раздвинутых коленей и продышаться, стараясь не потерять сознание.

Я снова очутилась там же. В Уинкрофте. Хорошо хоть живая.

Но разве это жизнь?

Гэндальф с лаем носился кругами по гостиной.

— Нет. Нет. Нет! — закричала я Кэннону.

Он снова стоял за кухонным островком и что-то набирал на клавиатуре своего ноутбука, но — явно после того, как увидел все ту же дату, — захлопнул его и бросил в другой конец комнаты.

Вскинув глаза, я ошеломленно поняла, что Уитли мечется по дворику, охваченная очередным припадком ярости. До нитки промокшая, она выдергивала белые зонтики, прикрепленные к садовым столикам, и швыряла их за ограждение. О ее бешеном темпераменте в Дарроу ходили легенды.

— Психичка ненормальная, — шипели самые злоязыкие из девчонок.

Я всегда завидовала этому — уму и красоте Уитли в сочетании со

способностью, совершенно не заморачиваясь приличиями, закатывать сцены и давать волю своим первобытным эмоциям. Это казалось несправедливо шикарным, словно она была неукротимой героиней викторианского романа. (Даже затертая фразочка, ходившая по школе, — «темперамент Лэнсинг» — казалась восхитительно старомодной, чем-то вроде названия экзотического недуга, от которого не существовало лекарства.) Такой же необузданной — вот какой я мечтала быть. Уитли бросалась в бой очертя голову. Я цепенела. Уитли открывала рот и вопила. Я немела. Ее припадки ярости были монументальными, пятизвездочными,

мультиплатиновыми. Они исходили из какого-то kloкочущего источника внутри ее, происхождение которого Уитли не могла объяснить. Раскрасневшись, сверкая глазами, она разносила свою комнату в общежитии, раздирала в клочья тетради, молотила кулаками по стенам, переворачивала столы, в пух и прах ругалась с учителями, нисколько не задумываясь ни о такте, ни о жалости, ни о последствиях. В такие моменты мне всегда казалось, что Уитли видит другой мир, незримый для всех остальных, настолько уродливый и бескрайний, что он не вмещается в рамки английского языка.

Из-за этих припадков она вечно попадала в изолятор. Ее вышибли бы из школы, если бы не ее мать, Линда, генеральный директор фармацевтической корпорации «Лэнсинг драгс», которая прилетала из Сент-Луиса в роскошной норковой шубе и все улаживала: например давая деньги на очередное крыло школьной библиотеки. Благодаря этому Уитли разрешили выезжать за пределы школы — к психологу в Ньюпорте. Когда на нее в очередной раз находило, я всегда бросалась к ней и крепко обхватывала руками, как астронавт, преграждающий товарищу путь в открытый космос.

Теперь же, глядя, как Уитли хватается за садовый стул и с воплем выкидывает его за ограду, я лишь тупо смотрела на нее, будучи не в состоянии сдвинуться с места. Я была не в силах ей помочь. Я была не в силах помочь себе.

В кухне появились Киплинг с Мартой и принялись озиаться по сторонам с видом людей, оценивающих ущерб после торнадо.

— Надо куда-нибудь обратиться, — дрожащим голосом сказал Киплинг. — В ФБР? В ЦРУ?

— И что мы им скажем? — поинтересовалась у него Марта. — Что время заело как пластинку?

— Не может же быть, чтобы мы одни так попали. Это ЧП национального масштаба.

— Андерсон Купер^[8] наверняка уже весь в работе, — пробормотал Кэннон. Он сидел на полу, обхватив шею сцепленными руками, словно был в бомбоубежище. — «Сегодня. Экстренное сообщение. Сегодня — это вчера. Снова. Подробности развития событий, которого не происходит. Делитесь с нами вашими историями в «Твиттере», хэштег — «День сурка наяву»».

Киплинг схватил пульт, повернулся к телевизору и принялся переключать каналы. Везде шла обычная дребедень. «Далее в программе: как приготовить омлет-трехминутку». «Белое белье остается белоснежным,

а цветное сохраняет яркость».

В дверь позвонили.

Никто не сдвинулся с места.

Через несколько секунд в комнате появился Хранитель с сочувственным, даже слегка отеческим выражением на лице. Теперь в его облике сквозило что-то неуловимо пугающее: тот же костюм, тот же галстук. Меня затошнило.

— Этот день будет самым трудным, — пояснил он. — Второе пробуждение переживается тяжелее всего.

— Скажите нам, что делать, — подала голос Марта.

— Я уже говорил. Проголосуйте.

«Проголосуйте». Как будто речь шла о том, чтобы свернуть налево, а не направо.

Уитли, видимо, заметила Хранителя через окно: раздвижные стеклянные двери разъехались, и она выросла на пороге, тяжело дыша, буравя старика взглядом, омываемая струями дождя. Ни дать ни взять сцена грозы из старого фильма. Прежде чем кто-нибудь успел вмешаться, она подскочила к столику, схватила китайскую вазу и запустила в голову старика.

Хранитель рухнул на пол как подкошенный. Кэннон бросился к Уитли, но та грубо отпихнула его и, схватив Хранителя за галстук, поволокла в кресло. Затем она принялась метаться по кухне, открывая шкафчики и выкидывая на пол кастрюли, ложки и поварешки.

— Цикл насилия — это всего лишь бессмысленное отрицание реальности, — сказал Хранитель, держась за голову.

Уитли уже стояла перед ним с мотком кулинарного шпагата. Безжалостно связав ему запястья, она взмахом четырнадцатидюймового разделочного ножа перерезала шпагат, едва не задев при этом челюсть старика. Потом, сжав зубы, она нагнулась и проделала то же самое с его лодыжками. Хранитель не сопротивлялся и не протестовал — лишь молча смотрел на нее с таким выражением, словно все происходящее крайне забавляло его. Так отец смотрит на четырехлетнего сына, пытающегося закопать его в песок на пляже.

Уитли подтащила табуретку и уселась перед стариком, откинув со лба волосы:

— Давай выкладывай.

— Что именно? — уточнил Хранитель.

Она отвесила ему смачную оплеуху.

— Уитли! — одернул ее Кэннон.

— Говори, кто все это устроил и как нам выбраться!

Хранитель прикрыл глаза:

— Я же сказал. Проголосовать. А насчет того, кто это все устроил... Есть бесконечное множество вариантов. Вселенная, Бог, Абсолют, Всевышний, Сущий, Адонай, Ахурамазда...

Последовала новая оплеуха.

— Уитли... — прошептал Киплинг. — Думаешь, это хорошая идея — устраивать бедняге такую тарантиновщину?

— Никакой он не бедняга. Он играет с нами.

Очередной удар. Хранитель продолжал невозмутимо восседать в кресле. Из его носа струилась кровь. Я заплакала, но даже не попыталась остановить Уитли. Никто не попытался. Мы все пребывали в каком-то оцепенении, и у каждого в голове наверняка скреблась мыслишка — как ни ужасно в этом признаваться, — что если хорошенько отделать Хранителя, возможно, мы вытащим из него хоть какую-то информацию, то, что положит конец всему этому. Он признается, что это — лишь хитроумная игра; занавес упадет, декорации разлетятся на части. Мы все посмеемся. «Оборжаться. А мы-то купились». К тому же в глубине души я надеялась, что, как это уже случалось с моими детскими кошмарами, если события примут совсем уж странный оборот, сон развеется и я проснусь.

Уитли снова ударила Хранителя.

— В последние три минуты каждого сеанса пробуждения вы будете голосовать за того единственного, кто останется в живых...

— Почему в живых остаться должен только один? — неожиданно спросила Марта, подходя к Уитли и останавливаясь рядом с ней.

— Я не могу объяснить, как и почему происходит что-либо в Никогда. Это определяете вы сами.

— Но если время остановилось, — спросил Кэннон, — почему мы не можем вернуться к нормальной жизни?

— Только на одиннадцать целых и две десятых часа. Шестьсот семьдесят две минуты. Это продолжительность вашего пробуждения. Для Кэннона и Уитли она составляет шестьсот семьдесят пять минут. По окончании этого времени вы все снова просыпаетесь в Никогда, так же неотвратимо, как Золушкина карета в полночь превращается обратно в тыкву. Авария, в которую вы попали, образовала затяжку в материи пространства-времени, что-то вроде складки на ткани. Но настоящий мир никуда не исчез. Он живет вокруг вас по своим законам, наподобие пули, оставшейся в патроннике.

— А время начала нашего пробуждения — что оно значит? —

спросила Марта.

— Начало и конец пробуждения определяются бесконечным числом факторов, включая резкость импульса, силу связи и простую случайность.

Уитли, похоже, больше не могла этого слышать. Она швырнула нож на пол, схватила с кухонного островка телефон, набрала какой-то номер и начала отрывисто говорить о чем-то приглушенным голосом, на ходу надевая свои «конверсы».

— И куда ты собралась? — спросил Кэннон.

— В Т. Ф. Грин.

Так назывался аэропорт для частных самолетов неподалеку от Провиденса.

— Я забронировала самолет на Гавайи. Вылет через час. Поехали.

— Боюсь, это ровно ничего не изменит, — вмешался Хранитель.

Уитли уставилась на него:

— В конце этого вашего — как его там, пробуждения? — мы будем в самолете, в тридцати шести тысячах футов над Тихим океаном. И что, по-вашему, произойдет? Мы исчезнем из салона, в духе всех этих трюков Вилли Вонки? Или как?

— Сами увидите, — отозвался Хранитель.

Все отправились вместе с Уитли, кроме меня.

Я не смогла. Я была слишком опустошена, слишком напугана перспективой оказаться так далеко от родителей, в небе, внутри металлической коробки, вместе с ними.

Вместе с ними.

Теперь они стали для меня «ими». Я больше не была одной из них. Если что-то и стало ясно, то именно это: люди, которых я когда-то любила и которым доверяла больше всех на свете, стали для меня совершенно чужими.

В чем я провинилась? Почему я должна очутиться в аду вместе с ними?

Я не могла думать об этом. Вернее, не могла позволить себе развивать эти мысли. Надо было сосредоточиться на текущих событиях. На большее меня не хватило бы.

Я смотрела, как они, в разной степени убежденные, набиваются в джип Кэннона. Каждый, конечно же, думал, что план Уитли — немедленно бежать на запад, на тропический остров, — провалится. И все же они пошли за ней. Из солидарности? В напрасной надежде на то, что план все-таки сработает, что принадлежащий Линде «Гольфстрим-5» с бежевыми кожаными сиденьями и подносами, на которых лежат ломтики манго,

прорвется сквозь розовую сахарную вату облаков и унесет их прочь из замкнутого круга, станет той лазейкой, тем потайным ходом, тем пропуском, благодаря которому они вырвутся из этого кошмара?

На негнущихся ногах я спустилась с крыльца и, почти не ощущая струй дождя, забралась в «додж». Уже дав задний ход, я увидела, что Хранитель умудрился высвободиться из пут и стоит на крыльце с окровавленным лицом. Гэндальф льнул к нему, точно обрел хозяина, с которым долгое время был разлучен.

На этот раз старик не произнес ни единого слова. В словах не было необходимости. Улыбка, которой он проводил меня, сказала все.

«Скоро увидимся».

Глава 6

Не спать не получалось.

Мы пробовали. Но сколько бы чашек кофе или банок «Ред булла» ты ни выпил, сколько бы таблеток кофеина или женьшеня ни принял, тело все равно затягивало в бездну сна — самого крошечного сна в твоей жизни. А потом ты оказывался там, где все началось.

В пробуждении.

Покончить с собой тоже было нельзя.

Кип пробовал. Он повесился на ремне БВО Берта в одной из комнат второго этажа. Я его не видела. Мне рассказала Марта. В следующем пробуждении, как обычно, он вновь очнулся рядышком со мной на заднем сиденье «ягуара», целый и невредимый: ни черно-багровых отметин вокруг шеи, ни распухшего лица.

Будто ничего и не было.

— Мы бессмертны, — заявил Кэннон. — Надо захватить Белый дом.

— За одиннадцать целых и две десятых часа? — осведомилась Марта. — Мы не успеем даже доехать до Чикаго, а тем более завладеть свободным миром.

Рассказать родителям. Заявить в полицию. Сдать Хранителя властям. Позвонить на горячую линию психологической помощи. Сдаться в местную психушку и попросить дежурного психиатра сделать так, чтобы завтрашний день наконец настал. Сходить на исповедь. Пожаловаться водителю автобуса, таксисту, замотанной официантке в круглосуточной забегаловке, которая чего только не видела, согбенной старушке в отделе заморозки супермаркета, затаривающейся в промышленном количестве замороженными слоями с пепперони, мужику в кожаной куртке, присматривающему обручальное кольцо в «Кеймарте». Прочитать двести пятьдесят две книжки в разделе научной литературы Уорикской публичной библиотеки и сто тысяч миллионов текстов в «Google-книгах», пытаюсь выяснить, не касался ли кто-нибудь из мудрецов вроде Коперника, Аристотеля, Дарвина или Хокинга, хотя бы отдаленно, таких тем, как ошибки во времени, космические залы ожидания, смертельные лотереи в чистилище, человеческие террариумы в аду.

— Напомните, какая тема вас интересует? — переспрашивала меня библиотечка.

— «Проснись в Никогда».

Она набирала название на клавиатуре, потом качала головой:

— В Библиотеке Конгресса ничего нет.

Мы перепробовали все это еще в начале.

И каждый раз просыпались в том же самом месте, в то же самое время. Мы были как песни, поставленные на бесконечный повтор, как светлячки в стеклянной банке, как крики, нескончаемым эхом отдающиеся в ущелье.

Замкнутый круг повторений противоречит самой сути человеческого существа, и это — скажу с полной уверенностью — совершенно невыносимо. Разум лихорадочно работает, пытаюсь опровергнуть твои ощущения. Когда ничего не получается, мозг с поразительной легкостью выходит из строя. Психика — вещь хрупкая. Все равно что детский замок из песка перед набегавшей волной. Теперь я поняла, как мало у нас возможностей для того, чтобы контролировать наш мир и вообще что-то, кроме собственных действий, поняла, что моя маленькая жизнь мне не принадлежит. Мы были беспомощными пассажирами, запертыми в космическом корабле, который вращается вокруг Марса. Солнце, небо, звезды... Сколько времени я потратила, глядя на них? Сколько часов провела, лежа в шезлонге у бассейна под проливным дождем и сожалея о том, что я — не они, не сгусток огненного газа? Я согласна была стать жуком, травинкой, чем угодно, лишь бы вырваться из Никогда.

— Проголосуйте, — настаивал Хранитель. — Просто проголосуйте.

Мы голосовали. Разумеется, мы голосовали.

Впервые мы проголосовали вскоре после нашего очередного пробуждения в Никогда. В Сумеречной зоне. В чистилище. В этой адской смеси «Обреченных», «Судьбы», «Последнего героя», «Классного часа» и «Чумовой пятницы». Как только мы его не обзывали — словно оскорбления в адрес неведомых сил, удерживавших нас здесь, могли заставить их передумать.

Собравшись в библиотеке Уинкрофта, точно колоритные персонажи на последних страницах детектива, ожидающие, когда гениальный сыщик разоблачит убийцу, мы уселись в кресла. Уитли разлила по бокалам шампанское. Каждый из нас написал имя того, кого хотел оставить в живых, на клочке бумаги, после чего Хранитель собрал их.

— Консенсуса нет, — объявил он.

Прежде чем приступить к голосованию во второй раз, каждый из нас произнес небольшую речь в попытке убедить остальных, почему именно он, а не кто-то другой заслуживает жизни. Мы были адвокатами в зале суда, выступавшими перед коллегией обвинителей в кольцевой системе правосудия, которая с самого начала выглядела негодной. Были

альтруистические выступления (Кэннон), сухие научные выкладки (Марта) и ребячески непосредственные выплески (Уитли). В Уитли неожиданно обнаружилась филантропическая жилка: она поклялась обеспечить все население Африки чистой питьевой водой. Когда настал черед Киплинга, он едва поднялся и тут же упал, в стельку пьяный.

— Вы должны проголосовать за меня, потому что не должны за меня голосовать, — заявил он. — Я ничтожная, никому не нужная скотина.

Последней была я.

Я смогла из себя выдавить лишь то, что я — обычная девушка, рожденная для обычной жизни, но они могут проголосовать за меня, потому что я намерена каждый день совершать добрые дела.

Произнося все это, я остро ощущала, что речь моя звучит так же лицемерно и жалко, как и все, что говорили они. Хуже того, никто из них меня не слушал. Да, их взгляды были устремлены на меня, но внимание их было погребено под тяжестью размышлений о собственной участи: они обдумывали все это жадно и дотошно, точно Горлум, рассматривающий Кольцо, и гадали, реально Никогда или нет.

Я не могла их винить, ведь я сама совершенно расклеилась. В эти одиннадцать целых и две десятых часа я почти каждый раз выла во весь голос, направляясь в Уэстерли, чтобы повидать родителей в «Седьмом небе». Обычно я тайком наблюдала за ними: разговоры приводили к тому, что в следующее пробуждение я начинала безудержно рыдать. Я пыталась объяснить им, что происходит:

— Я попала в автомобильную аварию, и я могу умереть, а это подвешенное состояние между жизнью и смертью называется «Проснись в Никогда», если верить словам одного полоумного старика, который привязался к нам и никак не хочет отвязаться.

Они всегда выслушивали меня. И все же я видела, что мои слова вызывают у них лишь подавленность, наводя на мысль о том, что гибель Джима сказалась на моей психике сильнее, чем они думали, и мне необходима круглосуточная психиатрическая помощь. Поэтому я стала ходить в кино, садясь, незаметно для родителей, в нескольких рядах позади них, пристраиваясь за обширной спиной толстяка в футболке с эмблемой Бруклинской службы возврата книг. Я всегда улыбалась ему, а сама думала: «Ты хоть сам понимаешь, какой ты счастливчик? У тебя есть завтра». Я жевала попкорн, смотрела «Его девушку Пятницу» и выскальзывала из зала до того, как зажигался свет.

Результат очередного голосования ничем не отличался от предыдущих.

— Консенсуса нет, — объявил Хранитель.

Каждый из нас голосовал за себя. И я не могла себе представить, что однажды настанет момент, когда все будет иначе. Только это и удерживало нас на плаву — шанс, пусть далекий, вырваться из замкнутого круга, вернуться обратно к жизни.

И все это время Хранитель наблюдал за нами.

Он никуда не делся, появляясь в самый неожиданный момент. Иногда он заходил в дом и заваривал себе чай. Иногда копался в саду, облачившись в непромокаемый черный плащ с капюшоном. Несмотря на дождь — который во время некоторых пробуждений, как ни удивительно, превращался в снег; температура падала, и вихри крохотных снежинок, подобно миниатюрным торнадо, вились в воздухе, — Хранитель подстригал виноград, розы, плющ и кусты бирючины, а также глицинию и сирень, оплетавшие деревянные шпалеры. Подметал вымощенные булыжником дорожки и рыхлил клумбы. Забравшись на зеленую приставную лестницу, прочищал забившиеся палой листвой водосточные желоба, протирал заляпанные стекла в фонарях и лампах. Убирал лишайники с крыльев горгулий, разинувших клювы в безмолвном крике. Бывало и так, что мы видели его издалека — безликий силуэт, спешащий по лужайке в сторону леса, будто он, выбрав кратчайший путь, спешил через Уинкрофт в неведомые места.

Не знаю, сколько мы пробыли в Никогда к тому моменту, когда между нами произошла первая ссора.

Время вело себя странно. Чем старательнее ты восстанавливал в памяти его ход или втискивал его в обычную сетку месяцев и недель, тем более изощренно оно шутило с тобой, оборачиваясь миражом, оптической иллюзией. При ближайшем рассмотрении часы здесь текли точно так же, как в нормальном мире. Но когда мы пытались сложить из них целостную картину, чтобы лучше понимать ход времени и выяснить, сколько мы здесь пробыли, они улетучивались и утрачивали четкость.

Четыре пробуждения ощущались так же, как четыреста.

Чем больше становилось пробуждений, тем больший ужас одолевал меня. Остальные тоже становились все более безучастными и отстраненными, будто им стало безразлично, вырвутся они отсюда или нет.

— Я голосую за Канье! — заорал Кэннон, поднимая свой бокал. — Канье должен жить.

— Консенсуса нет, — объявил Хранитель.

Уитли теперь пила весь день. Кэннон с Киплингом тоже. Потом все трое начали употреблять таблетки, которые БВО Берт держал в своей спальне, — сотни оранжевых пузырьков с амфетаминами и барбитуратами,

уложенных в его аптечку, точно конфеты в кондитерской. Поэтому я не удивлялась, когда все трое пребывали в маниакальном возбуждении или же полной прострации. Киплинг выходил из дома и вел разговоры с дождем, почти раздетый, если не считать розового парика и зеленого шелкового халата с павлинами, принадлежавшего одной из подружек Берта.

Однажды, собирая всех на очередное голосование, я не смогла его найти. Обегав все места, я наконец нашла его в бассейне: он плавал на гигантском надувном лебеде под проливным дождем.

— Киплинг!

Я схватила сачок для листьев и, орудуя им как багром, подтянула лебедя к бортику.

Кип с видимым усилием приоткрыл глаза:

— А? Ты здесь, Бог? Это я, Джуди^[9].

— Киплинг, ты меня слышишь?

— Я хотел бы заказать обед в номер. Будьте добры, спагетти болоньезе.

Он свалился с лебедя и немедленно ушел под воду. Я скинула туфли и плащ и нырнула следом. Кип медленно погружался на дно, не делая ни малейшей попытки всплыть. Я принялась отчаянно выталкивать его на поверхность:

— Киплинг! Ты меня слышишь?

— Это обратный отсчет!^[10] — затаил он, глядя на меня глазами-щелочками. Я чувствовала себя одинокой медсестрой в дурдоме.

Марта оставалась в своем уме, но, по-видимому, решила самоустраниться, умыть руки и с началом каждого пробуждения, не говоря ни слова, выскальзывала из дома и целый день где-то болталась. Пару раз я видела ее под вечер в роще, окаймлявшей дальние лужайки. Волоча за собой черную сумку, она разглядывала кроны деревьев в бинокль, точно заправский орнитолог или защитник окружающей среды, фиксирующий последствия кислотного дождя. Она рылась в своей сумке, страшно тяжелой на вид: по-моему, там лежал ее любимый роман, «Темный дом у поворота», с которым она не расставалась в Дарроу. Но вместо книги она вытаскивала тоненькую черную тетрадку и что-то записывала туда, прежде чем двинуться дальше. Один раз я бросилась за ней:

— Марта!

Она не остановилась, сделав вид, что не слышала.

— Марта! Погоди! — крикнула я вновь.

Она остановилась и обернулась, судя по всему недовольная тем, что ей

помешали.

— Я беспокоюсь за них, — сказала я.

— И что? — кивнув, спросила она.

«И что?» Я могла лишь молча смотреть на нее, чувствуя, как по лицу и плечам стекает дождевая вода. Неужели она не видит, что происходит? Неужели ей все равно?

— Они сходят с ума. Они перестали воспринимать происходящее всерьез. Я не знаю, что делать.

Марта пожала плечами:

— Это часть принятия.

— О чем ты?

— Когда преступника приговаривают к пожизненному заключению, вероятность психического срыва в первый год составляет девяносто четыре процента. — Она снова пожала плечами. — Просто оставь их в покое.

— Ну уж нет. Мы должны быть заодно.

К моему изумлению, она еще раз неловко пожала плечами и двинулась прочь.

— Куда ты? — крикнула я; Марта не ответила. — Мне нужна твоя помощь! Пожалуйста! Неужели ты не хочешь выбраться отсюда?

Она на ходу вскинула руку, как родитель, пытающийся мягко урезонить впавшего в истерику ребенка, — и пошла дальше.

Мы были горсткой уцелевших после кораблекрушения и плыли по бурному морю. А теперь они вынуждали меня выпустить их руки, чтобы они могли скрыться в волнах и пойти ко дну.

Мне суждено было остаться здесь навсегда.

Здесь, в Никогда, где я уже не стану взрослой.

Никогда не обзаведусь семьей.

Никогда не влюблюсь.

Я была бессмертным вампиром, не получая от этого никаких плюшек. Ни завораживающей красоты, ни золотистых глаз и мерцающей кожи, ни способности бегать со скоростью триста миль в час и переворачивать машины.

Я была призраком, лишенным сверхъестественных способностей. Я не могла включать и выключать телевизор без всяких приспособлений или вращать головы фарфоровых кукол на триста шестьдесят градусов, доводя нормальных людей до нервного срыва. Я не могла вселиться в младенца, привести его в зомби-транс и заставить выйти в гостиную посреди ночи, чтобы его запечатлела какая-нибудь дрожащая камера.

Я была тикающими часами в мире, где не существовало времени.

Без времени все теряло смысл. Никогда прежде я не осознавала, насколько ход времени важен для поддержания интереса к чему бы то ни было. Он задавал конечный срок, запал, темп, азарт. Без него все стояло на месте, дожидаясь непонятно чего.

В самые черные моменты я думала о Джиме.

Я приехала в Уинкрофт, желая выяснить, что с ним случилось. Теперь даже этот вопрос, который весь прошлый год неотступно крутился у меня в мозгу, побледнел и скукожился перед лицом Никогда, точно гусеница на асфальте под палящим солнцем.

В тот вечер, когда мы поссорились, произошло вот что. Я вернулась из кино и едва переступила порог, как услышала вопли, доносившиеся со второго этажа. Я бросилась вверх по лестнице. Судя по всему, они заперлись в ванной, примыкавшей к хозяйской спальне.

Я постучалась:

— У вас все в порядке?

В ответ послышались приглушенные смешки.

— Скоро уже голосование.

Снова смех.

— Эй?

Дверь распахнулась. На пороге стояла Уитли, в большом, не по размеру, красном вечернем платье со стразами. Ее жирно и небрежно подведенные глаза налились кровью. На бортике ванны, точно обессиленная пантера, висел Киплинг. Кэннон сидел на туалетном столике с банданой, повязанной лихо, на пиратский манер. Судя по покрасневшимся лицам и куче пустых бутылок из-под «Дом Периньона», беспорядочно разбросанных по кафельному полу, они были пьяны в дым.

— Приветствуем тебя, Сестра Би, — церемонно обратилась ко мне Уитли. — Мы не намерены в нем участвовать. Никогда.

— Что?

— Мы не будем голосовать. Мы останемся в Уинкрофте до скончания веков. Ясно? — При виде выражения на моем лице она закатила глаза. — Господи, Би, хватит уже нянчиться со всеми вокруг. Можешь изображать из себя самоотверженную святошу хоть до посинения — все равно тебя не выберут. И вообще, скорее черви сожрут мой труп, чем я дам какой-то паршивой матери Терезе шанс остаться в живых. Это идет вразрез с моей жизненной философией. Чтобы жить, нужно хорошенько вывалиться в грязь. Если ты ни разу не падал в грязь, то, считай, ничего в жизни не сделал.

— Я не мать Тереза и не святоша. И вообще, не такая уж я и хорошая.

Она взмахнула рукой, точно отгоняла муху, развернулась и стала лениво

рассматривать свое отражение в зеркале.

— Суть дела не в голосовании, — продолжила я, — а в том, чтобы держаться вместе. Мы можем навсегда потерять друг друга. Помнишь, что Джим говорил о дружбе? О нас? Если у нас что-то есть, говорил он, то это верность друг другу, которая способна противостоять любым испытаниям.

Уитли закусила нижнюю губу, изо всех сил стараясь не рассмеяться.

— А ты до сих пор его любишь. Вот это да! Ты ни на кого больше не смотрела. И до сих пор не смотришь, хотя он давным-давно мертв. Кстати, ты никогда не задавалась вопросом, почему он выбрал именно тебя? Из всех девчонок в школе?

Она пальцем стерла с подбородка размазавшуюся помаду. Я собралась с духом, прекрасно зная, что за этим последует. Ее истерики всегда начинались именно так: она делала эффектное заявление, точно матерый прокурор, всецело завладевший вниманием присяжных, чтобы с помощью идеально продуманного набора слов разделить обвиняемого под орех.

— Он выбрал тебя потому, что бриллиант в невзрачной оправе всегда выглядит ярче.

Я ничего не ответила, изо всех сил напоминая себе: не стоит принимать близко к сердцу все, что Уитли несет в запале. И все же мое лицо запылало, а в голове нервно зазвучал тоненький голосок: «Это неправда».

— Я не согласен, — нахмурился Кэннон. — Проблема всегда была в том, что это ты страдала по Джиму.

— Он прав, — еле ворочая языком, подал голос Киплинг. — Это всем бросалось в глаза, малышка. Как бородавка на большом пальце ноги спасателя в общественном бассейне.

— Ой, да ладно! — Уитли метнула на него яростный взгляд. — Ты сам был без ума от него! Думаешь, мы не замечали, как ты пожираешь его глазами? Сладенько сюсюкал со своим южным акцентом, будто считал, что он соблазнится жалкой местечковой пародией на Трумена Капоте. А ты! — набросилась она на Кэннона. — Ты радовался, когда он погиб!

— Я был сам не свой, — бросил тот отрывисто.

— Ага, сам не свой от злорадства.

Кэннон пробуравил ее взглядом.

— И ты еще утверждаешь, что терпеть не можешь Линду? — сказал он. — Зря. Ты же точная ее копия. Не хватает только перекроенного лица, заплывших жиром лодыжек и армии сбежавших от тебя со скоростью света

мужиков. Но не беспокойся: все это придет в ближайшем будущем.

— Нет у нее никакого будущего, — вставил полусонный Киплинг, подняв палец. — Больше нет.

Уитли с разинутым ртом уставилась на Кэннона. Плечи ее дрожали.

— Кэннон не это хотел сказать, — прошептала я, коснувшись ее локтя.

Она сбросила мою ладонь и схватила с пола бутылку. К счастью, Кэннон

успел увернуться, и бутылка угодила в зеркало рядом с его головой.

— Вы все просто звери! Выметайтесь из моего дома!

Уитли выскочила из ванной, отпихнув меня в сторону, а через несколько секунд показалась в конце коридора с дробовиком в руках и прицелилась мне в голову. Я кубарем скатилась с лестницы. Грянул выстрел, пуля ударила в потолок, люстра закачалась, и на пол полетели куски штукатурки и лепнины.

— Выметайтесь! Термиты! Пиявки! Крысы!

Прозвучало еще несколько выстрелов, но я была уже у входной двери. Я рванула ее на себя и едва не сбила с ног Марту, в насквозь мокрым зеленом пончо.

— Беатрис? Что случилось?

— Червяки! Опарыши! Мерзкие рыбы со складными зубами, которые живут на дне! Валите отсюда! Вы все!

Я не стала ничего ей отвечать. Добежав до моего грузовичка, я рванула с места и понеслась, не разбирая дороги, прямо по клумбам, лужам и сломанным сучьям, пока не выехала на подъездную дорожку, где слегка перевела дух.

Мне надо было побыть в одиночестве и проветрить голову.

Все, что они наговорили, твердила я себе, на самом деле говорили не они. Это было Никогда. Бесконечное сидение в этом месте, день за днем, пробуждало самые темные и гадкие мысли и чувства, словно ты требовал от мироздания, Бога или кого-то еще признать, что они были не правы.

«Бриллиант в невзрачной оправе всегда выглядит ярче»... «Это ты страдала по Джиму»... «Ты радовался, когда он погиб»...

Я не хотела об этом думать. Я поехала напрямик в «Капитанскую рубку», отперла дверь запасным ключом, который папа держал за настенным уличным термометром, и вошла внутрь. Сделаю себе горячий бутерброд, закушу его «шурум-бурумом» и завалюсь спать. А о том, как быть дальше, подумаю завтра, или вчера, или сегодня, черт его разберет.

Но едва я переступила порог ресторана, проскользнув через тигровые полосы теней, и оказалась внутри, как мне стало ясно: что-то случилось.

Стулья, обычно перевернутые и поставленные на столешницы, были разбросаны по полу. Стекло витрины с мороженым треснуло. Сквозь привычный запах тостов и крема от загара пробивался какой-то мерзкий душок. Я заглянула в кухню, решив, что Сонный Сэм, наверное, забыл вынести мусор, и под подошвами кед хрустнули осколки стекла. Я наклонилась и увидела, что наступила на портрет прапрадедушки Берна. Он покинул свое место над дверью и почему-то лежал у плиты, лицом вниз. Рамка была сломана.

В наше кафе вломились воры. Это была моя первая мысль.

И тут я ощутила надвигающееся пробуждение, самый черный из черных снов начал накрывать меня, точно крышка гроба, и я поняла: происходит что-то другое, что-то странное.

Раздался негромкий стук. Я вскинула глаза и завизжала. Из окна над раковиной, выходящего в переулок, на меня кто-то смотрел.

Хранитель.

Его взгляд не был ни враждебным, ни дружелюбным — просто строгим. Подбородок скрывался в тени. До меня вдруг дошло, что он обрезает плющ и побеги жимолости, густым ковром увивавшей стену. У мамы до них никогда не доходили руки.

Когда я выскочила на улицу, он уже удалялся по переулку.

— Эй! — закричала я ему вслед. — Что вам нужно?

Он и не подумал оглянуться, шлепая по лужам. Из сумки, висящей на плече, торчали секаторы. Вот он почти скрылся до угла.

— Оставьте меня в покое!

И тут до меня дошло, кто он такой.

Хранитель был напоминанием.

Голосование. Голосование. *Голосование.*

Глава 7

После ссоры они окончательно отдалились друг от друга. Едва открыв глаза с началом каждого пробуждения, Кип, Марта, Кэннон и Уитли разлетались в разные стороны, точно пушинки с одуванчика. Они молча уходили из дому, иной раз даже не взглянув друг на друга.

Я не препятствовала им. У меня все равно не было выбора.

Была ли это депрессия? Возможно. Злость на свою участь? И это тоже. А может, им просто хотелось посмотреть, что будет, если, не обращая внимания на предупреждающие знаки и ограждения с грозной надписью «Не заходить», перебраться через колючую проволоку вокруг смотровой площадки на крыше небоскреба и сигануть вниз.

Что бы с нами ни происходило, это не имело никакого значения. Опасности не существовало. Единственным плюсом нашего положения было то, что мы могли оставаться вечно молодыми, как в песне группы «Alphaville»^[11]. Мы могли жить, умереть и снова начать жить без всяких последствий для себя.

Киплинг начал ездить автостопом.

Оказавшись на заднем сиденье «ягуара», он тут же уходил, направляясь к выезду с участка. После того как он проделал это бесчисленное количество раз, с загадочным выражением на лице, смесью решимости и надежды — будто в самом деле что-то предвкусывал, — я начала за ним следить. Он выходил на большую дорогу, останавливался, немного не доходя до каменного моста, и поднимал руку с выставленным вверх большим пальцем.

Подбирала его всегда шестая по счету машина. Коричневый «понтиак» с помятым крылом.

Постоянно наблюдая за тем, как Киплинг скрывается в «понтиаке», я просто обязана была выяснить, что в нем такого завлекательного. Почему Киплинг всегда, не желая пропустить ни единого раза, садится в эту машину? Однажды я догнала его.

— Куда ты собрался? — спросила я.

Кип обернулся с испугом, который сразу же сменился раздражением:

— Что?!

— Кто подвозит тебя на «понтиаке»?

Он двинулся дальше.

— Это не важно.

- Куда ты едешь?
- Отстань от меня, Би.
- Скажи мне.
- Нет.
- Почему?
- Не твоё собачье дело.
- Тогда я еду с тобой.
- Нет.

Он был в ярости. На мгновение мне даже показалось, что он собирается меня ударить или привязать к дереву, а потом спокойно уехать.

- Расскажи мне, и я уйду, — пообещала я.

Он нахмурился и вытер мокрое от дождя лицо.

- Её зовут Ширли.
- И?..

— Я езжу вместе с ней на химиотерапию в Провиденс. Потом мы едем в её обшарпанную квартирку над магазином и смотрим «Ночь живых мертвецов». Я готовлю джамбалайо с креветками и делаю салат с тунцом для её кошки по имени Канарейка. Она думает, что я сбежал из дома в Миссисипи. Иногда меня зовут Джеймс. Иногда — Хесус. Она раздевается передо мной и просит её потрогать. Она верующая. Считает, что я — кто-то вроде мессии с другой планеты, ведь я почти все про неё знаю. Мы разговариваем всю ночь напролет.

А теперь, будь так добра, поищи волнующих приключений для себя, чтобы забыться. Эта история — для меня одного.

Тут из-за поворота показался коричневый «понтиак». То ли из-за моего присутствия, то ли из-за того, что на лице у Кипа застыла натянутая улыбка, совершенно не согласующаяся с его расслабленной, по-кошачьи ленивой манерой держаться, машина лишь притормозила на мгновение — и я увидела ничем не примечательную темноволосую женщину в белой футболке и услышала обрывок песни «Close to Me»^[12] группы «The Cure», которую передавало включенное на полную громкость радио. Потом «понтиак» вновь набрал скорость.

Кип бросился за ним, размахивая руками:

- Постой! Подожди меня! Ширли!

Машина завернула за поворот и скрылась из виду.

- Смотри, что ты наделала! — проскулил он.
- Прости.

Кип покачал головой и перешел через мост. Он попытался поймать следующую машину, красный пикап, потом фургон, но никто не хотел

останавливаться.

— Оставь меня в покое! — рявкнул он и медленно побежал по дороге.

Я не пошла за ним. Я все понимала. Кип нетерпеливо ждал встречи с Ширли: она помогала забыть о том, что он живет в Никогда. Пусть даже ненадолго, пусть на минуту. Но это была бесценная минута среди других, бессмысленных и ненужных, растянувшихся на столетие.

Выяснив, куда ездит Кип, я занялась остальными.

У меня не было выхода. Если я хотела выбраться отсюда живой, я должна была сделать все, чтобы не потерять их окончательно, не дать им угодить в какую-нибудь психологическую кроличью нору, из которой нет возврата.

И потом, надо было найти себе занятие. Я не могла больше сидеть в кино и смотреть «Его девушку Пятницу». Я не могла больше наблюдать за тем, как мама одним взглядом дает папе понять, что ей не нравятся выбранные им места: слишком близко к экрану. Две секунды спустя бородатый бомж чертыхался, уронив открытую банку с пивом, а пожилая женщина в следующем ряду выходила из зала, чтобы пожаловаться охраннику, а парень в футболке с эмблемой Бруклинской службы возврата книг отправлял в рот пригоршню попкорна, роняя три зернышка себе на колени. Симфония нормальности всегда разыгрывалась по одним и тем же нотам. Я знала с точностью до секунды, кто и когда скажет такое-то слово, запнется, отпустит колкость, кашляет, чихнет, прочистит горло, почешется, рыгнет, — словно ассистент режиссера, который в миллионный раз смотрит одно и то же представление из-за кулис.

К тому же родителям, по всей видимости, было так хорошо вдвоем, что, глядя на них, я чувствовала себя еще более одинокой.

Я устроила слезку за Уитли и Кэнноном. Эти двое появлялись в пробуждении на три минуты раньше, чем все остальные.

Когда я на всех парах примчалась в дом, их уже и след простыл. Никакой записки они не оставили. Единственной уликой были красные стоп-сигналы, удаляющиеся в сторону дороги. Но обе машины стояли перед домом. Выходит, они уехали на другой машине, вместе. А это означало, что раны от той ссоры в ванной успели исчезнуть, как повреждения на коже супергероев.

Это меня не удивило. Размолвки этих двоих никогда не длились долго.

Заглянув в гараж, где БВО Берт держал коллекцию классических автомобилей, я обнаружила на полу влажные следы шин. Я отправилась к нему в кабинет, просмотрела все страховки и выяснила, что в гараже не доставало красно-коричневого «роллс-ройса сильвер спер» 1982 года

выпуска.

В последующие несколько пробуждений я пыталась их нагнать.

Это казалось невозможным. Они не выезжали ни на шоссе, ни на одну из известных всем прибрежных дорог. Куда же они скрывались, да еще так стремительно? Лишь бесчисленное множество пробуждений спустя, свернув на неприметную безымянную грунтовку, я увидела черную деревянную вывеску, на которой изящным викторианским шрифтом было выведено: «Рундук Дэви Джонса».

Еще через милю второй знак сообщал: «Проезд только для членов клуба».

Я въехала на парковку. «Рундук», похоже, был элитным яхт-клубом. У пристани колыхались многочисленные яхты. Чуть поодаль виднелись здание клуба и пляжный бар в гавайском стиле. Загорелые яхтсмены в голубых футболках поло деловито расхаживали по пристани с зонтиками и айпадами в руках.

Красно-коричневый «роллс-ройс сильвер спер» был припаркован прямо передо мной.

Уитли с Кэнноном я увидела почти сразу же.

Они болтали о чем-то с пенсионерами, тремя семейными парами лет шестидесяти-семидесяти. Женщины, все как одна, были крашенные и коротко стриженные, с подтянутыми телами, похожими на восклицательные знаки. Мужчины — лысые и пузатые. Все они весело смеялись. Уитли с Кэнноном смеялись так сильно, что я, выбравшись из пикапа и прикрывшись зонтиком, встала столбом посреди парковки и, разинув рот, уставилась на них — настолько нормальными людьми они казались, людьми, у которых было завтра.

Похоже, они чего-то ждали.

Судя по всему, это было приглашение прокатиться на суперяхте «Последнее ура», стоящей на якоре неподалеку от них. Минуту спустя Уитли с Кэнноном с выражением деланого изумления поднялись по тиковому трапу, прошли по вертолетной площадке и скрылись внутри.

Ошарашенная, я подошла к яхте. Матросы в щегольской униформе завершали приготовления к отплытию.

— Куда вы направляетесь?

— На Бермуды.

Через несколько минут яхта снялась с якоря. В тот вечер, как и во все предыдущие, Уитли с Кэнноном не вернулись в Уинкрофт для голосования. К началу следующего пробуждения их и след простыл.

Что они задумали? И почему этот вопрос вызывал у меня такой ужас?

Мне нужно было уложиться в тридцать три минуты.

Яхта «Последнее ура» уходила к Бермудам ровно через сорок семь минут после того, как я просыпалась на заднем сиденье «ягуара». К тридцать третьей минуте было уже слишком поздно. Вокруг сновало слишком много матросов, чтобы проскользнуть на борт незамеченной. Я попадалась миллион раз.

— Прошу прощения... Вы кто такая?

— Привет!

— Вы не имеете права здесь находиться.

— Это «Плетельщица снов»?

— Это «Клеопатра III»?

— Я ищу капитана Мартина. Я его племянница.

Раз за разом я ретировалась, бормоча извинения, не обращая внимания на подозрительные взгляды, и возвращалась к своей машине несолоно хлебавши. Мне оставалось лишь наблюдать за тем, как Уитли с Кэнноном поднимаются на борт и уходят в открытое море.

Единственный шанс заключался в том, чтобы, едва проснувшись, схватить ключи от машины Кэннона, запрыгнуть в его «мерседес», вдвое более быстроходный, чем мой пикап, и помчаться напрямик, не разбирая дороги, через болота и пески со скоростью девяносто миль в час к «Рундуку Дэви Джонса».

Там я оставляю машину за деревом, поспешу к небольшому катеру, пришвартованному по соседству с «Последним ура», и сделаю вид, что собираюсь садиться на катер. А когда юнга на палубе отвлечется, чтобы проверить свой мобильник, у меня окажется двадцать секунд на то, чтобы взбежать по трапу и юркнуть в первую дверь на моем пути. За ней будет нарядная игровая комната с музыкальным автоматом и пинбольшими машинами. Дальше — пятнадцать секунд на то, чтобы преодолеть три лестничных пролета до пассажирской палубы и скрыться в каюте в самом конце коридора.

Окно ее выходило на причал. Именно там, приоткрыв иллюминатор, я стала свидетельницей поразительной сцены — вернее, разыгранного как по нотам спектакля. Уитли с Кэнноном изображали студентов-молодоженов из Колумбуса, штат Огайо: им якобы только что сообщили о серьезной поломке арендованной яхты, что поставило крест на их свадебном путешествии. Они громко сокрушались по поводу столь прискорбного поворота судьбы, и их — разумеется, совершенно случайно! — услышал владелец «Последнего ура», Тед Дейзи из Цинциннати, немедленно пригласивший несчастных новобрачных на свою яхту.

— Хотите провести неделю с нами? Места у нас предостаточно, всем хватит.

— Это очень великодушно с вашей стороны, сэр, — сказал Кэннон. — Но мы не можем принять такое предложение.

— Ерунда. Правда, вам придется провести медовый месяц среди старичья. Но я даю слово, что мы не станем вам докучать. Есть шеф-повар, аниматор и всяческие развлечения.

— Что скажешь, солнышко? — обратился Кэннон к Уитли.

Та закусила ноготь.

— Даже не знаю, зайчик.

Я поразились тому, как четко и слаженно они разыгрывают свою партию — точно опытные чечеточники с Бродвея. Сколько пробуждений ушло на то, чтобы вывести идеальную формулу, позволявшую получить приглашение? Десять? Десять тысяч?

— Ребята, вы едете с нами. Я настаиваю на этом. Тед Дейзи. А это моя жена, Пэтти.

— Артвелл Кэлвин-третий, — отрекомендовался Кэннон.

— Анестейша Кэлвин, — произнесла Уитли, качая головой. — Даже не знаю, что я сделала в своей прошлой жизни, чтобы заслужить такую доброту. Кажется, я сейчас заплачу.

Чем мне представлялось путешествие на «Последнем ура»? Расслабленной увеселительной поездкой? Прекрасным увлекательным сном, в котором Уитли с Кэнноном могли забыться и не вспоминать о Никогда?

Все оказалось не так. Совершенно не так.

Я могла бы догадаться. Их отношения в Дарроу всегда были бурными. Они занимались сексом в чуланах, в классах, на крышах, в лесу, на хорах в школьной церкви — и их ни разу не застукали. Они ходили по школьным коридорам, обнявшись так, что их руки напоминали боа-констрикторов, и это нервировало как учеников, так и учителей, хотя вслух никто ничего не говорил. В конце концов, они входили в пятерку лучших учеников класса. Уитли говорила об их любви как о неутолимой жажде. Мне же она виделась скорее смертоносной пулей, стремительно несущейся в цель. Был ли целью один из них или ничего не подозревающий третий, я понятия не имела. Они ссорились, мирились, ненавидели друг друга и не могли прожить друг без друга ни единой секунды.

Они звали друг друга Сид и Нэнси^[13]. Они воровали ради развлечения. Объектом их внимания мог стать любой предмет на кампусе, крупный или мелкий: билеты к экзамену по углубленному курсу физики; морской пейзаж

из художественной галереи за двенадцать тысяч долларов; безразмерный клетчатый жилет директора Траска, в котором тот имел неосторожность появиться на школьном празднике; даже экскаватор со стройплощадки библиотеки. Они проворачивали очередную операцию, после чего всю школу еще неделю лихорадило, звучали громкие объявления и угрозы отчислить хулиганов, а кучу ничего не подозревающих учеников вызывали к начальству, требуя выложить все, что им известно, — до тех пор, пока пропавший предмет так же тихо и быстро не возвращался на свое место. Причинами эскапад не были, как случается обычно, злость на весь мир или извращенное желание привлечь к себе внимание. Нет, Уитли с Кэнноном делали все из любви к искусству, из желания продемонстрировать свое превосходство над окружающими, не говоря уже о стремлении перещеголять друг друга.

Все шептались, что, если эти двое не разбегутся в разные стороны, о них будут ходить легенды. Я про себя думала, что эту парочку связывают слишком уж тесные отношения — ни дать ни взять близнецы. Кэннон, в отличие от Уитли, не был вспыльчив, но ничуть не уступал ей ни в силе характера, ни в умении манипулировать окружающими. Достаточно было ему обронить слово или полунамек, как они превращались в тот самый грамм урана, способный вызвать ядерную катастрофу на ровном месте. Они умудрялись рассоривать самые крепкие пары и доводить учителей до слез. В выпускном классе они наконец разошлись, зловеще-тихо и неприметно — биологическое оружие, которое действует без шума и дыма, опровергая все научные объяснения.

— Все знают, что подростковая любовь быстро портится, — пояснила Уитли, пожав плечами.

Было совершенно ясно: Уитли с Кэнноном пробрались на «Последнее ура» исключительно потому, что сочли яхту подходящей площадкой для своих безумных, извращенных игр, словно они были двумя дикими обезьянами, вырвавшимися из клетки.

Это была их палата, обитая войлоком. Звуконепроницаемая комната, где они могли вопить во все горло.

В первый же вечер я стала свидетельницей того, как Уитли страшно напилась и за ужином заблевала все тарелки с омарами и стейками.

— Ух ты! — сказала она, утирая рот.

Во второй вечер, танцуя с Тедом Дейзи, она принялась недвусмысленно соблазнять его. Его жена Пэтти заметила это и пьяным голосом закричала:

«Тед! Тед?» — будто их полувековой брак внезапно превратился в

телефонный разговор с постоянно прерывающейся связью.

А один раз Кэннон с Уит разделись до нижнего белья, забрались на леер и, взявшись за руки, с криком «Carpe postem!» сиганули в море с высоты в пятьдесят футов. Зазвучали сигналы тревоги. Раздались женские крики. Двигатели вздрогнули и затихли. Члены экипажа высыпали на палубу, отдавая приказы. Двое прыгнули за борт со спасательными жилетами.

— Найдите их! — закричал Тед Дейзи, отчаянно вглядываясь в толщу воды. Казалось, его вот-вот хватит инфаркт. — Не хватало мне только сесть в тюрьму из-за этих психов!

— Мы потеряем все, — проскулила Пэтти.

— Надо было связать их, как только стало понятно, что они с приветом. Вызвать береговую охрану.

— Это все ты! — завизжала Пэтти, чьи жесткие выбеленные волосы стояли дыбом, точно обломки картофельных чипсов. — Это ты пригласил их на яхту, потому что хотел понравиться этой блондинистой мокрощелке! Думал, тебе что-то обломится, да? Ха! Надеюсь, теперь ты доволен!

Истерика. Паника. Ярость. Отчаяние. Страх. Смятение.

Вот что происходило на борту «Последнего ура» в день, который все не кончался и не кончался.

Я наблюдала за всем из подсобок, из свободных кают, из электрощитовой. Так как я нашла форменную одежду, никто не обращал на меня особого внимания. Я ждала удобного момента, чтобы попытаться урезонить Кэннона с Уитли, отвести их от края пропасти. Но момент все не наступал и не наступал. Я слишком хорошо знала эту парочку. Когда они шли вразнос, остановить их было невозможно.

Я оставалась на своем месте, подглядывая за очередной кошмарной сценой сквозь щелочку в двери — с ужасом, отвращением, иногда со слезами, задаваясь вопросом: когда же это наконец закончится?

Однажды вечером Кэннон разбил о голову Теда Дейзи графин. Тед толкнул его в стеклянный шкаф, заставленный хрустальными бокалами. Они начали драться, перевернув кофейные столики и даже массивный обеденный стол. Наконец Кэннон сел на грудь пожилому мужчине и принялся душить его.

Это было уже слишком. Я выскочила из шкафа, упала на колени рядом с Кэнноном и попыталась отодрать его руки от шеи Теда. Тот хрипел, из его рта текла слюна.

— Прекрати! — закричала я.

Кэннон отпустил старика только через минуту. Я попыталась вернуть

Теда к жизни, размеренно надавливая ладонями на грудь и отсчитывая ритм, как учил папа. Потом нащупала пульс. Старик был жив, но недалек от смерти.

— Вы должны остановиться, — прошептала я.

Кэннон посмотрел на меня с таким видом, точно я была дальней родственницей, чьего имени он не мог припомнить.

— Вы делаете только хуже. Мы всё помним. Эти люди не помнят. А вы — помните. И это вас разрушает.

— Ой, да заткнись ты, Би! — бросила Уитли и поднялась с дивана, где валялась в отключке. — Что ты вообще здесь делаешь? Шпионишь? Когда уже до тебя дойдет, что мы не хотим видеть и слышать тебя? Мы больше не друзья. Ты сама похерила нашу дружбу, когда пропала с радаров вслед за Джимом. Думаешь, можно вот так взять и забить на друзей, а потом все будет как раньше?

Еле держась на ногах, она двинулась ко мне. В налитых кровью глазах читалась угроза. Я развернулась и бросилась бежать, натываясь на других гостей: разбуженные шумом, они высыпали из своих кают в махровых халатах и шлепанцах и теперь, разинув рты, потрясенно взирали на разыгравшуюся сцену. Я добралась до палубы третьего этажа и провела остаток пробуждения, забравшись в спасательную шлюпку. Все это время я проплакала, надеясь, что никто меня не найдет.

Больше на «Последнее ура» я не возвращалась.

Кэннон с Уитли снова отправились туда в следующее пробуждение. Уитли оставила мне сообщение, намалеванное ярко-красной помадой на столешнице в кухне: «НЕ ЛЕЗЬ».

Предостережение было излишним. Я не смогла бы вернуться туда, даже если бы захотела.

Сделают ли бесконечные повторения даже «Последнее ура» скучным для них, после чего они вернутся в Уинкрофт? Решит ли один из них, что он хочет жить, выбраться из Никогда, проголосовать? А может, они переключатся на что-то другое или на кого-то другого? Таких площадок для игр в Никогда было бесконечное множество, и, как ни жутко было об этом думать, я могла никогда больше их не увидеть.

Но я была не в состоянии думать об этом. Пока.

Вместо этого я занялась Мартой.

Забавно, но я успела почти забыть о ней. Подозреваю, что она хотела именно этого.

Глава 8

Марта больше не бродила в окрестностях Уинкрофта. Теперь, пробудившись в машине, она торопливо забежала в дом, брала плащ и куда-то уезжала. С концами.

— Куда ты едешь? — спросила я ее.

Она вздрогнула от неожиданности и резко обернулась. Я сидела в кресле-качалке на крыльце, так что Марта меня не заметила. Оправившись от шока, она вытащила ключи от машины и раскрыла зонтик.

— При баптистской церкви в Ньюпорте есть дурацкий буфет... — Она пожала плечами и покраснела. — Я превратила его, скажем так, в свою личную биосферу. Ну, например, я выбираю какого-нибудь парня и пытаюсь сделать так, чтобы он до конца вечера признался мне в любви. Или знакомлюсь с женщиной, чтобы посмотреть, удастся мне заставить ее уйти от мужа или нет. Я стараюсь доказать свою теорию насчет человеческой природы. По-моему, любой человек при определенных обстоятельствах способен на что угодно.

Она говорила неправду. Я это чувствовала.

— Можно мне с тобой? — спросила я.

— Честно говоря, я предпочитаю быть одна.

— А когда ты бродила по округе с биноклем, чем ты занималась?

— Наблюдала за птицами.

И опять Марта сказала неправду. Она прекрасно понимала, что я не верю ей, и продолжала спокойно смотреть мне в глаза.

— Неужели все это не тревожит тебя? — спросила я, пытаюсь не обращать внимания на гнев, разгоравшийся глубоко в груди. — Не расстраивает? Не пугает? Мы их потеряли. Всех.

Марта слабо улыбнулась:

— Предлагаю покориться судьбе, Би.

С этими словами она развернулась и, спустившись по ступенькам, зашагала к своей машине.

В следующее пробуждение я сразу же направилась к своему пикапу. Пока Марта ходила за плащом, я устроила засаду у выезда на дорогу и, когда она проехала мимо, села ей на хвост.

К сожалению, попытка подступиться к ней с расспросами насторожила ее. Стоило мне выехать на шоссе вслед за ней, пропустив перед собой три машины, как она свернула на первом же съезде и принялась петлять по

безлюдным офисным кварталам, прежде чем въехать на парковку торгового центра «Берчвуд-плаза». Следующие четыре часа она бесцельно бродила по магазинам, после чего отправилась на фуд-корт и стала есть кальцоне.

Она знала, что я слежу за ней. И это ее ничуть не волновало. В следующее пробуждение она занималась ровно тем же самым в другом торговом центре. В третье — еще в одном.

Марта ни за что не стала бы тратить свое Никогда на то, чтобы шататься по магазинам. Она делала это, зная, что я слежу за ней. Судя по всему, она сделала ставку на то, что мне это надоест и я займусь чем-нибудь другим.

Так я и поступила. И больше за ней не ездила. В следующие несколько пробуждений — или несколько тысяч? — я попыталась найти способ проследить за ней, оставаясь при этом незамеченной.

Так началась моя головокружительная карьера автоугонщицы.

Угонщица из меня вышла слабонервная и совестливая. Сотни раз я попадалась с поличным на месте преступления.

— Кто ты такая, твою мать, и что ты делаешь в моем гараже?

— Ой! Простите.

К счастью — вероятно, из-за того, что на мне лежала печать какой-то глубокой грусти, которая объяснялась исключительно влиянием Никогда, — меня неизменно отпускали восвояси. Единственной машиной, которую мне удалось угнать, не попавшись при этом, был ржавый белый фургон службы борьбы с паразитами. Он принадлежал Маккендрикам, неугомонному, воинственному семейству из семи человек, обитавшему в четырех домах от Уинкрофта. Все семеро Маккендриков безвылазно торчали дома, и заполучить ключи было тем еще фокусом. Почти смертельным номером из репертуара «Цирка дю Солей».

На то, чтобы провернуть все как надо, у меня ушла целая вечность.

На счет раз: спрятаться в азаниях под кухонным окном и дождаться, пока Бад Маккендрик не выйдет в гостиную за пачкой «Кэмел лайтс». На счет два: юркнуть в кухонную кладовку, стараясь не споткнуться о пачки с кормом для кошек, склонных к полноте, или о промышленную упаковку готовой макаронно-сырной запеканки из «Таргета». На счет три: дождаться, пока Пит Маккендрик не возьмет «кит-кат» и не отправится в подвал смотреть «Приключения Джимми Нейтрона», Бад не завалится спать наверху, а Джерри с Полом, близнецы, не убегут во двор играть в футбол под дождем. На счет четыре: проскользнуть в кабинет, напугав Тупака, кота, который подскочит почти до потолка и взберется на занавески. На счет пять: схватить со стола ключи от машины и спрятаться за диваном за

миг до того, как появится Лорел Маккендрик, чтобы позаимствовать из бумажника мужа сорок долларов со словами: «Я в магазин!» На счет шесть: выскочить обратно в кухню, стараясь не попасться на глаза четырехлетней Кендалл Маккендрик.

— Ты кто такая? — спрашивала она, удивленно таращась на меня.

Не попасться на глаза Кендалл было решительно невозможно. Что бы я ни делала, она неизменно меня засекала.

Это был самый взрывоопасный момент: найти нужную комбинацию слов, которая не даст ей заорать наподобие пожарной сирены. Я перепробовала все. Ничего не срабатывало.

— Я ангел.

— Я помощница зубной феи.

— Я крошка-эльф, и мне нужен фургон твоего папы.

Много раз я виртуозно отработывала свой номер почти до самого конца лишь для того, чтобы сорваться с трапеции из-за истощного вопля Кендалл, на который сбегалась семья в полном составе:

— Папа! Па-а-ап!

Я давала деру, а Маккендрики, с почти одинаковыми бульдожьими лицами морпехов, высыпали во двор следом за мной.

— Стоять! Воровка! — вопили они под дождем.

— Папа, ну что же ты, она сейчас уйдет!

Старина Бад Маккендрик ни разу не вызвал полицию. Видимо, чтобы вывести из равновесия этого отца пятерых детей, малолетней девицы, забравшейся в дом, было недостаточно. Стоя на крыльце с насмешливой улыбкой и выражением крайней усталости от жизни, он неизменно отпускал меня с миром.

Наконец однажды, встретив Кендалл, я выложила все начистоту:

— Меня зовут Беатрис Хартли. Я застряла между жизнью и смертью в месте, которое называется Никогда, и пытаюсь выбраться. В двух словах: мне нужно, чтобы ты вела себя тихо и пошла смотреть мультики вместе с братьями. Прямо сейчас.

Девочка молча кивнула и потопала в подвал.

Ошалев от неожиданности, я цапнула с кресла бейсболку Бада, схватила его солнцезащитные очки «Окли», открыла дверь в гараж, примыкавший к дому, и бросилась к фургону. Потом надела комбинезон, бейсболку и солнцезащитные очки Бада, плюхнулась на водительское сиденье и завела двигатель. Теперь надо было понять, как проехать мимо близнецов, играющих во дворе в футбол. Тут Пол забросил мяч в соседский двор. На черепашьей скорости я проползла до улицы, свернула вправо и,

миновав несколько домов, заехала на чью-то подъездную дорожку.

Минуту спустя мимо меня проехала Марта.

Держась позади ее «хонды», я доехала до Брауновского университета в Провиденсе. Марта поднялась на третий этаж красного кирпичного здания на Тайер-стрит и остановилась перед дверью, ведущей в угловой офис. Латунная табличка на двери гласила: «Арнольд Белорода, доктор философии».

Марта постучалась. Из-за двери донеслось «Войдите», произнесенное мужским голосом, и Марта скрылась за дверью. Я успела расслышать, как она здоровается. Коридор был полон людей, и я смогла, не привлекая ничего внимания, вплотную подойти к двери, но ничего больше не разобрала, хотя изо всех сил вслушивалась в приглушенные голоса.

Я достала телефон и набрала это имя в «Гугле». Арнольд Уинвуд Белорода. Известный психиатр, почетный профессор, специалист по групповой динамике. В Брауновском университете он читал сразу несколько курсов: «Принятие этических решений: хороший, плохой, злой», «Психология манипуляции и согласия», «Иллюзия свободы воли». А также вел семинар «Лаборатория экспериментов по социальному взаимодействию и убеждению». Он опубликовал тринадцать научно-публицистических книг, одна из которых, «Герои и злодеи», получила кучу наград. Судя по статье в «Уолл-стрит джорнэл», она была посвящена «психологии раба и господина в концентрационных лагерях» и прочих ситуациях, в которых «широкие народные массы оказываются под контролем немногочисленной группы избранных».

Я бегло просмотрела статьи Белороды в «Гарвард ревью», «Экономисте» и «Сайентифик американ». Чем он так привлек Марту? Почему она прикладывала такие усилия, чтобы я не узнала о нем?

А потом до меня дошло. Казалось, чьи-то руки сомкнулись на моем горле.

Пока мы все попусту растрчивали время, воюя с обстоятельствами, Марта пользовалась вечностью в Никогда, чтобы учиться.

Белорода учил ее тому, как манипулировать группой, чтобы мы выбрали ее.

Она пыталась выяснить, как сделаться победительницей.

Я стала ездить за Мартой. Каждый раз она приезжала на факультет когнитологии, лингвистики и психологии и шла в кабинет Белороды, где они сидели, закрывшись, по три-четыре часа. Она явно нашла способ зацепить его — заинтересовала каким-то заковыристым вопросом по групповой динамике или цитатой из его статьи. Это было магическим

заклинанием, которое позволило Марте близко познакомиться с человеком, равным ей по интеллекту. Когда они наконец выходили, Белорода — крохотный человечек со вздернутым носом и холеной чернильно-черной бородой, похожей на пятно из теста Роршаха, — ослепительно улыбался Марте (державшей охапку книг, полученных от него, и блокнот с пометками), восхищенный внезапным появлением новой, перспективной студентки.

Они неизменно выходили на улицу под одним зонтом, поглощенные разговором, и беседовали еще минут двадцать, стоя на тротуаре. Однажды мне удалось подобраться к ним почти вплотную, спрятавшись в нише, где под навесом курили несколько студентов.

— Вы совершенно правы, — говорил Белорода. — Но позвольте процитировать Моргана Скотта Пека^[14]. Все группы проходят через четыре стадии. Псевдообщность. Хаос. Опустошенность. И наконец, подлинная общность.

— Не могли бы вы подробнее рассказать об эксперименте Милгрэма?

— А-а. Слепое подчинение авторитетам. — Белорода фыркнул. — Я бы с удовольствием, но, боюсь, меня ждет жена: мы собираемся в гости. Давайте вернемся к этому разговору завтра, после моей лекции по групповой сплоченности. — Он открыл дверцу своей машины и сел за руль. — Приятно было с вами познакомиться, мисс Петерс. До завтра?

Он уехал. Марта проводила его машину взглядом. Дружелюбная улыбка тут же исчезла с ее лица, она натянула капюшон и зашагала прочь. После этого она села у окна в «Греческой таверне», где провела несколько часов, с головой зарывшись в книги и делая выписки. Когда закусочная закрылась, она переместилась в свою «хонду» и продолжила читать там, опустив спинку кресла и включив свет в салоне.

Чем дольше я наблюдала за ней из темного парка на другой стороне улицы, тем сильнее одолевали меня удушающая липкая тревога и страх, точно вокруг меня смыкалось Никогда.

Марта была гением. Марта видела самую суть. Она опередила всех нас на множество световых лет. Она быстро приняла сокрушительную реальность Никогда и решила не бороться с ней, а стала искать способ подчинить ее себе.

Мне хотелось жить. Мне хотелось, чтобы выбрали меня. Но, глядя на «хонду», в которой горела тусклая лампочка, и сдерживая подступающие слезы, я понимала, что уже поздно, что я проиграла.

Внезапно мой взгляд упал на темную фигуру в глубине парка: кто-то толкал тачку по тропинке, направляясь в мою сторону. В тачке лежала

черная горка компоста.

Наверное, следовало уже привыкнуть к постоянному присутствию Хранителя. Наверное, не надо было обращать внимания на то, что он возникал из ниоткуда даже вдали от Уинкрофта, в тот момент, когда я меньше всего этого ожидала — точно пугающая мысль, вездесущий вестник из Никогда, его зловещий привет, тревожный набат.

Голосование. Голосование. *Голосование.*

Похолодало. Дождь снова превращался в снег.

Я поспешно вернулась к фургону Маккендриков, плюхнулась за руль и, сорвавшись с места, вывернула на дорогу с такой скоростью, что едва не снесла фонарный столб. Хранитель остановился и проводил меня взглядом, не снимая с плеча лопаты.

Сквозь пелену снежинок я увидела его лицо и леденящую кровь улыбку.

Я не могла себе представить, что затевает Марта. Но так или иначе, я подозревала, что она так тщательно продумает и так мастерски воплотит в жизнь свой план, что никто из нас ни о чем не догадается до последнего момента.

И оказалась права.

Глава 9

Как я провела несколько следующих пробуждений?

Как долго они длились — несколько месяцев или несколько лет?

Я осталась совсем одна. Уинкрофт стал моим чертогом, где я властвовала безраздельно, моей крохотной личной вселенной. Одиночество было безбрежным. Гэндальф был дома, но с лаем пятился от меня всякий раз, когда я пыталась погладить его, — будто чувствовал, что я не вполне реальна. Я бродила по скрипучим коридорам и затхлым комнатам, разговаривала с чучелами оленя и медведей гризли. Перечитала все книги из библиотеки БВО Берта, повалялась на всех кроватях, диванчиках и коврах, парадных столах, подоконниках и крышках роялей. Посмотрела все до единой телепрограммы, шедшие по всем кабельным каналам. Обьедалась шоколадом. Играла сама с собой в скребл и в шахматы, пела вслух популярные композиции. Рисовала все подряд: глаза, лица, пейзажи, тени. Сочинила вымышленный саундтрек, стихи к песне из несуществующего четырехчасового фильма о конце света под названием «Последний день жизни Нэда Громби», записывая безумные строки о любви и смерти, войне и мире где попало — на обоях, на полу, на потолке. Уинкрофт был моим подземным переходом, расписанным моими граффити. Я зажмуривала глаза, чтобы отогнать оглушительную тишину, и принималась копаться в воспоминаниях о прошлой жизни, словно среди них был спрятан ключ от двери, которая могла куда-то вывести.

Я ходила в гости к старикам. Это стало моим любимым занятием: каждый из них тоже был заперт в своем собственном Никогда, в непроницаемом коконе из повторяющихся дней и одиночества. Я повадилась звонить к ним в двери, уверяя, что заблаговременно продаю рождественские календари, которые выпускает моя церковь. Я ела фруктовые кексы, гладила дряхлых собак, от которых разило псиной, пока те не уходили прочь, передергиваясь. Я пила странно пахнущий чай, смотрела телевизор, дышала застарелыми запахами, которые хозяева давно перестали замечать. Но главное, я слушала их истории. Я продиралась сквозь неуклюжие нагромождения бородатых шуток и запутанных рассказов о покойных мужьях, о слабеющем здоровье, о детстве с тафтой и молоком по десять центов.

Иногда я думала, что, если остаться в Никогда одной до скончания веков, я стану похожа на древнего странника со сбитыми в кровь ногами и

загрубелыми руками, бредущего по обочине дороги, нагруженного историями и секретами всего мира.

Что ж, по крайней мере, я стану мудрой.

И каждый раз, когда я выслушивала очередную историю о разорванной помолвке, об умершем ребенке, о кошке, надвигался распад. Это всегда происходило на ровном месте — я даже вздрагивала от неожиданности. Бесшумно трескались стекла во всех окнах. С грохотом падала висевшая на стене семейная фотография, и взгляду открывался нестерпимо яркий — на фоне выгоревших обоев — прямоугольник, сорок лет не видевший дневного света.

— Да что же такое творится? О Иисус!

У миссис Кан все началось с негромких хлопков.

— Опять еноты пробрались в дом, — проворчала старуха, плотнее запахивая халат.

Затем из кабинета донесся вскрик. Я бросилась туда и, к своему изумлению, обнаружила, что снежные шары из ее знаменитой коллекции — подарки Пола, старинного поклонника, — один за другим взрываются, точно гранаты, а комната усеяна снегом, осколками стекла, обломками пластиковых Санта-Клаусов, Эйфелевых башен, соборов Святого Петра и залита водой.

Миссис Кан закрыла лицо руками.

— Это светопреставление!

Разумеется, я замечала признаки упадка и прежде. Дома, у мамы, и тогда, в «Рубке». Я не знала, почему это происходит и что это значит, но стоило мне покинуть Уинкрофт, как мир вокруг меня начинал разваливаться на куски.

Это всегда приводило меня в ужас. Я убегала, торопливо бормоча извинения и обещая вернуться завтра, а миссис Кан, мистер Эпплтон, миссис Яновиц, мисс Беллосси, совершенно обескураженные, оставались, кряхтя, разглядывать гниль, плесень, трещины, костяными пальцами протянувшиеся по оконным стеклам. Примчавшись в Уинкрофт, я принималась прочесывать участок и парк в поисках Хранителя. Мне хотелось бросить ему вызов, потребовать ответа на вопрос о том, что происходит.

Но к моей досаде, он ни разу не появился именно тогда, когда мне было нужно его увидеть.

Масштабы разрушения, казалось, все возрастали. Что все это значило? Никогда схлопывалось, как черная дыра? Время, отведенное на голосование, истекало? Неужели причина всего этого — то, что случилось

с Джимом?

Эта мысль пронзила меня, точно удар током.

Джим. Все это наверняка из-за Джима.

И вот наступил день, когда Уитли не стала никуда уезжать.

Я нашла ее наверху, под одеялом, с опухшим от слез лицом. Она смотрела «Смертельное влечение» в ноутбуке. Я уставилась на нее, не веря своим глазам. Так, наверное, чувствует себя выживший после кораблекрушения человек, который натывается на товарища по несчастью, вынесенного волнами на этот же необитаемый остров.

Уитли послала мне сердитый взгляд:

— Оставь меня в покое, Би.

Я боялась спугнуть ее и сделала то, что она просила. Заварив чай, я молча оставила кружку на прикроватной тумбочке и выскользнула за дверь.

В следующее пробуждение, к моему огромному облегчению, она снова была там, только смотрела «Клуб «Завтрак»». Еще через пробуждение это были «Балбесы». Я каждый раз приносила ей чай. Однажды, когда я вошла в комнату, она отбросила одеяло и с улыбкой посмотрела на меня:

— Хочешь посмотреть со мной «Ферриса Бьюллера»?

Несколько пробуждений спустя вернулся Кэннон. Оказалось, что устраивать бесчинства в одиночку совсем не так весело. Такой же выпотрошенный, как Уитли, он засел в библиотеке в обнимку с ноутбуком и, переключившись в режим DOS, принялся с сосредоточенным видом, точно заправский хакер, вводить какие-то команды. По экрану бежали нескончаемые строки кода. Я распечатала для него малоизвестную статью аспиранта Стэнфордского университета, посвященную будущему интернет-безопасности, и молча положила рядом с его ноутбуком. В следующее пробуждение это было эссе о Стивене Спилберге и клонировании мозга, написанное молодым ученым из Гарварда, а в третий раз — распечатка материала о перспективах робототехники, размещенного в блоге одного шестнадцатилетнего гения из Кембриджа.

— Как ты находишь все эти статьи? — однажды поинтересовался Кэннон, прежде чем я успела выскользнуть из библиотеки. — Я хочу сказать, о них никто не знает.

— Да так, случайно наткнулась.

«Надо же мне было чем-то заняться. Вот я и перечитала весь Интернет. Дважды».

Он улыбнулся:

— Отличные статьи. Спасибо, Би.

Вскоре после этого Кип тоже завязал с автостопом. Когда он

переступил порог Уинкрофта, я не сдержалась, подбежала к нему и крепко обняла.

— Сестра Би, ты свернешь мне шею. Я же не Элвис, воскресший из мертвых, малыш.

Он отстранился и, больше не сказав ни слова, зашагал по лестнице на второй этаж. Но по его слабой улыбке я поняла, что он тоже рад меня видеть. В тот вечер я приготовила для него гумбо по-креольски с креветками по рецепту повара из его любимого маленького кафе в луизианском Мосс-Блаффе. Я принесла тарелку в спальню, где Кип, свернувшись калачиком на кровати, смотрел по телевизору «В плену ненужных вещей: погребенные заживо».

— Как ты выведала секретный рецепт тетушки Мо? — ахнул он, изумленный.

«За миллион пробуждений я сумела внушить ей, что я — ее давно потерянная племянница».

— Я просто покидала все в кастрюлю, — пожала плечами я.

Итак, все в сборе: три диких зверя, которых я изо всех сил пыталась удержать в зоопарке, чтобы они не рыскали на воле.

Однажды вечером мы все сидели и читали в библиотеке. Я заметила, что Кип с интересом посматривает на часы на каминной полке, явно ожидая чего-то. Видимо, Марта сообщила ему насчет общего сбора: когда она появилась в доме чуть за полночь с тяжелой сумкой на плече и молча плюхнулась на диван, он, казалось, ничуть не удивился.

— Время пришло, — объявила Марта.

Уитли с Кэнноном ошарашенно воззрились на нее.

— Мы тоже рады тебя видеть, — сказал Кэннон.

Марта сухо улыбнулась ему и хлопнула в ладоши, точно судья.

— Мы вернулись к тому, с чего начинали, — сказала она. — Такое впечатление, что Никогда окружено скользкими наклонными стенами, которые все время возвращают нас в отправную точку. Подозреваю, что каждого из вас, как и меня, преследует Хранитель, появляясь в самый неожиданный момент.

Я кивнула. Остальные сделали то же самое.

— Он — наш опекун. Он присматривает за нами, следит, чтобы мы были живы и здоровы и ни в чем не нуждались, но держит нас в узде. Значит, он способен на что угодно: он — наш проводник и надзиратель, сторож и мучитель. Иногда он позволяет тебе делать все, что хочешь, иногда подкидывает совет. А иногда не дает тебе покоя, напоминая как раз о том, о чем ты хотел бы забыть. Он пойдет на все, чтобы заставить тебя

двигаться в определенном направлении. А главное, он идейный вдохновитель высшего замысла, который мы не способны осознать.

Никто не проронил ни слова. Все потрясенно слушали разинув рот. Чего стоила одна только поза Марты: прямые плечи, спокойный взгляд. Она не была больше заумной чудачкой, которая невпопад отпускала несмешные комментарии и намного свободнее ориентировалась в андеграундном фантастическом романе, нежели в реальном мире. Это была новая Марта, многому научившаяся у Белороды. Она излучала уверенность в себе. Я понятия не имела, к чему она ведет, но речь ее была досконально продумана: все слова тщательно выбраны, отполированы до блеска и нанизаны в строгом порядке, словно драгоценные камни в замысловатом ожерелье.

— Никогда реально, — продолжала она. — Чтобы понять его и подчинить себе, мы должны сначала понять и подчинить себе друг друга. Я все обдумала. Надо отложить вопрос о том, кто достоин жить. Мы к этому не готовы. Пока не готовы. Сначала мы должны разгадать другую тайну. Она не давала покоя каждому из нас с тех пор, как все это случилось.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Кэннон.

— Джима.

Казалось, в воздухе сверкнул меч и приземлился у наших ног — так подействовало на всех это имя.

— Это было самоубийство, — прошептала Уитли.

Марта устремила на нее ледяной взгляд:

— Ты хочешь сказать, что действительно веришь в самоубийство?

Уитли предпочла промолчать.

— Я успела изучить Никогда, — вновь заговорила Марта. — Кроме всего прочего, мы способны стать лучшими в мире детективами. Мы можем возвращаться на место преступления сколько угодно раз. Можем опрашивать очевидцев. Свидетелей. Полицию. Каждого учителя, уборщика и ученика. Можем все тщательнее продумывать свои вопросы, манипулировать, угрожать, шантажировать. Для нас не существует ни правил, ни наказаний. Мы можем выяснить, что случилось с Джимом. Раз и навсегда.

Марта устремила взгляд своих черных глаз прямо на меня, и я почувствовала, как по коже бегут мурашки.

— Но его дело так и осталось нераскрытым, — заметил Кэннон.

— Угу, — вполголоса подтвердил Киплинг. — Расследование зашло в тупик.

— На полицию давило школьное начальство, требуя закрыть дело как

можно скорее. Чем раньше все поверят в самоубийство, тем скорее в Дарроу перекрасят окровавленные стены. Этого хотели наши родители. Они хотели поскорее замять скандал, выставить Джима очередным мальчишкой-мечтателем, который был заранее обречен. Легенда о Джиме Мейсоне должна была превратиться еще в одну школьную страшилку.

— Значит, в обозримом будущем нам предстоит сделаться Шерлоками, — подытожила Уитли.

— А мне всегда нравились костюмы в елочку и собаки-ищейки, — поднял бровь Киплинг.

— Я в деле, — заявил Кэннон.

— Я тоже, — прошептала Уитли.

— Беатрис? — спросила Марта.

Все посмотрели на меня. Я не стала опускать глаза, хотя сердце гулко бухало.

Наконец-то! Мы собирались выпустить льва из клетки. Приступить к подъему «Титаника». Извлечь на свет божий труп, замурованный в стену в ту ночь, когда мы отправились на поиски бочонка амонтильядо.

Мы собирались выяснить, что случилось с Джимом.

С моим Джимом.

Началась игра в кошки-мышки.

Часть 2

Глава 10

Загадочные обстоятельства гибели Джима Ливингстона Мейсона всегда казались мне чем-то нереальным, несмотря на то что я лично присутствовала при этом.

Я вспоминала во всех подробностях события годичной давности, сидя в компании четверых моих бывших лучших друзей в библиотеке Уинкрофта, и не могла отделаться от ощущения, что пытаюсь вспомнить правила воображаемой игры, в которую играла в детстве.

В выпускном классе, когда до экзаменов оставалось всего ничего, мой бойфренд Джим вдруг пропал.

Два дня спустя его нашли мертвым, плавающим в затопленном карьере Вулкан.

Джим стал моей первой любовью, хотя эти слова несколько не отражают того, кем он для меня был на самом деле. Он был моим месяцем. Голосом в моей голове. Моей кровью. Все скажут вам, что увлечения юности недолговечны и не стоит воспринимать их всерьез, но я готова была поклясться: к нам с Джимом это не относилось.

Он был невероятно красив — настоящий герой восемнадцатого века, скачущий по прериям: высоченный, с медово-ореховыми глазами, непокорными черными волосами и улыбкой человека не от мира сего. Но было в нем еще кое-что. Он был полон жизни. Если жизненную энергию можно уподобить течению реки, в Джиме оно было настолько бурным, что могло оторвать вам пальцы. Он проживал самый обыкновенный понедельник с такой страстью, будто хотел поделиться с окружающими величайшей тайной мироздания до наступления вторника. Балбес, король прилипчивых мелодий, ходячая двусмысленность, любитель шокирующих романтических жестов, — например, через неделю после знакомства он подарил мне винтажную бриллиантовую булавку в виде шмеля. Он посвятил мне песню, которую назвал «Шея королевы». Хуже всего, что эта жизненная сила притягивала к нему всех подряд. Он был фонарем на крыльце в темную ночь. Мужчины и женщины, старики и молодые вились вокруг него нескончаемым хороводом, точно внимание Джима Мейсона было водой внутри чудотворной купели в Лурде. И я не могла их винить. Рядом с ним они возвышались в собственных глазах и чувствовали себя не такими одинокими.

Он называл меня своим амишем, своим ископаемым, своей Хеди

Ламарр.

Он уверял, что во мне есть что-то несовременное, качество, которого он не мог уловить, и что мне следовало появиться на свет на несколько столетий раньше, в более чистые и невинные времена.

— Ты — моя сумеречная летучая лисица, — говорил он мне.

— Кто-кто?

— Вымерший вид млекопитающих, о котором известно благодаря единственной особи. Ты была замечена всего однажды, в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году на острове Перси, неподалеку от побережья Квинсленда, в Австралии. Твоих сородичей никто никогда не видел. А ты тем временем окопалась в безвестной школе-интернате в глуши Род-Айленда. И никто, кроме меня, о тебе не знает.

Склонный анализировать все и вся, страдающий и легкоранимый, он вечно из-за всего переживал. Летом перед последним школьным годом они с другом детства, выпив, катались на катере по проливу Лонг-Айленд, налетели на песчаную отмель и столкнулись с рыбацкой лодкой. Сам рыбак и друг Джима, к счастью, не пострадали, а вот Джим получил трещину в черепе и два дня лежал без сознания. Очнувшись, он написал шесть песен, четыре поэмы и рэповую композицию под названием «Уж влетел так влетел», посвященную этой аварии. А еще он дал слово никогда в жизни не притрагиваться к спиртному. И раз в месяц аккуратно писал тому самому рыбаку, точно исповедовался перед священником.

Вот таким он был, Джим. Он жил взахлеб. Хватал через край. А потом утонул.

— К жизни надо подходить так, точно это только что открытая Америка, — любил говорить он и, взяв в руки гитару, проводил по струнам загрубевшими кончиками пальцев. — Перед тобой незримо расстилается дивный новый мир. Каждый. Божий. День. Как ты намерен им распорядиться?

И вот теперь Уитли, Кэннон, Киплинг и Марта с тревогой смотрели на меня. Мы никогда раньше этого не делали. Мы ни разу не обсуждали друг с другом смерть Джима. Причиной было не только горе, но и то, в какой момент все произошло. Когда полиция обнародовала все известные ей факты и администрация школы выступила с заявлением, экзамены уже закончились. Я пребывала в таком потрясении, что не могла даже встать с постели и почти не

разговаривала. Поэтому я позволила обезумевшим от тревоги родителям забрать меня из злосчастного Дарроу домой, в Уотч-Хилл с его целебной атмосферой. Прошло много дней, прежде чем я перестала

плакать, и много месяцев, прежде чем я хотя бы немного пришла в себя.

— Тело выключается, когда на него наваливается непосильная ноша, — объяснил мне тогда папа.

— С чего начнем? — осведомилась я.

— Отличный вопрос. — Марта взглянула на меня, и ее темные глаза за стеклами очков блеснули. — А как *по-твоему*, что случилось с Джимом? Мне всегда хотелось спросить тебя об этом.

Именно этот вопрос я задавала себе ежедневно. Столько раз на дню, что меня уже вполне можно было считать тайным чудом природы, вроде человека, который годами разгуливает с пулей в голове и ничто в его внешности не выдает этой мрачной тайны.

Мне до смерти хотелось поделиться своими версиями — всем, что мне было известно и о чем они не знали. Ведь только ради этого я и поехала в Уинкрофт. Однако сейчас, когда мы находились в безумной круговерти между жизнью и смертью, это было не лучшей идеей. Во всяком случае, если я хотела остаться в живых. От многозначительного тона Марты у меня по спине вновь побежал холодок.

— Не знаю, — ответила я вслух.

— Несчастный случай, — вмешался Киплинг. — Какие еще могут быть варианты? Допустим, Джим отправился на карьер. Возможно, он решил надраться. Да, после той аварии он дал себе слово завязать, но, может, у него была депрессия. Он переживал из-за своего мюзикла. Боялся, что не справится. Он мог поскользнуться. У пловцов везде были заныканы банки с пивом. Допустим, он бродил по высокой траве, а в ветреную ночь это все равно что влипнуть в воск, и, не знаю, подошел к самому краю и споткнулся.

— Когда это Джим Мейсон спотыкался? — спросил Кэннон.

Киплинг пожал плечами и, запрокинув голову, сощурился.

— Чумовое совпадение, — произнес он вполголоса. — Так Мама Грир называет развитие событий по худшему сценарию. По ее словам, главные загадки прошлого, вроде смерти Мэрилин, гибели Джона Кеннеди, дела Черной Орхидеи и Исчезнувшей колонии были вызваны идиотским стечением обстоятельств. — Он кивнул, точно убеждал самого себя, и лениво взмахнул рукой. — Безумное стечение обстоятельств. Вероятность один на миллиард. Не то место, не то время плюс катастрофическое невезение. Безумное, тугое переплетение случайностей, которое не распутает ни один детектив, потому что со стороны это выглядит полным абсурдом. — Он с серьезным видом посмотрел на меня. — Чумовое совпадение. Вот что случилось с Джимом. Готов дать голову на отсечение.

— Угу, — пожала плечами Уитли. — Значит, никто из нас даже не знал, что он отправился на карьер.

Все закивали и принялись вопросительно переглядываться.

Я подозревала, что как минимум один из них врет. Как я.

Ведь в ту ночь, когда погиб Джим, ни один из них не был в том месте, о котором говорил.

Я знала это, потому что пыталась найти их. Всех по очереди.

И не нашла ни одного.

Вулкан — или Вулканейшн, как говорили ученики Дарроу, — был заброшенным карьером примерно в миле от центра кампуса.

В Дарроу о нем ходили легенды. Семнадцатиакаровый участок примыкал к территории Дарроу с юго-запада. Учитывая его соблазнительную близость к школе, он стал запретной ничьей землей, о которой ученики перешептывались и постоянно думали, — далекий мир, используемый для устройства жестоких розыгрышей, проведения негласных ритуалов посвящения в школьное братство, интимного общения и прочих подростковых инициатических обрядов.

Слухи о карьере — о том, как туда добраться и что случалось с учениками, которые туда отправлялись (большинство из них давно окончили школу, и подтвердить эти факты было решительно невозможно), — стали частью повседневной реальности Дарроу и основой школьного фольклора. Карьер был такой же неотъемлемой частью местной атрибутики, как официальный гимн школы — «Господь, разомкни мое сердце», ее девиз — «Правдивость, сострадание, инициатива» и даже Марксмановская библиотека, готическая крепость из выкрошившегося серого камня, которая, точно грозный отчим, смотрела на вас со страниц каждого рекламного буклета.

После Первой мировой войны «Вулкан Сэндберг корпорейшн» начала здесь добычу гранита. К пятидесятым годам компания обанкротилась, и карьер оказался заброшен. За последующие годы он наполнился водой, в результате чего образовалось озеро глубиной в двести футов. Окрестности его заросли травой, которая доходила до шеи. Бригадирская вышка — напоминавшая салун эпохи освоения Дикого Запада деревянная коробка на пятидесятифутовых сваях, попасть в которую можно было только по узенькой шаткой лестнице, — начала неумолимо крениться к северу. Карьер был размером с небольшой город. Зияющая зловещая яма неодолимо притягивала взгляд. Казалось, она обнажала правду о мире, которую взрослые хотели скрыть от нас.

Футбольная команда Дарроу по традиции каждый год устраивала в

карьере Ночь Сверкающих Ягодиц: от новичков требовалось пробежать нагишом до карьера и обратно. Школьная сборная устраивала там заплывы на удачу перед чемпионатами штата. Парочки отправлялись туда, чтобы расстаться с девственностью, сорвиголовы — чтобы обдумать свои замыслы. Ходили слухи, что власти скрывают правду и карьер был посадочной площадкой для инопланетного космического корабля.

Для администрации Дарроу карьер был судебным иском, который могли выдвинуть против них в любой момент, зачарованным лесом, который они хотели бы вырубить подчистую, чтобы покончить с мрачными сказками, окружавшими его, точно ядовитый туман. Кто-нибудь из школьного руководства постоянно протестовал, собирал подписи за то, чтобы объявить карьер источником повышенной опасности, убеждал чиновников в правительстве штата разбить на его месте культурный центр, отдать участок молодым христианам из YMCA или возвести здесь жилой комплекс. А пока что пусть его обнесут новой оградой и круглосуточно патрулируют. Однако сотрудники мэрии Уорика — недовольные тем, что ими пытается командовать кучка самоуверенных чужаков, и одновременно неспособные решить проблему — не спешили принимать меры. Все то время, что я училась в Дарроу, ограждение вокруг карьера — проржавевшее, с многочисленными дырами и выцветшими от времени неубедительными предупреждениями «ВХОД НА ТЕРРИТОРИЮ СТРОГО ВОСПРЕЩЕН» — оставалось немногим более чем фикцией.

Однако, после того как Джима нашли мертвым, школьное руководство стало вовсе использовать этот факт в своих интересах. По последним данным, карьер собирались превратить в водохранилище и уже обнесли его новой, суперсовременной оградой.

Впрочем, мне слабо верилось, что она способна остановить учащихся Дарроу.

Если бы члены школьной администрации узнали, на какие ухищрения способны их подопечные ради того, чтобы под покровом ночи улизнуть на карьер или куда-нибудь еще — будь то чужие комнаты в общежитии, тренажерные залы в подвальном этаже или бойлерные, — они не поверили бы своим ушам. Существовал секретный интернет-форум «AlbanzНах.biz», где ученики, бывшие и нынешние, делились способами проникнуть в любое помещение школы и выбраться незамеченными.

«Темная одежда. Козырек крыльца. Прокрасться мимо окна, за которым дрыхнет без задних ног мистер Робертсон с номером «Поэтс энд райтерз»^[15] на груди. Вуаля».

Наша шестерка постоянно убегала на карьер. Мы наловчились

прокрадываться в комнаты друг друга после отбоя, пробираясь по козырькам и карнизам, чтобы потреться о мальчишках и учителях и выкурить одну сигарету на всех, а потом тем же путем вернуться к себе в постель. На втором году обучения Кэннон нашел в пустующем тренажерном зале старого фитнесцентра схематический план с указателями, нацарапанный на кафельной стене. В полночь, тайком выбравшись из своих комнат, мы встречались у начала Философской аллеи и, давясь от смеха, бежали на карьер сквозь лабиринт тропок.

Это были лучшие ночи в моей жизни.

Я не могла объяснить, почему это так, — просто знала, что под конец жизни, возвращаясь мыслями к дням своей юности, я буду вспоминать ночи, которые мы проводили вшестером, сидя на шатком подоконнике бригадирской вышки и глядя на прозрачную голубую воду в сотнях футов под нами.

Именно там зародилась наша дружба. Именно там между нами возникла прочная связь. Именно там на фоне инопланетного сурового пейзажа, скал, неба и воды — среди которых мы совершали запретные, опасные поступки, — словно в рентгеновских лучах, в каждом из нас проявились и стали видны как на ладони невысказанные вопросы, не дававшие нам покоя. Жизнь, сжигающая нас

изнутри, раны на сердце, такие же реальные, как ветер, бьющий в лицо. Мы знали, что ничто не будет прежним, что юность еще с нами, но уже почти на исходе, что любовь хрупка, а смерть реальна.

— А как насчет Белого Кролика? — спросила меня Марта. — Мне эта история с самого начала казалась сомнительной. Слишком уж все просто. Джима находят мертвым, и тут же оказывается, что он и есть Белый Кролик. — Она покачала головой. — Совсем не вяжется с тем, что я о нем знала.

— Думаешь, это было инсценировкой? — подала голос Уитли. — Начальство устроило заговор и выбрало Джима козлом отпущения?

— Не знаю.

— Ты права, — сказала я Марте. — Он никак не мог быть Белым Кроликом.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кэннон.

Я просто знала это, и все.

Белый Кролик.

Так все называли торговца наркотиками, который орудовал в Дарроу, неуловимый и проникающий всюду, точно вирус.

На протяжении почти всего времени, проведенного мной в Дарроу, он

был чем-то вроде местного пугала. Никто не видел его, во всяком случае, никто в этом не признавался. Он устраивал хитроумные закладки на всей территории Дарроу, к примеру за рамой «Пейзажа номер четырнадцать» в художественной галерее или внутри прорехи в обивке сиденья номер сто четыре в шестом ряду концертного зала.

К тому времени, как начался мой последний школьный год, персонаж стал поистине культовым и любое непонятное происшествие объявлялось делом рук Белого Кролика. Даже учителя знали это имя. Они, конечно, не раз проводили экстренные совещания, пытаясь выяснить, есть ли такой человек, или его выдумали ученики.

Самый громкий скандал был связан с ученицей-первогодкой по имени Вероника Бирс. На дискотеке, устроенной по случаю наступления зимы, она наглоталась каких-то таблеток и стала ловить глюки, да такие, что свалилась с лестницы и попала в больницу. Злополучные таблетки, по ее признанию, продал Белый Кролик. Полиция пробила номер, но это оказался недействующий анонимный телефон с предоплаченными минутами.

Кто действовал на самом деле — одинокий волк или шайка отморожков? Один из учеников или человек со стороны?

Когда полицейские нашли тело Джима, он был мертв уже двое суток. Причиной смерти стала асфиксия вследствие утопления, но, помимо этого, при вскрытии обнаружились признаки сотрясения мозга, а также перелом обеих ног и позвоночника, которые Джим, по мнению coronера, получил при столкновении с водой.

Полицейские обыскали комнату Джима в Пекер-холле и обнаружили в корпусе его гибсоновской гитары заначки с травой, аддеролом, риталином^[16] и кокаином. Поэтому они заключили, что Джим был тем самым одиозным наркоторговцем и, по всей видимости, покончил жизнь самоубийством, хотя нельзя исключать возможность насильственной смерти в результате криминальных разборок.

Новость разлетелась по школе с быстротой молнии.

Сначала исчезновение и гибель Джима, затем, чтобы окончательно добить нас, шокирующие подробности его тайной жизни. Подростковый ужастик с идеальным концом — остается лишь хватать ртом воздух.

«Ну конечно, это Джим был Белым Кроликом, — перешептывались все вокруг. — Все сходится».

Мы всегда знаем хуже всего тех, кем больше всего восторгаемся.

В конце концов, он был школьной рок-звездой, сердцеедом, музыкальным гением, местным Шекспиром, мальчишкой, который

неожиданно раздражался то рэпом, то стихами, импровизируя на ходу, с чьей легкой руки все стали носить твидовые кепи (это само по себе было небольшим чудом), — парнем, которого все любили и хотели и кому в то же время тайно желали смерти.

В нем было кое-что. Его бешеная энергетика.

Он напоминал огромное, ярко освещенное окно без штор в ночи. Проходя мимо, вы невольно подходили ближе и заглядывали в него.

Я никогда в это не верила.

Джим просто не мог быть Белым Кроликом. Его кто-то подставил, я точно знала это. После той аварии с катером он не притрагивался ни к наркотикам, ни к алкоголю. И он не стал бы ими торговать. Он был из числа людей, спасающих птиц с подбитыми крыльями и изгоев общества, рядом с которыми никто не садится в столовых. В деньгах он не нуждался. Его отец, Эдгар Мейсон, начавший печатать картины Ван Гога на кроссовках и цитаты Эдгара По на толстовках, руководил «Голодным художником», международной компанией по пошиву молодежной одежды, начало которой он положил в девятнадцать лет на заднем сиденье своего джипа. По данным журнала «Форбс», состояние семьи Джима оценивалось в пять миллиардов долларов.

Весь прошлый год я провела, ставя под сомнение свою веру в невиновность Джима. Я настойчиво испытывала свою теорию в дорожных условиях, пиная шины и пытаюсь оторвать дверцы. Я снова и снова перебирала в памяти все случаи, когда Джим говорил, что не сможет встретиться со мной в столовой вечером, что на него нашел приступ вдохновения и он будет писать у себя в комнате. Неужели он лгал мне каждый раз, утверждая, что работает над «Человеком из ниоткуда», мюзиклом о Джоне Ленноне?

Мое сердце твердило, что это не так. Он не мог мне лгать. Он обманывал меня в другом.

Но только не в этом.

— Я знаю, с чего начать, — заявила я.

Все остальные сидели и задумчиво молчали. Теперь они вскинули на меня глаза, ожидая продолжения.

— С Виды Джошуа.

— С Кисуни? — изумленно воскликнул Киплинг.

— Ей что-то известно о гибели Джима. Я уверена.

— Откуда ты знаешь? — отрывисто спросила Уитли.

— Помнишь, как странно Джим вел себя в последнюю неделю?

Киплинг изогнул бровь:

— С таким же успехом ты могла бы спросить меня, помню ли я жаркое лето с отключением воды, засорившейся канализацией и сломанным кондиционером.

— Он был сам не свой, — продолжала я. — Ходил мрачный. На всех бросался.

— Это все из-за мюзикла, — подала голос Уитли.

— Ох уж этот мюзикл, — скривившись, протянул Киплинг. — Из-за него бедняга Джим просто таял на глазах.

— Он действительно переживал из-за мюзикла, — согласилась я. — Но дело не только в этом. Было еще кое-что.

Теперь они во все глаза смотрели на меня, готовясь ловить каждое слово.

— Я совершенно уверена, что он крутил с Видой Джошуа, — продолжила я.

Никто не издал ни звука. Все потрясенно смотрели на меня.

— Помните тот первый вечер Весенних чтений, как раз накануне его исчезновения? — задала я вопрос.

Все кивнули.

Во время Весенних чтений, рассчитанных на два дня, ученики выступали с мини-спектаклями, речами и песнями собственного сочинения, посвященными окончанию учебного года и предстоящим экзаменам.

Около пяти часов я получила эсэмэску от Джима. Он писал, что у него температура и озноб и что он идет в изолятор. Я была ошарашена. В тот вечер должны были представлять попурри из песен, звучавших в «Человеке из ниоткуда», — номер, призванный стать гвоздем программы. Песни еще ни разу не исполняли на публике. Получалось, что Джим собирается пустить на самотек премьеру собственного произведения, и это выглядело очень странно. Может, он и мандражировал по этому поводу, но ни за что не самоустранился бы. В тот же вечер, уже после восьми, я засиделась в библиотеке и обнаружила, что опаздываю на Чтения, так что решила срезать дорогу и побежала в актовый зал мимо задворок кафетерия. Мы с Джимом иногда так ходили. Там-то я его и увидела. Он сидел у погрузочной платформы. Непохожий на больного. Ни капельки. Абсолютно здоровый на вид. Он просто сидел там, в черной футболке и джинсах, будто кого-то ждал. В одиночестве. Я спряталась за дерево и отправила ему сообщение.

«Как здоровье?»

«Тридцать девять», — написал он мне в ответ, сопроводив свое

сообщение чихающим смайликом.

Я наблюдала из-за дерева, как он набирает это с беззаботным видом.

«Я забегу к тебе в изолятор», — написала я.

«Не надо. Хочу немного поспать».

Мне не верилось, что все это происходит наяву. Я уже собиралась подойти к нему и сказать все, что я о нем думаю, как вдруг подъехала машина. Она двигалась очень медленно, с выключенными фарами: водитель явно старался, чтобы ее не заметили. Джим соскочил с края платформы и сел в машину. За рулем была Вида Джошуа.

— Ты ее видела? — уточнил Кэннон.

Я кивнула.

— Это был помятый красный «ниссан» мистера Джошуа. Тот, который он вечно бросал на заднем дворе музыкальной школы с ключами в замке зажигания и табличкой «Продается» под задним стеклом. Школьное начальство все время просило его отогнать машину.

— Бедный мистер Джошуа, — сказала Уитли. — Странно, что он еще не забыл где-нибудь свою голову.

— А ты потом выяснила у Джима, в чем дело, малышка? — спросил Киплинг.

Я кивнула:

— На следующий день. Он ни в чем не признался. Но жутко разозлился.

— На тебя? — уточнила Марта, скептически прищурившись.

«Отвяжись от меня, Беатрис! Хватит за мной шпионить! Ты мне что, папочка?»

Реакция Джима напугала меня. Таким я его еще никогда не видела: с трясущимися руками, со слезами на глазах и до неузнаваемости искаженным от гнева лицом. Даже пена на губах выступила. Он уже несколько недель ходил на взводе, но я списывала это на напряженную работу над мюзиклом, который надо было завершить к Весенним чтениям, и над записью демоальбома, которую устроил ему мистер Джошуа. «Я хочу, чтобы это была бомба, Би. Я намерен прославиться». Он сходил с ума от беспокойства, неуверенности в своих силах, отчаяния. «Ноты утратили бархатистость», — жаловался он. Западающий в душу мотив, когда-то придуманный в качестве сквозной темы, внезапно стал казаться ему навязчивым и режущим ухо. Стихи были сплошными клише. Я твердила, что все отлично, но не могла его убедить. Наши отношения стали натянутыми, мы проводили время в безрезультатных разговорах о стихотворных размерах и синкопированных ритмах, пытаюсь отыскать

более подходящую рифму к слову «растрачивать».

— «Подначивать? Уплачивать?» — предлагала я.

— Это все никуда не годится, — злился Джим.

В тот день я дала Джиму шанс объяснить то, чему я стала свидетельницей, назвать безобидную причину, по которой он накануне вечером сел в машину к Давалке Виде, сказавшись больным в переписке со мной.

Но он не стал ничего объяснять.

— Ты хочешь расстаться со мной из-за этого? — заорал он. — Ну и ладно! Я сыт по горло твоими комплексами, твоим детсадовским поведением, твоей неспособностью видеть в людях плохое! Зло существует, ты это понимаешь или нет? Иногда мерзости случаются у нас под носом.

Я развернулась и побежала вниз по склону холма. Меня душили слезы. Когда я остановилась и оглянулась назад, то, к своему изумлению, обнаружила, что Джим не попробовал меня догнать, как я ожидала. С мрачным и озабоченным видом он двинулся в противоположную сторону и исчез из виду.

Так, словно не хотел иметь со мной ничего общего. Так, словно между нами и в самом деле все было кончено.

Это был наш последний разговор.

Два дня спустя он погиб.

— Ректор Траск объявил, что тело Джима нашли в карьере, — продолжала я, — и на завтра об этом написали во всех газетах. В тот же день Виде исчезла.

— На что ты намекаешь? — спросил Кэннон.

— Она немедленно уехала из города, помнишь? Об этом объявили во всеуслышание.

— Ну да, точно, — протянула Уитли, наморщив нос. — На последнем собрании. «А также имеем честь сообщить, что мисс Джошуа стала участницей программы исследования стволовых клеток в Университете Чикаго».

Киплинг кивнул со скептическим видом:

— Все равно что услышать о том, как обезьяну взяли на работу в Государственный департамент.

— Думаешь, она пыталась скрыться с места преступления? — спросила меня Марта.

— Меня насторожил выбор момента, — кивнула я. — Похоже, она чего-то боялась. В общем, я зашла к ней на «Фейсбук». Она работает

сушефом в итальянском ресторане и опять живет у родителей. Я всегда жалела, что у меня тогда не хватило духу объяснить с ней. Теперь я готова. — Я сделала глубокий вдох и поднялась на ноги. — Кто со мной?

Один за другим они подняли руки с опасливым выражением на лице.

Глава 11

Вида Лоретта Джошуа была на семь лет старше нас.

Она была единственным ребенком мистера Джошуа. Окончив Дарроу, она стала студенткой колледжа в Северной Каролине, а потом у нее случилось что-то вроде нервного срыва — истинная природа которого так и осталась невыясненной, — в результате чего она вылетела из колледжа и вернулась домой.

Жилищем семье Джошуа служил скромный домик в тюдоровском стиле на территории кампуса Дарроу. Приходя к ним в гости, ты чувствовал себя так, будто очутился в компании двух обычных людей, которые держат дома пантеру. Это объяснялось двумя причинами. Во-первых, Вида Джошуа была ослепительно красива: черноволосая, с широко расставленными синими глазами, инопланетными скулами и таким симметричным и завораживающим лицом, что, когда она наконец удостоивала тебя взглядом (это случалось далеко не сразу), ты чувствовал себя скромным натуралистом, подслеповато щурящимся в бинокль на дикую кошку, которая лениво смотрит на тебя с вершины горы. Во-вторых, мистер и миссис Джошуа, похоже, побаивались своей доченьки и разговаривали с ней заискивающим тоном. Когда та валялась в гостиной на диване, в мешковатом свитере, с немытой головой, поедая прямо из пакета капустные чипсы и погрузившись в очередное реалити-шоу, они ходили вокруг нее на цыпочках, боясь совершить резкое движение. Слишком уж их пугали обе перспективы: выпустить ее обратно на волю (в колледж) или отправить восстанавливаться в заповедник (на психотерапию). Поэтому они просто оставляли Виду наедине то ли со скукой, то ли с депрессией, то ли с чем-то еще, что было у нее на душе.

Доподлинно этого никто не знал.

На втором году нашего обучения мистер Джошуа, видимо, нажал на кого-то, чтобы дочь взяли на работу в Дарроу. Сначала она перекладывала бумажки в приемной комиссии, зевая и неуверенно курсируя между ксероксом и компьютером, потом перебралась на кафедру испанского языка, после этого стала помощником тренера юношеской команды школы по хоккею на траве, а когда у нее не заладились дела и там (видимо, мало кто чувствовал себя в своей тарелке рядом с пантерой), ее сослали с глаз подальше, в картинную галерею. Большую часть времени она, оставив свое рабочее место, торчала на заднем дворе у мусорных бачков, болтая с каким-

нибудь учеником — непременно мужского пола. Ходили слухи, что в Дарроу ее наградили прозвищем Давалка Вида, что она переспала со всей школьной командой по борьбе, что в колледже она влюбилась в преподавателя, начав терроризировать его жену, и суд запретил ей к ним приближаться — это и привело к загадочному нервному срыву.

Больше я ничего не знала о Виде до того, как увидела ее с Джимом. Однако после того, как они вместе уехали из кампуса, прозвище Кисуня, данное мистером Джошуа своей дочери, стало казаться мне как нельзя более подходящим: милый и трогательный пушистый комочек внезапно превратился в опасную хищницу, поедающую лошадиные трупы и способную убить без предупреждения.

Я и не подозревала, что они с Джимом общались. Он никогда о ней не упоминал. Вида взирала на Джима со своего лежбища лишь с чуть меньшим безразличием, чем на меня и всех остальных. Но после того как его нашли мертвым, она внезапно исчезла из картинной галереи. Ее эргономичное вращающееся кресло, стаканчик с ручками, ворох распечатанных прейскурантов на картины, и резюме художников вперемешку с информационными брошюрами для новых членов фитнес-клуба «Джем», и меню тайских ресторанов — все это в первые дни после гибели Джима сидело у меня в мозгу как заноза, заставляя снова и снова задаваться одними и теми же вопросами.

Я обнаружила, что с сомнением перебираю в памяти все те моменты, когда мы с Джимом оставались наедине. Так скупец, запершись в комнате, запускает руки под матрас, где спрятаны деньги, и в миллионный раз пересчитывает свое состояние, желая убедиться, что ни одна монетка не пропала и что ему не

подсунули фальшивку. После этого я следила за Видой целый год. Я просматривала в «Инстаграме» ее фото, сделанные во время поездок в Винконсин вместе с подружкой по имени Дженни, которая носила бермуды. Я следила за ее торжественным переездом в новую квартиру в Викинг-парке («Кто-нибудь знает хорошую компанию-перевозчика в окрестностях Чикаго???»), откуда она меньше чем через три месяца втихомолку вернулась обратно к родителям. Я узнала о том, что Вида решила пойти на курсы моды и дизайна, о ее интересе к рефлексологии и рок-группе «Eisenhower». Я копалась в этих артефактах, разыскивая ключи к разгадке ее отношений с Джимом. И время от времени находила их. Вида запостила слова песни, которую написал Джим, — «Cape» — под смазанной фотографией лягушки, которую щелкнула на телефон. «Когда-то мы разрывали небо и резко взмывали ввысь. Все было правдой, обман и

ложь не тянули, как гири, вниз». В годовщину смерти Джима она написала на его страничке в «Фейсбуке», превращенной в виртуальный мемориал: «Я скучаю по тебе, Мейсон».

В самые черные моменты меня подмывало послать ей несколько анонимных сообщений: «Я знаю, что ты сделала в прошлом году» — или что-нибудь в этом роде. И посмотреть, удастся ли мне расколоть ее, заставить выложить то, что она знала, признаться в том, что она сделала.

Но я так ничего и не послала.

Я никогда не поверила бы в то, что Джим способен предать меня, связавшись с Видой. Правда, у нас с ним не было секса. Несколько раз мы подходили совсем близко к этому. Но в последнюю минуту я неизменно говорила «нет». Джим переворачивался на спину, запрокидывал голову и устремлял взгляд в потолок.

— Чего ты боишься? — с неподдельным любопытством спрашивал он.

Я говорила, что пока не готова и все в таком духе, но ни разу не отважилась сказать ему правду: мне было страшно ощутить, как под ногами исчезает последний клочок твердой земли. Я любила Джима, но временами мне казалось, что наши отношения — это какое-то помрачение рассудка. Порой я полностью погружалась в него, а много дней или даже недель спустя выныривала и растерянно озиралась вокруг, не понимая, где я и сколько сейчас времени.

— Ты хочешь подождать до первой брачной ночи? — поддразнивал он меня. — Ладно, как скажешь.

«Неудивительно, что он меня не бросил, — думала я позднее с горечью. — Все равно он ничего не терял».

У него была Кисуна.

После выпуска никто из нас больше не был в Дарроу. Даже после наступления Никогда.

Как обычно, при въезде на территорию школы тебе казалось, будто ты попал в прошлое: водители в специальных круглых очках, громоздкие телефонные аппараты, отделанные перламутром и слоновой костью, люди в твидовых костюмах, постоянно говорящие «великолепно» и называющие «благодатью» все, что доставляет им удовольствие. Дарроу всегда гордилась своими традициями, культивируя старомодность и старательно выставляя ее напоказ, словно это была не школа, а заповедник для вымирающего вида птиц.

В классах стояли точно такие же деревянные парты, как пятьдесят лет назад; в церкви — точно такие же скамьи. У большинства учителей были негнуущиеся спины и лица, с которых не сходило скорбное выражение, ни

дать ни взять ходячие дагеротипы.

Я смотрела в окно, стараясь держаться, хотя у меня сосало под ложечкой. Весь последний год я думала над тем, что сказала бы Виде, если бы получила возможность потребовать у нее объяснений, но во всех сценах, которые рисовались в моем воображении, я выглядела жалкой и заискивающей. «Что вы с Джимом делали в тот вечер? Почему ты внезапно исчезла, когда он погиб? Ты любила его? Он любил тебя?»

Впереди показался старый белый деревянный знак, качающийся под проливным дождем: «ШКОЛА ДАРРОУ-ХАРКЕР». Рядом с ним стоял бронзовый олень. Когда мы проносились мимо, я успела краем глаза заметить рога и глаза. Мелькнула и исчезла в кроваво-красном свете задних фонарей надпись: «ОСНОВАНА В 1887 ГОДУ», и вот вывеска и олень утонули во мраке.

— Не переживай, Би, — прошептала Уитли, положив голову мне на плечо. — Я обо всем позабочусь.

— Малышка, когда ты говоришь это, кто-то остается без глаза, — бросил Киплинг с переднего сиденья.

Уитли улыбнулась с видом пай-девочки:

— Я не могу ручаться за жизнь и здоровье тех, кто портит жизнь моим лучшим друзьям. Они обидели Би? Придется им испытать гнев мироздания.

— Знаешь, Зевс, я бы на твоём месте слегка поумерил пыл, — пробормотал Кэннон, сбрасывая скорость.

Впереди показался пост охраны.

— Что мы им скажем? — спросила Марта.

— То же, что обычно. Мы — бывшие ученики. Только слегка мертвые. Застрявшие в космических катакомбах.

— Это слишком длинно, — прошептала Уитли, затем хихикнула и сжала мою руку.

Кэннон притормозил перед воротами и опустил стекло. Мы в тревожном молчании наблюдали за тем, как Мозес — печально известный охранник — неторопливо застегивает куртку, поправляет воротник рубашки и открывает зонт. Ворчливый и согбенный, как вопросительный знак, он, по слухам, появился на кампусе в год основания школы. Это был ревностный христианин, поминавший Господа едва ли не через слово, и завязавший алкоголик. Каждую среду в полночь он тайком оставлял свой пост, чтобы присутствовать на собрании анонимных алкоголиков в спортзале в Сент-Питерсе, а значит, у каждого желающего были верные два часа на то, чтобы нагло прошествовать мимо поста охраны и безнаказанно

отправиться по своим делам — при условии, разумеется, что он успеет вернуться до появления Мозеса.

— Добрый вечер, — официальным тоном произнес Мозес, перекрикивая шум дождя. — Чем могу помочь?

— Вы нас не узнаете? — спросил Кэннон.

Мозес пригляделся, и его белые кустистые брови изумленно сошлись на переносице.

— Ну и ну! Кэннон Бичем. Киплинг Сент-Джон. Уитли. Беатрис. И малышка Марта. Ребята, что вы делаете здесь в такое ненастье?

— Мы были поблизости и решили заехать, — сказал Кэннон. — Мы быстро.

Мозес обеспокоенно нахмурился и бросил взгляд на часы. Когда он снова посмотрел на Кэннона, в его взгляде явственно читалась тревога.

— Только если быстро, — сказал он, тыча пальцем в Кэннона. — Но чтобы никаких шуточек. Ты меня понял?

Кэннон кивнул, махнул ему рукой и закрыл окно. Мы покатали по дороге.

— Никаких шуточек, о которых ты вспомнишь завтра, дружище, — пробормотал он.

— Батюшки! Вот это сюрприз так сюрприз!

Мистер Джошуа, который открыл нам дверь, ничуть не изменился: чистенький, подтянутый, голубоглазый, розовощекий, в своем всегдашнем вязаном жилете.

— Чем обязан? Заходите скорее. Льет как из ведра.

Он лучился искренней теплотой, и, когда мы пятеро, до нитки промокшие, гуськом потянулись в дом, я ощутила укол совести.

— Мы приехали повидаться с Видой, — с улыбкой произнесла Уитли. — Наша милая Кисуня дома?

Мы видели на дорожке, ведущей к дому, ее красный «ниссан», а кроме того, в доме горело много окон. Поэтому ответ был известен нам заранее.

Мистер Джошуа озадаченно заморгал:

— Вида? Ну конечно. Мы... э-э... как раз садимся ужинать. Проходите, проходите. Прошу вас.

Мы двинулись следом за ним через пустую гостиную в столовую, где обнаружили Виду и миссис Джошуа. Миссис Джошуа, облаченная в желтый фартук, раскладывала по тарелкам початки кукурузы, а Вида празднично сидела во главе стола, уткнувшись в телефон.

Похоже, жизнь в неволе оставила свой отпечаток: Вида выглядела далеко не так сносшибательно, как в моих воспоминаниях. Она слегка

раздалась, роскошные волосы поредели и выглядели неопрятно. Хотя мы впятером молча столпились вокруг ее стула, она, казалось, едва замечала нас — обвела равнодушным взглядом и вновь уткнулась в телефон. Она привыкла к визитам учеников своего отца, постоянно приходивших на уроки гитары или на репетиции.

— Пегги? Кисуня? Это друзья Джима Мейсона. Помнишь Джима, моего ученика? Один из самых блистательных молодых авторов, которые мне встречались в жизни. — Мистер Джошуа с мягкой улыбкой поднял палец. — Он подавал такие надежды. Его мюзикл о Ленноне был одним из самых изумительных... Настоящее кружево из музыки и слов... — Кажется, он на мгновение забылся, откровенно делаясь своей болью. Лицо его покраснело. — Ладно. Что привело вас в нашу глушь?

Я никогда не задумывалась о том, как мистер Джошуа воспринял смерть Джима, — и поняла это лишь сейчас, стоя в скромной бежевой прихожей, слушая громкую дробь дождя по крыше, вдыхая слабый запах нафталина и разглядывая гитары на стенах, наводившие на мысли о несыгранных песнях. А ведь это мистер Джошуа больше всех верил в Джима, это он внушил ему мысль попытать свои силы за пределами нашего городка, попробовать пробиться на Бродвей. Это мистер Джошуа кропотливо переводил десятки демонстрационных записей Джима в ноты, это мистер Джошуа заставлял его дорабатывать свои творения так, чтобы стихи стали пронзительней, персонажи — ярче, музыка — многогранней, разбирал вместе с ним замысловатые выражения и бунтарские тексты Стивена Сондхайма, Лина-Мануэля Миранды и Теннесси Уильямса. Это мистер Джошуа договорился с известным нью-йоркским продюсером, чтобы тот послушал демозапись песен Джима из мюзикла «Человек из ниоткуда». Продюсеру понравилось, и он выразил желание поужинать с Джимом. Встречу назначили то ли на день гибели Джима, то ли на один из соседних.

Что, если мистер Джошуа был влюблен в Джима? Или за всем этим крылось что-то другое, например попытка застолбить себе место рядом с восходящей звездой? Возможно, он видел в Джиме свой счастливый билет? И с гибелью Джима, его партнера по творчеству, его любимого ученика, его пропуска на олимп, все надежды и перспективы мистера Джошуа разом рухнули.

— Ну, Вида уж точно должна помнить Джима, — ухмыльнулась Уитли, потом склонила голову и вскинула бровь. — Кисуня, дорогая, настал подходящий момент для того, чтобы попросить твоих родителей выйти из комнаты... если ты не горишь желанием посвящать их во все

жуткие подробности. — Она непринужденно плюхнулась в кресло во главе стола и, закинув ногу на подлокотник, наколола на вилку стручок зеленой фасоли. —

Мы хотим знать все, — продолжала она, принимаясь жевать кончик. — Кто задумал это? Кто довел дело до конца? Куда вы с ним тайком ездили из кампуса? И почему ты смылась из города через наносекунду после того, как Джима нашли мертвым?

Вида молча смотрела на нее, разинув рот от изумления.

— Малышка, не оскорбляй наши умственные способности попытками все отрицать, — протянул Киплинг, взмахнув рукой. — Во-первых, Беатрис никогда не врет. Таких добрых и честных людей, как она, я не встречал. Ее подпольная кличка — Добрая Волшебница Севера. А во-вторых, наше терпение на исходе. Не знаю, в который раз мы проживаем этот самый день, известный под названием «пробуждение». И поэтому мы все немножко на взводе.

— И немножко против долгих разговоров, — добавил Кэннон.

— Прошу прощения? — вмешалась миссис Джошуа. — Что здесь происходит? Пол? Пол!

Мистер Джошуа, стоявший рядом с женой, казалось, застыл, не в силах ни двинуться, ни говорить, — как воробей, нерешительно зависший в воздухе над скамейкой в парке, рядом с которой только что обронили хлебные крошки.

— Ребята, да вы спятили, — произнесла Вида хрипло. — Я понятия не имею, о чем вы.

Уитли, улыбаясь, взяла со стола тарелку и легким движением пальцев метнула ее в воздух, как фрисби. Курица, кукуруза и рис разлетелись в разные стороны, а тарелка, промчавшись через комнату, врезалась в окно.

На какое-то время все ошарашенно застыли. Потом миссис Джошуа бросилась к придиванному столику и, схватив телефонную трубку, набрала 911:

— К нам в дом вломились!

— Скажи ей, чтобы положила трубку, — посоветовал Кэннон Виде, почесывая нос.

— Пришлите наряд полиции! Немедленно! В наш дом ворвались дети... подростки...

— Скажи ей, чтобы положила трубку, если не хочешь ближайшие десять лет щеголять в тюремной робе, — произнесла Уитли.

Вида с изумлением покосилась на нее.

— И принимать душ при зрителях, — добавил Кэннон, плюхаясь в

кресло рядом с Уитли.

— Они измываются над нами. Это бывшие ученики моего мужа. Пожалуйста, приезжайте быстрее!

— Повесь трубку, мама, — обрела голос Вида.

— Терпеть не могу, когда девушки не заодно с другими девушками, — сказала Уитли. — Когда они без зазрения совести крутят с чужими парнями, будто так и надо. Это совершенно непростительно. И несовременно.

— Школа Дарроу...

— Я бы на твоём месте призвал свою питбулиху-мамочку к ноге, — заметил Кэннон.

— Мама! — рявкнула Вида.

Миссис Джошуа ее не слышала.

— Энтранс-драйв, пятьсот сорок пять. Пожалуйста, поскорее!

Вида вскочила на ноги, подбежала к матери, отпихнула ее в сторону, вырвала у женщины телефонную трубку и швырнула в стену. Трубка угодила в небольшую картину с лисой, играющей на скрипке. Картина немедленно полетела на пол, и взгляду открылся яркий прямоугольник обоев, чуть припорошенных черной плесенью.

Все изумленно умолкли.

Вида глядела на нас широко раскрытыми глазами и пыталась отдышаться.

— Что ты натворила на этот раз? — осведомился у нее мистер Джошуа.

— Сколько вам можно повторять?! — прорычала Вида. — Мы были друзьями. Друзьями! И только. Он просто попросил меня подвезти его. Хотел, чтобы я помогла ему улизнуть из кампуса. Когда мы проезжали мимо Мозеса, он спрятался на заднем сиденье, под одеялом. Это все, ясно? Не понимаю, что тут такого. Вы все просто ненормальные.

— Мы тебе не верим, — заявил Кэннон.

— Это ваши проблемы.

— Куда ты возила Джима? — спросила Марта.

— Я уже сказала.

— Скажи еще раз! — рявкнула Уитли.

— Я не знаю! В какой-то торговый центр...

— В Ньюпорте?

— Да.

— Ты помнишь, где он был? Или хотя бы как назывался? — поинтересовалась Марта.

— Нет.

— Хотя что-нибудь ты можешь рассказать? — спросил Кэннон.

Вида пожала плечами:

— Какой-то дурацкий район. Вокруг куча долларовых магазинчиков. Зоомагазин. На парковке чувак в костюме цыпленка раздавал надувные сердечки.

— А зачем Джим отправился туда? — спросила Марта.

— Может, он хотел поесть жареной курицы и купить ручную игуану. Я-то почему знаю? — огрызнулась Вида.

— Были же у тебя хоть какие-то предположения, — сказала Уитли.

Вида раздраженно передернула плечами:

— Я подумала, что он мог поехать за травкой. На парковке толклись всякие подозрительные типы.

— В котором часу это было?

— В восемь вечера? В девять? — Вида вздохнула. — Я предложила подождать его и отвезти обратно в школу, но он сказал, что доберется сам. Это все, понятно вам? Я вообще не понимаю, что в этом такого, и не имею никакого отношения к его смерти. Seriously.

На протяжении двадцати минут Вида, негодуя и фыркая, снова и снова повторяла одно и то же: тем вечером Джим попросил ее подвезти его, и только. Это все. Ничего больше. Между ними ничего не было. Кроме редкого, чисто дружеского общения. На этом она стояла как скала. Я была склонна верить Виде, но ее слова все равно ножом вонзались в мое сердце: ведь если даже она говорила правду и в их отношениях не было ни малейшего намека на романтику, это значило, что Джим предпочел довериться ей, а не мне, что он предпочел разбираться со своими проблемами у меня за спиной. А если он утаил от меня это, значит мог утаить что угодно.

— С трудом верится, что он попросил бы тебя подвезти его, если вы были просто друзьями, — заметила Уитли.

Вида метнула на нее сердитый взгляд:

— Я уже сказала. Мы общались. Время от времени. Он заглядывал ко мне в галерею и давал советы. Джим был натуральным гением. Он разбирался в куче вещей. Я рассказала ему о своих проблемах, ну, сами знаете, и через десять минут он дал мне отличный совет. А доктор Милтон Йескович, с его козлиной бородкой, длинными ногтями на больших пальцах и целой полкой книг под названием «Искусство любить себя», не смог толком ничего посоветовать за те шесть лет, что я к нему ходила.

Она покосилась на отца, который ответил ей непроницаемым взглядом.

Все это время мистер и миссис Джошуа слушали дочь с таким видом, словно та говорила на каком-то странном диалекте и они понимали не больше трети сказанного.

— Джим постоянно твердил мне, что, пока я жива, моя жизнь не кончена и я должна взять ее в свои руки. Поэтому я и решила переехать в Чикаго. Я сказала, что меня пригласили интерном в лабораторию, и он велел мне ехать. Надо ловить момент. Даже если это меня пугает. Джим говорил, что, если ты видишь провал на дороге и тебе страшно до чертиков, нужно хорошенько разбежаться, оттолкнуться и перепрыгнуть через него. Он подбадривал меня. А я помогала ему. Он ужасно переживал из-за своего мюзикла. Ему хотелось добиться успеха. Чтобы мюзикл встал в один ряд с «Оклахомой!» и «Арендой»^[17]. Он жаждал славы. Больше всего ему хотелось войти в историю. И он вошел бы. Он показывал мне свой блокнот, там были совершенно чумовые стихи. Он был гением. — Вида покачала головой. — Ужасно, что с ним это случилось. Но такова жизнь. Все удивительные люди умирают слишком рано.

— Когда ты видела его в последний раз? — спросила я.

— Да вы что, меня вообще не слушаете? Я же сказала. Когда высадила его у того торгового центра.

— Ты не говорила с ним в тот вечер, когда он погиб? Вы не договаривались встретиться на карьере?

Вида нахмурилась:

— Что ты несешь? Я на карьере сто лет не была. — Она фыркнула и покачала головой. — Но как только я узнала обо всем, что он не только погиб, но его к тому же считают крупным наркоторговцем или кем-то еще... Как только я узнала, я отправилась прямиком в полицию и сказала, что они все просто спятили. — Она закатила глаза. — Если у Джима в комнате нашли наркоту, то она была не его.

— Откуда ты знаешь? — спросила я.

— Он сказал мне, чья она.

— Э-э? — вскинулась Марта, бросив на меня изумленный взгляд. — Что?

— Ну да. — Вида кивнула. — За пару недель до того, как он погиб. Он ни о чем больше не мог говорить. Только о том, как он узнал, что один из его лучших друзей много лет продавал учащимся тяжелые наркотики.

— А он не сказал, кто именно? — поинтересовался Киплинг.

— Не успел. Он как раз начал разговор об этом, когда тот друг позвонил ему. «Долго жить будет», — сказал Джим. Я успела увидеть имя на экране его телефона. — Вида наморщила нос. — Какое-то странное.

Всего одно слово.

— И что же это было за слово? — спросил Кэннон.

— Крикс.

«Нет. Нет. Это невозможно», — зазвучал хор голосов в моей голове.

Никто не шелохнулся.

Уитли с непроницаемым видом разглядывала ковер у себя под ногами.

— Я назвала это имя полицейским, — продолжала между тем Вида. —

И все им выложила. Я сказала, что Крикс имеет отношение к убийству Джима. Я была совершенно в этом уверена. Этот человек знал, что его секрет вот-вот выплывет наружу. Надо было избавиться от Джима. Чтобы заткнуть ему рот, понимаете? — Она сделала большие глаза. — Но полицейским было наплевать. Или они объелись пончиками, а потом не смогли оторвать свои задницы от стульев и хоть что-нибудь сделать, потому что ничего нового я не слышала. Впрочем, я не сильно удивилась. В наше время никто ничего не делает. Один только Джим что-то делал, к чему-то стремился. А теперь и его не стало.

Она умолкла. В комнате повисла напряженная тишина.

И тут Уитли вскочила и выбежала из дома.

Глава 12

Мы бросились за ней.

Уже перед дверью, когда Кэннон и остальные выскочили под дождь, я остановилась и обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на семейство Джошуа: все они мрачно взирали друг на друга, точно три незнакомца в тюремной камере, ожидающие обвинения. Потом я развернулась и выбежала за дверь.

Уитли уже почти добежала до конца Энтранс-драйв.

— Уитли! — закричал Кип.

— Брось! — подхватил Кэннон. — Куда ты побежишь?

Не обращая внимания на их слова, она свернула с дороги и скрылась за холмом. Когда я достигла вершины, все уже было далеко внизу: Уитли — темная фигурка — неслась мимо теннисных кортов и футбольных полей, а Марта, Кэннон и Кип, выстроившись гуськом, бежали за ней.

— Постой! — крикнула Марта.

— Давай поговорим!

— Уитли Лэнсинг! Остановись!

Я со всех ног бросилась вдогонку. Сзади уже доносился еле слышный вой сирен. Уитли? Белый Кролик? Как это возможно?

Дождь теперь лил как из ведра, обстреливал каплями голову и руки, точно какой-то небесный пулемет. Я почти ничего не видела и мчалась наугад.

Деревья трещали и угрожающе раскачивались на ветру, один раскат грома следовал за другим. Спотыкаясь и оскальзываясь чуть ли не на каждом шагу, я с горем пополам спустилась вниз по склону, в лужу густой, похожей на деготь грязи. Ноги увязали в ней, точно в болоте. Далеко впереди сквозь пелену дождя смутно виднелись Уитли и остальные; они уже готовились завернуть за угол здания со спальнями для девочек. Слейт-холл, Стонингтон-мэнор и готические арки угрожающе нависали вдалеке, а их темные бесформенные тени, точно длинные изогнутые пальцы, вытянулись в желтоватом свете фонарей. Я побежала наперерез через сад за Морли-хаусом и едва не врезалась в Марту. По всей видимости, она поскользнулась и шлепнулась лицом в грязь.

— Ты жива? — крикнула я.

— Убегай, — выдохнула она, махнув рукой.

Я помчалась дальше. Завернув за угол центра водных видов спорта,

массивного здания из стекла и бетона, я увидела, что одна из стеклянных дверей разбита кирпичом. Я открыла дверь и забралась внутрь. В темноте передо мной эхом отзывались чьи-то невнятные крики и звук шагов. Я прошмыгнула через темный вестибюль, мимо многочисленных стеклянных витрин с кубками и медалями и черно-белых фотографий сборной по плаванию. Потом пролетела стрелой по коридору, скользя и с трудом удерживая равновесие на клетчатом линолеуме в своих облепленных грязью кроссовках, и распахнула большую двустворчатую дверь, ведущую в бассейн олимпийского размера.

Киплинг и Кэннон были внутри. Уитли нырнула в воду, и они, стоя на краю бассейна, высматривали ее темный силуэт под водой. Уитли стремительно плыла в ту сторону, где было глубже всего. Минуту спустя она показалась на поверхности, хватая ртом воздух.

— Что ты творишь? — выругал ее Кэннон. — Мы просто хотим с тобой поговорить.

— Тебе не убежать от нас, малышка, — сказал Киплинг.

Послав им в ответ сердитый взгляд, она вновь скрылась под водой.

— Она плывет к двери! — крикнул Кэннон и бросился в мою сторону.

И в самом деле, Уитли одним духом выскочила из бассейна, взобралась по лесенке, отпихнула меня в сторону с такой силой, что я налетела на пластиковый стул, и врезалась в дверь, распахнув ее, — после чего очутилась перед Мартой, которая была в грязи с ног до головы. Вздвогнув от неожиданности, Уитли попыталась прорваться мимо Марты, но в руках у той оказался кубок, явно взятый из витрины. Марта размахнулась и стукнула Уитли в висок. Взыв от боли, та рухнула на пол.

— Познакомьтесь с Белым Кроликом, — тяжело дыша, объявила Марта.

Она захлопнула двери и вогнала кубок между ручками, точно засов.

— Значит, это была ты! — заорал Кэннон, глядя с высоты своего роста на лежащую на полу Уитли. — Все это время. И никому ни слова не сказала? Как ты могла обманывать меня, день за днем, день за... Невероятно!

— Я не собиралась заниматься этим постоянно! — пробормотала Уитли и кое-как уселась, потирая ушибленный висок. — Но потом мой номер начали передавать из рук в руки. Так родился миф о Белом Кролике. Было уже не остановиться.

— Как ты могла? — прошептала я еле слышно.

Уитли сверкнула глазами:

— Да, Би, мы все отлично знаем, что ты никогда не поступила бы так.

Ты же у нас паинька. С моральным компасом, безошибочно направленным в сторону святости. Ну а нам повезло меньше.

Она фыркнула и угрюмо уставилась в пол.

Все молчали. На наших лицах дрожали отблески ряби на ярко-голубой поверхности воды.

У нас не укладывалось в голове, что все это время Уитли врала нам. Все эти годы. Я никогда не подозревала ее. И Кэннон тоже, судя по его разъяренному виду.

И все же некоторая извращенная логика в этом присутствовала, учитывая то, что мать Уитли, Та Самая Линда, стояла во главе фармацевтической империи. Уитли часто с придыханием говорила о деловой хватке матери — о том, как та, облачившись в норковую шубу, точно в доспехи, вооруженная образованием вылетевшей из школы недоучки и здравым смыслом дочери миссурийского фермера, председательствовала в Нью-Йорке на советах директоров и совещаниях акционеров и ставила на место зарвавшихся банкиров-мачо, припечатывая их, точно жвачкой, одной меткой репликой.

«Если бы глупость могла летать, вы были бы «Аэробусом А-350»». Правда же заключалась в том — и при мысли о ней мне хотелось плакать, хотя я всегда очень тщательно следила за языком, чтобы не проговориться Уитли, — что Та Самая Линда никогда не любила свою дочь, во всяком случае той любовью, в которой нуждалась Уитли. С раннего детства девочка кочевала от нянь к гувернанткам, из летних лагерей в интернаты, точно ничейный чемодан. Отчасти я понимала ее. Уитли стала Белым Кроликом, стремясь доказать себе самой, а может быть, даже матери, что она тоже чего-то стоит.

Я не забыла слов Виды насчет того, что Белый Кролик мог сыграть определенную роль в гибели Джима. «Я сказала, что Крикс имеет какое-то отношение к убийству Джима. Этот человек знал, что его секрет вот-вот выплывет наружу. Надо было избавиться от Джима». Эти слова засели у меня в голове и не давали покоя, вспыхивая светом правды, который нельзя перепутать ни с чем, хотя я не желала этого признавать.

— Как Джим узнал о тебе? — спросила я.

Уитли мрачно поглядела на меня:

— Он меня застукал.

— Когда?

— За неделю до экзаменов. Я всегда выбиралась на улицу в три часа ночи, чтобы сделать закладку. Он возвращался с карьера и увидел, как я вхожу в обсерваторию. Потом проследил за мной, увидел, что я делаю, и

пришел в бешенство. Устроил скандал на ровном месте. Ну то есть мы все равно должны были выпускаться. Белый Кролик доживал последние дни. Джим начал кричать, что надо проявить гражданскую ответственность, поступить правильно. Потребовал, чтобы я призналась начальству.

— И ты решила его подставить, — сказала Марта. — Засунула наркотики в его гитару, чтобы свалить вину на него.

— Нет! — Уитли решительно замотала головой. — Это была случайность.

Я всегда прятала свой запас за старым сараем на краю Друри-филд. Ну, знаешь, в том, где будто бы живут привидения. Короче, никаких привидений там нет. Только страшная грязь и куча старых спортивных флагов и транспарантов. Однажды я увидела, как генеральный подрядчик его осматривает. Выяснилось, что сарай собираются снести и построить на его месте теплицу. Вечером я под каким-то предлогом слиняла с ужина и забрала из тайника свой запас. Я хотела спрятать его у себя в комнате, но в тот вечер, как назло, стали красить коридоры и везде толклась уйма народу. Я была в отчаянии. Если бы меня застукали с кучей наркоты в сумке... — Она поежилась. — Я забежала к парням, в комнату Джима. Я знала, что он прячет ключ под ковриком. Там я засунула все в его гитару. Думала, что на следующий день вернусь и перепрячу. Обязательно. Но на следующий день объявили, что Джим пропал. К тому времени, как я смогла вернуться, полицейские уже обыскали его комнату и все нашли.

Марта пристально посмотрела на нее:

— О том, что Джим пропал, стало известно в четверг утром. Полиция обнаружила его мертвым в пятницу вечером. Когда именно ты спрятала наркотики в гитару?

Уитли с беспокойством посмотрела на нее:

— Может быть, в среду?

— Хватит врать! — оборвала ее Марта.

— Я не вру!

— Я клюнула бы на твои рассказы, если бы не одна маленькая проблема.

— Какая?

— Гитара Джима была у меня.

Все уставились на нее.

— Джим одолжил ее мне, — продолжила Марта, — чтобы я отрепетировала свою песню для Весенних чтений. Она была у меня в комнате две недели. О том, что Джим пропал, стало известно в четверг утром. В тот же день, поздно вечером, я занесла гитару в его комнату. Ты

уже знала, что Джим пропал, когда подкладывала туда наркоту. — Марта с непроницаемым лицом воззрилась на Уитли. — Ты воспользовалась его исчезновением, чтобы выпутаться из заварушки, которую сама же и устроила. Ты его подставила.

Уитли сверкнула глазами.

— Это была та ночь, когда он погиб? — спросила я срывающимся голосом. — Ты была с ним на карьере?

— Нет, — покачала головой Уитли. — Клянусь! Клянусь, Би! Я любила его точно так же, как все остальные. — Она заплакала. — Хорошо, ладно. Я его подставила. Я спрятала наркотики у него в комнате. Я испугалась. Я думала, что он уже пошел к начальству и сказал им, что Белый Кролик — это я. Я сделала это, чтобы спастись. Это ужасно. Но я не имею отношения к его смерти, клянусь Богом. — Она посмотрела на меня покрасневшими глазами. — Ты должна мне поверить.

Вдруг в дверь громко забарабанили.

— Кэннон Бичем, ты там?

Это был Мозес.

— Пожалуйста... — заскулила Уитли. — Я ничего не знала о смерти Джима. И до сих пор ничего не знаю, клянусь...

— Живо открывай! Со мной полиция.

— Полиция Уорика! Вы нарушили границу частной собственности!

Дверь трещала, но не поддавалась.

— Давайте выбираться отсюда, — сказала Марта.

Под непрекращающийся стук в дверь мы бросились в противоположный конец бассейна. Уитли кое-как поднялась на ноги и поспешила за нами следом. Там располагались трибуны. И раздевалки — мужские и женские.

Выхода не было.

Еще секунда — и я предложила бы сдаться, чтобы провести остаток пробуждения в полицейском участке. Но тут Кэннон схватил высокий стул спасателя и с размаху метнул его в застекленную стену. По стеклу пробежала небольшая трещина.

— Открывайте!

Кэннон поднял стул и ударил по стеклу во второй раз. Снаружи со всех сторон сбегались полицейские с яркими фонарями в руках. Еще удар — и стекло разлетелось. Мы дружно бросились бежать, крича и улюлюкая во всю мощь своих легких, мимо полицейских, чьи фонари слепили нас.

— Полиция! Приказываем вам остановиться!

— Воины! — завопил Киплинг.

— В преисподнюю и обратно!

За спиной у меня завыл Киплинг. Уитли последовала его примеру. Кэннон пел. Я мчалась без оглядки, из моей груди вырывался дикий сдавленный смех, больше похожий на икоту. Мне хотелось поскорее раствориться в темноте.

Один из полицейских вытащил пистолет. Я почти ожидала, что он застрелит меня от ужаса, решив, что начался зомби-апокалипсис. Я бежала к самой темной части поля, двигая ногами все быстрее и быстрее; легкие горели от напряжения; струи дождя больно хлестали меня. Когда я оглянулась, позади сияли красно-синие полицейские мигалки, центр водных видов спорта был окружен людьми.

Меня никто не преследовал. Я оторвалась.

Я перешла на трусцу, потом на шаг. Иглы дождя кололи мое лицо. Внезапно я сообразила, что выбралась на опушку леса. Выйдя на пешеходную тропу, я двинулась по ней. Вскоре бешеное возбуждение отступило, все посторонние мысли улетучились из головы — остались лишь звук шагов да грязь под ногами. Она была повсюду, вязкая и черная, словно деготь.

Джим.

Было так темно, что я почти ощущала его незримое присутствие рядом со мной.

Мне так хотелось наорать на него, потребовать ответа. *К чему столько секретов?* Джим был картиной, которую я всегда считала единственным и неповторимым шедевром. А оказалось, что существовали бесчисленные версии этого полотна, миниатюрные акварели и грубые карандашные наброски, дешевые репродукции за девяносто девять центов, которые продают в сувенирных лавках при аэропортах. Да, ни одна из них не могла сравниться по красоте и сложности с моей картиной, но на всех было изображено одно и то же, что делало мое сокровище не таким уникальным. У Виды была своя версия. У мистера Джошуа — своя. У Уитли — своя. И даже у Марты — так странно прозвучали ее слова: «Гитара Джима была у меня». Ее чувства к Джиму вырвались на поверхность — сильные, непонятные, едва сдерживаемые — и снова скрылись в глубинах ее души.

Дождь усилился, гром грохотал все громче.

Я продолжала идти. Время от времени я с отвращением готова была поклясться, что в свете молний видела Хранителя, одетого в свой непромокаемый плащ. Он шел по лесу, пробираясь между деревьев, но когда я останавливалась с колотящимся сердцем и принималась вглядываться в темную чащу, там никого не оказывалось.

Вскоре я начала чувствовать свинцовое притяжение. Никогда — знакомое покалывание, зарождающееся в ступнях и ползущее все выше и выше.

Тропа вывела меня на поляну, где бушевал сильный ветер; везде валялись гигантские деревья. Прищурившись, я разглядела раскидистый дуб, качавшийся на ветру в нескольких ярдах передо мной. Внезапно он рухнул с оглушительным треском, и весь лес отозвался грозным эхом.

Я застыла от испуга.

Вновь раздался громкий треск, совсем рядом со мной. Обернувшись, я увидела еще один исполинский дуб, готовый упасть. Я попыталась отойти, но мои ноги увязли в грязи, похожей на цемент. Изо всех сил рванувшись вперед, я высвободилась в тот самый момент, когда дерево с грохотом обрушилось на землю всего в нескольких дюймах от меня, так что дрожащие ветви задели мою голову.

Что происходит?

Я подняла голову и попятилась, пытаюсь отодвинуться хотя бы еще на шаг, но плюхнулась лицом в грязь.

Близилось отключение. Никогда. Одиннадцать целых и две десятых часа подходили к концу. Я ухитрилась перевернуться на спину и, задыхаясь, попыталась разглядеть небо сквозь струи дождя. Казалось, будто меня заживо погребает миллионы монет, сыплющихся с небес: тело все глубже и глубже уходило в грязь. Еще немного — и мои руки и ноги оторвутся и растворятся.

В нескольких шагах от меня начало шататься еще одно дерево.

Последняя моя мысль была панической: я умру здесь, так и не узнав разгадки. Признания Виды Джошуа и Уитли ни на дюйм не приблизили меня к ней. Неужели я так и не узнаю, что на самом деле случилось с Джимом? Как мне победить в голосовании и вернуться обратно к жизни?

И тут я поняла, что надо мной возвышается темный силуэт человека с жестоким взглядом.

Хранитель.

— Древо в темноте растет. В замке кто приют найдет? Где мне предел, где мне прозренье? Смертельный яд мне даст забвенье.

Дуб рухнул прямо на меня, я закричала — и все вокруг померкло.

Глава 13

Я очнулась, хватая ртом воздух, на заднем сиденье «ягуара», между Мартой и Кипом.

Сердце все еще колотилось после пережитого: исполинское дерево, падающее на меня, попытки вырваться из цепкой, точно трясина, грязи, внезапное появление Хранителя и загадочное стихотворение, которое он продекламировал.

Меня мутило, но времени на раздумья не было. Марта с Киплингом уже выбрались из машины и бросились к дому. Я помчалась за ними. Все мы, похоже, боялись, что Уитли там не окажется: униженная разоблачением, а может, даже испугавшаяся, что мы возложим на нее ответственность за гибель Джима, она пустится в бег.

Однако мы обнаружили ее на кухне вместе с Кэнноном. Судя по невеселым лицам обоих, они вели серьезный разговор, может, даже спорили.

Лицо Уитли было мрачным и заплаканным, но во взгляде сквозило облегчение.

— Уитли хочет кое-что рассказать вам, — объявил Кэннон.

Слабо улыбаясь, она вскинула на нас глаза:

— Простите меня. Простите меня за то, как я поступила с Джимом. И с другими учениками. За то, что так долго обманывала вас. Это было отвратительно. И глупо. Это могло сломать мне жизнь. И едва не сломало. Но я клянусь всем самым дорогим, что не имею отношения к смерти Джима. Понимаю, что теперь вы вряд ли поверите мне. Но мы выясним, что случилось с ним в ту ночь, и вы поймете, что я невиновна.

Киплинг с Мартой, внимательно смотревшие на нее, похоже, приняли это объяснение и кивнули. Я тоже кивнула.

И все же, учитывая, что Уитли так долго водила нас за нос, мне пришлось напомнить себе, что она вполне может говорить неправду и сейчас. Я не могла представить себе, как она сознательно причиняет зло Джиму, но нельзя было забывать, что она способна на многое в припадке ярости и что, как теперь обнаружилось, у нее имелся мотив. Если Уитли верила в то, что Джим намерен выдать ее секрет — и что начальство, а главное, Линда узнают, чем она занималась, — не так уж сложно было поверить в то, что она попытается предотвратить это любой ценой.

Вдруг я поняла, что все взгляды устремлены на меня.

— Что такое? — буркнула я.

— Мы хотели спросить, что ты думаешь о признании Виды, — сказала Марта.

— Наверное, я ей верю, — пожала плечами я.

— И я тоже, — криво усмехнулся Киплинг. — Такие, как Видя, не очень умеют врать. Сколько раз она назвала Джима гением? Удивительно, как она не предположила, что Джим воскрес из мертвых, как Иисус. — Он посмотрел на меня. — Ты же знаешь, я страшно любил его. Но эта манера собирать вокруг себя обожателей порой могла вывести из себя. Самолюбие у него, не тем будь помянут, было, прямо скажем, раздутым.

— Он это делал не специально, — возразила я. — Людей тянуло к нему.

— Не специально! — передразнил меня Киплинг. — Ну да, конечно. Все равно как если я встану в грозу посреди футбольного поля с железным прутком в руках, а потом скажу: я не виноват, что меня ударило молнией.

— Видя особенно восторгалась его стихами для мюзикла, — сказала Марта.

— Ну да. Это ж озарение сверху. Что-то с чем-то. Помните, как он несколько недель подряд не мог написать вообще ничего, кроме жалких рифм в духе Эм Си Хаммера?^[18] Страдал, что исписался и не может выдать из себя ни строчки, просто вынес мозг всем окружающим. А потом вдруг — раз! — и выдал шедевр. — Киплинг мечтательно взмахнул рукой. — Что ни текст, то жемчужина. Один другого лучше. И все о том, как нестерпимо больно быть молодым и полным жизни.

— Потрясающие стихи, — вздохнула Уитли.

— Представление на Весенних чтениях вызвало фурор, — произнес Кэннон задумчиво, сплетя пальцы рук. — Нью-йоркскому продюсеру, с которым договорился мистер Джошуа, понравилась демка. Дело было на мази, как Джим всегда хотел. Так что же случилось?

— Жизнь, — сухо отозвался Киплинг.

— Или что-то имеющее отношение к поездке с Видой Джошуа, — вставила Марта и принялась задумчиво грызть ноготь на большом пальце. — Интересно, получится у нас найти тот торговый центр?

— Мы узнали только, что неподалеку были зоомагазин и ресторан быстрого питания, — сказала Уитли.

— Когда ты в последний раз общалась с Джимом? — прищурившись, неожиданно спросила меня Марта.

— Во вторник днем. — Я кашлянула. — Это был второй вечер Весенних чтений. Мы с ним поругались: он наврал мне, что лежит в

изоляторе.

— Значит, весь следующий день вы не разговаривали? Я имею в виду тот день, когда он погиб.

Я покачала головой.

Никто ничего не сказал. Видимо, все думали о том, как горько мне вспоминать, что наш последний разговор закончился ссорой из-за Виды Джошуа.

Правда же заключалась в том, что в среду я засела в Марксмановской библиотеке, забившись на четвертый этаж, где стояли книги по истории Южной Америки, — учащих сюда заносило очень редко. Там было сумрачно и пахло плесенью, а по углам гнездилась моль пугающих размеров. Весь день я сидела, уткнувшись в учебники по европейской истории и английской литературе, у единственного мутного окна. В моих наушниках гремел саундтрек из «Отряда самоубийц», и я пыталась сосредоточиться на Великой французской революции, Второй мировой войне и романе «По ком звонит колокол». Мой телефон весь день был отключен, потому что я не желала разговаривать с Джимом. За пределами читального зала я провела всего четыре минуты, около одиннадцати вечера: они ушли на то, чтобы дойти от библиотеки до моей комнаты в Крестонхолле.

Лишь в полночь, переодевшись в пижаму и забравшись под одеяло, я позволила себе включить телефон, и на меня немедленно обрушилась куча сообщений. Несколько штук было от Киплинга, Кэннона и Уитли. Остальные двадцать семь — от Джима. Первая эсэмэска была отправлена в восемь утра и состояла из вопросительного знака. За ней следовали еще две: «Хватит дуться» и «Ну что за поведение...» — а за ними — отчаянные голосовые сообщения. Тон их, поначалу шуточный, постепенно становился горьким, а потом и гневным, и чем больше я их прослушивала, тем больше они сводили меня с ума и разрывали мне сердце.

Позвони мне.

Позвони мне, Бамблби.

Нам нужно поговорить.

Если ты хоть немного любишь меня, позвони.

Зачем ты это делаешь?

Ты нужна мне. Ты же знаешь, как ты нужна мне, чтобы выжить.

Ненавижу. Ненавижу тебя. За то, что люблю.

Не надо так.

Я иду на карьер. Приходи.

Это было последнее сообщение, которое я получила от него. Время

отправки — 23:29.

Я стерла его. Я стерла их все до единого.

Когда два дня спустя Джима обнаружили мертвым, я ждала, что полицейские спросят меня о его сообщениях. И собиралась ответить, что провела всю ночь у себя в комнате.

Но они не сделали этого. Мне вообще не стали задавать вопросов.

Меня подмывало сказать им, что я знала о намерении Джима пойти на карьер в ту ночь. Но может, они не поверили бы, что я до утра просидела в комнате?

Я была обречена оставаться в Никогда. У меня не было ни единого — даже крошечного — шанса выбраться отсюда живой.

— А если мы пойдем в полицию? — прошептал Кэннон.

— Что? — спросила Уитли.

— Если мы пойдем в полицию Уорика и скажем, что хотим поговорить о Джиме? Возможно, нам удастся получить доступ к его делу. Они должны были изъять распечатки его звонков. Мы получим доступ к ним и узнаем больше о его последних днях: куда он ходил, с кем общался.

— Полиция так и не нашла веских улик в пользу другой версии, кроме самоубийства, — возразила Марта.

— Если только школа не нажала на них, чтобы они замяли дело, — заметила Уитли.

— Или его родные, — добавил Киплинг. — Вдруг Эдгар Мейсон подозревал, что о его любимом сыночке могут узнать что-нибудь неприглядное? Он пошел бы на все ради того, чтобы эта информация не выплыла наружу. Помните убежище?

Мы ничего не сказали, потому что отлично все помнили.

В последний учебный год Джим пригласил всех нас на рождественские каникулы к себе в Уотер-Милл. Мы были потрясены немыслимыми мерами безопасности, которые его родные воспринимали как нечто обыденное.

Эдгар Мейсон всегда был параноиком. Джим называл своего отца Гувером, по имени Эдгара Гувера, помешанного на подслушивании всех и вся основателя ФБР, и это было шуткой лишь отчасти. Эдгар Мейсон уже много лет нанимал сотрудников частной охранной фирмы «Торчлайт», и за Джимом и его родными повсюду следовали по пятам два вооруженных до зубов отставных морпеха.

Рождественские каникулы наглядно продемонстрировали, что одержимость Эдгара безопасностью не ограничивалась этим. Многочисленные дома Мейсонов, разбросанные по всему миру, были

нашпигованы видеокамерами. Записи непрерывно передавались на экраны аппаратной в подвале дома, которую называли «Оком». Из Вашингтона за серверами наблюдали штатные сотрудники группы кибербезопасности, круглосуточно мониторившие все происходящее.

А еще у них было убежище.

— На случай взлома, теракта и ядерной войны, — пояснил Джим, указывая на черный бункер: похожий на огромного черного крокодила, он располагался за холмом в дальнем углу поместья. — Там есть электрогенераторы, автономные источники водоснабжения, защищенная телефонная линия, по которой можно за три секунды связаться с главой Министерства внутренней безопасности. Когда наступит конец света, давайте встречаться тут.

Улыбка сползла с его лица: вероятно, он хорошо представлял себе последствия сказанного. Вдаваться в дальнейшие подробности ему явно не хотелось. Ведь отец был помещен на безопасности только из-за него. Эдгар Мейсон всегда был человеком осторожным, но, по всей видимости, авария, в которую Джим попал за год до этого, вывела его манию на новый уровень.

— Давайте сходим туда, — сказал Кэннон. — Поспрашиваем. Посмотрим, что полицейские знают.

— Или о чем пытаются забыть, — вставила Уитли.

— Би? — обратилась ко мне Марта.

Все обернулись, выжидательно глядя на меня.

Я молча смотрела на них в ответ.

Если мы получим доступ к делу Джима, могут обнаружиться его последние сообщения, которые он отправил мне. Придется многое объяснить. Но интересно, что еще содержится в этом деле?

Вопрос о том, соглашаться или нет, не стоял.

Глава 14

— Чем могу помочь? — осведомился полицейский. На его именном жетоне значилась фамилия Полк.

— Мы хотели бы поговорить с детективом Кэлхуном, — учтиво сказала Уитли.

Кэлхун был следователем, который вел дело Джима. Он сделал несколько публичных заявлений и дал несколько пресс-конференций. Мы решили, что проще начать с этого обладателя густой серой бороды и крысиных глазок, растерянно моргавших перед камерами журналистов, в то время как его шею заливал густой румянец. Сразу чувствовалось, что ему больше всего хочется сплавить громкое дело кому-нибудь другому и вернуться к расследованию мелких преступлений, например искать вандалов, ломающих скамейки в парке.

— Что вам надо от Кэлхуна? — буркнул второй полицейский, подходя к нам. На его жетоне была выбита фамилия Макандресс.

— Мы хотели поговорить с ним об одном деле, которое он расследовал, — ответила Марта.

— О каком именно?

— О гибели Джима Мейсона, — сказала я.

— Это дело закрыто, — сказал третий полицейский.

После еще десяти минут недружелюбного допроса — похоже, здесь не слишком жаловали чужаков — мы все-таки прорвались в кабинет Кэлхуна, сидевшего за столом. Он совершенно затерялся среди груд бумаг, точно гигантская лягушка-бык, прячущаяся в болоте.

Я и сама толком не знала, чего ожидала, — наверное, чего-то вроде сцены из фильма: пожилого сидящего детектива спрашивают о давнем нераскрытом деле, которое не дает ему покоя, и его вдруг прорывает. Но детектив Кэлхун оказался твердым, как бетонная стена.

— Дело Мейсона раскрыто. Самоубийство, — бросил он.

— Что заставило вас вынести заключение о самоубийстве? — нахмурившись, спросила Марта. — При самоубийстве человек совершает предварительный ритуал или хоть как-то готовится к этому. Пишет предсмертную записку. Снимает очки, ботинки, носки. В случае с Джимом были признаки этого?

Кэлхун усмехнулся — нет, скорее ослабил:

— Дело закрыто.

«Дело закрыто».

Полицейский участок Уорика стоял вплотную к шоссе — довольно нелепое одноэтажное здание, бананово-желтое, с белыми ставнями. На доске объявлений висел плакат: «ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА, ЕСЛИ ВОВРЕМЯ ВЫПИТЬ КОФЕ». Казалось, тут должны продавать домашние кексики, а не раскрывать преступления.

Мы и представить себе не могли, какой это ужас — общение с уорикской полицией: настоящий ад. Другого слова подобрать было нельзя.

Чего только мы не пускали в ход: теплоту, резкость, нервозность, обольщение (Уитли в красном платье с огромным декольте взгромоздилась на письменный стол). Мы пытались воспользоваться эффектом неожиданности. Пробовали нагло заявиться домой к Кэлхуну после того, как его жена уже легла, а сам он допоздна засиделся перед телевизором с индийским светлым элем и

мармеладными червяками, смотря сериал «Лучше звоните Солу». Мы могли говорить что угодно, где угодно, как угодно, в какое угодно время — Кэлхун наотрез отказывался посвящать нас в подробности дела.

— Ничем не могу помочь.

— Идите отсюда, пинкертоны недоделанные.

— Как вы смеете заявляться ко мне домой!

— Так, ребяташки, выметайтесь отсюда, а не то всю оставшуюся жизнь будете подавать бургеры в местном «Макдаке». Я вам такое устрою, что вы сможете управляться разве что с фритюрницей и миксером. ПОНЯТНО?

Тогда мы решили оставить Кэлхуна в покое и подкупить секретаршу, Фредерику.

Мы дождались момента, когда она вышла из участка, переодетая в спортивную форму, и наблюдали, как порыв ветра вывернул ее зонт так, что она в мгновение ока промокла до нитки. Пока она искала в сумочке ключи от своей «киа», к ней подскочил Кэннон, вооруженный большим зонтом-тростью и широкой улыбкой.

Сидя в «мерседесе», мы наблюдали за тем, как он предлагает ей сделку: десять тысяч долларов наличными за то, чтобы она вернулась обратно в здание участка и выкрала дело Джима Мейсона. Фредерика зарделась, кивнула, уверенной походкой направилась к участку и скрылась за дверью.

Кэннон обернулся и с ухмылкой показал нам два больших пальца. И тут на пороге появилась Фредерика вместе со всеми восемью полицейскими, которые бросились к Кэннону:

— Ни с места! Полиция!

Издав боевой клич, Уитли, сидевшая за рулем, рванула через участок за Кэнноном, который дал деру и резво запрыгнул на заднее сиденье. Мы на бешеной скорости пронеслись по газону, перевалились через бордюр и вылетели на двенадцатиполосный перекресток на красный свет, лишь чудом избежав столкновения с цементовозом. Взвизгнули шины.

— Гони! — заорал Кэннон. — Гони!

Следующие несколько пробуждений мы провели в тире в Роско, обучаясь стрельбе, и наш новый план обретал все более зримые очертания. Устроить налет на полицейский участок Уорика. Мы заплатили хозяину круглосуточного ломбарда «Последняя надежда» пятьдесят долларов, и тот назвал имя парня, у которого можно было из-под полы купить пистолет без лицензии. Звали его Большой Бобби. У этого Большого Бобби мы приобрели три пистолета: два девятимиллиметровых полуавтоматических «ругера» и «Хеклер-Кох НК45».

Операцию мы назначили на четверть двенадцатого вечера, когда все полицейские, кроме Полка и Макандресса, по нашим расчетам, должны были разойтись по домам. Мы захватим их врасплох и запрем в кладовке. Участок будет в полном нашем распоряжении, и мы сможем найти дело Джима.

Первая наша попытка закончилась тем, что Макандресс — продемонстрировав приемы, которым, по всей видимости, выучился, подрабатывая как участник боев без правил, — с ходу вырубил Кипа апперкотом в лицо, Уитли саданул локтем под ребра, а Кэннона, крутанувшись,

с размаху отправил в нокаут ударом ноги в живот. Полк тем временем пригвоздил меня к земле, левой ногой наступив мне на спину, а Марту пристегнул к стулу пластиковым наручником.

— Это не полицейские, а сатанинские отродья, — с неприкрытым изумлением покачал головой Киплинг в следующее пробуждение.

Он не шутил.

Сколько раз — в полночь, в час, в два, в три часа ночи — мы впятером пытались взять штурмом этот треклятый участок? Сто? Десять тысяч?

Сколько разных спецназовских техник приближения мы попытались применить после того, как нашли в Интернете «Справочник по наземным разведывательным операциям», предназначенный для морпехов? Одинарная цепочка, двойная цепочка, двойная цепочка с вариациями, через главный вход, через служебный вход, через зарешеченные окна, через пожарный выход, через водосток, через крыши примыкающих зданий.

Среди контента, не отображаемого в поисковиках, мы откопали документ, озаглавленный «Гулять так гулять: настольная книга преступника», — слепую копию с написанного от руки печатными буквами практического руководства, составленного «Анонимной самкой». В нем подробно описывались стратегии эффективной нейтрализации людей с агрессивным и истерическим поведением, а также комплексом Супермена во время налета, ограбления или нападения. Сколько жутких масок мы перепробовали (клоун, поросенок, koresha из «Заводного апельсина»)? Сколько пуль мы всадили в потолок? Сколько угроз и предупреждений выкрикнули?

Казалось бы, что может быть проще, чем раздобыть полицейское дело?

Постепенно мы превращались из неорганизованной кучки подростков, вообразивших себя героями фильма «Миссия невыполнима», в настоящую группу захвата из пяти человек. Мы научились бесшумно передвигаться, читать мысли и угадывать действия друг друга с одного взгляда.

И все равно раз за разом терпели поражение.

Теперь это случалось не из-за Полка с Макандрессом, а из-за козыря, который совершенно неожиданно оказался у них в рукаве, — Виктории Ченнинг, служившей в отделе безопасности дорожного движения. Она неизменно оказывалась в женском туалете и набрасывалась на нас, появившись буквально из ниоткуда, с психопатической готовностью убивать.

— Получите, гаденыши малолетние! — выкрикивала она.

Она внушала нам ужас, несмотря на то что мы обладали бессмертием.

Кэннон с Уитли научились обезвреживать Полка с Макандрессом, но Ченнинг каждый раз ускользала от них. Она способна была просочиться, точно пар, через черную лестницу, через парадную лестницу, через панель в потолке и без предупреждения выстрелить из своего «глока» в грудь Кэннону.

Или в живот Кипу.

Или в лоб Уитли.

Когда она всадила пулю Марте в висок — с безмятежностью человека, который нажимает на кнопку автомата со жвачками, — я застыла в оцепенении, глядя на нее и на моих друзей, вповалку лежащих на ковре на полу полицейского участка. Кровь струилась из простреленных лбов и шей, точно вода из шланга.

— Руки вверх, иначе тоже отправишься в ад! — завопила Ченнинг, целясь в меня.

— Умирать — это все равно что погружаться в теплую ванну, —

сказала Марта в следующее пробуждение.

Я была единственной, кто всегда оставался в живых, потому что от природы не была бойцом. Я замирала, когда нужно было действовать. Тогда Кэннон поручил мне отыскать дело Джима.

Отыскать дело Джима. Единственное, что от меня требовалось.

Закрытые дела об убийствах хранились в подвале. Это запущенное помещение гнетущего вида напоминало клетку: зеленоватый свет жужжащей люминесцентной лампы, запах плесени, гудящие водопроводные трубы. Нескончаемые ряды металлических стеллажей, тянувшихся, точно в дурном сне, во всех направлениях, от пола до потолка, и битком набитых картонными коробками. На каждой коробке от руки было написано имя жертвы.

Авери, Дженнифер

Азелла, Роберт

Аптон, Дженис

Во время каждого нашего налета, какой бы ад ни творился наверху, я устремлялась напрямиком к задней лестнице и спешила в подвал. Распахнув деревянные двери, на которых висела табличка «Архив», я ныряла в лабиринт стеллажей и принималась лихорадочно разыскивать полки на букву «М». Подошвы кроссовок скрипели на рыжем линолеуме. Каждый раз Ченнинг ловила меня, и остаток пробуждения я проводила в «обезьяннике», слушая, как она распинается перед своими коллегами: мол, ей пришлось убить всех остальных, защищая свою жизнь.

И каждый раз, пока мои друзья пытались выстоять в этой мясорубке, я проходила собственное испытание в гудящем зеленоватом подzemье — испытание, никак не связанное с Ченнинг.

Все началось, когда я случайно зацепила ногой коробку, стоявшую на нижней полке.

«Драммонд, Холли», — значилось на ней.

Коробка перевернулась, и на пол вылетел полиэтиленовый пакет с надписью «Вещественные доказательства». Внутри оказался рождественский шарф со снеговиками и оленями, весь в пятнах засохшей крови. Но меня потрясло — я даже застыла на месте, потрясенно хлопая глазами, — то, что пакет был покрыт черной плесенью.

Кроме того, из коробки что-то текло.

Я придвинула ее ногой и заглянула внутрь. В углах скопилась похожая на нефть жидкость, так, будто один из мешков с вещдоками протек. Я вскинула глаза и ошеломленно увидела, что это не единственная такая коробка. Были и другие. Со дна как минимум четырех или пяти капала

точно такая же черная жидкость.

А были еще и стеллажи.

Стеллажи, громоздкие и металлические. Иногда стоило мне слегка задеть один из них плечом, пробегая мимо в поисках коробки с надписью «Мейсон, Джим», как громадный стеллаж опрокидывался, словно был сделан из картона, и с оглушительным лязгом заваливался набок, сшибая соседний. Тот опрокидывал следующий, и наконец все стеллажи в подвале начинали валиться один за другим, точно гигантские костяшки домино. Сотни коробок с грохотом сыпались на пол. Оставалось лишь отползти в сторону, вжаться спиной в ближайшую стену и молиться, чтобы меня не пришибло, пока все не стихнет.

После этого я принималась рыться в куче обломков, пытаюсь отыскать коробку с делом Джима, прежде чем Ченнинг в очередной раз поймает меня.

Остальным я ничего не рассказывала. Мне было слишком страшно.

— Как продвигаются дела в подвале? — как-то раз поинтересовался Кэннон. — Есть успехи? В последний раз я слышал страшный грохот.

— Приходится перерывать кучу хлама, — сказала я. — Я уже близко к цели.

Опытным путем я пришла к выводу, что самое главное — как можно быстрее бежать между стеллажами, не обращая внимания на то, что они валяются за моей спиной, и направляясь к ряду с делами на букву «М» в дальнем конце подвала. Я уже вычислила оптимальную траекторию перемещения сквозь лабиринт, но однажды, слишком разогнавшись, пролетела мимо нужного ряда и вынуждена была возвратиться обратно. Очень осторожно, чтобы не задеть стеллаж, я развернулась и перешла на шаг, тяжело дыша. Обычно наверху творилось что-то невообразимое, раздавались дикие крики и грохот. На этот раз все было тихо.

Слишком тихо.

Малво, Джед

Махмуди, Вафаа

Мачински, Тина

Коробка с делом Джима стояла на верхней полке, в самом конце. Не веря своим глазам, я бросилась к ней и, встав на цыпочки, попыталась осторожно стащить ее оттуда так, чтобы не повалить на себя весь стеллаж.

Мейсон, Джим Ливингстон

— Попалась, дрянь малолетняя, — прошипел женский голос. — Руки вверх, лицом ко мне, без резких движений.

Ченнинг вышла из-за стеллажа и направилась ко мне, нацелив «глок»

прямо мне в голову.

— Не стреляйте. Пожалуйста.

Она вся покраснелась. Губы подергивались. Она нажала на спусковой крючок.

Такого еще ни разу не было.

Гигантская спичка подожгла фитилек моего мозга. Я рухнула навзничь, непроизвольно раскинув руки, и случайно задела стеллаж, который опрокинулся назад.

— Твою же!.. — от неожиданности завизжала Ченнинг.

Пока вокруг меня рушились стеллажи, я смотрела, часто мигая, на люминесцентные лампы, которые помаргивали зеленоватым огнем, точно пытались что-то донести до меня с помощью таинственной азбуки Морзе. Боль была настолько сильной, что захлестнула меня с головой. А потом она отхлынула.

Смерть оказалась вовсе не таким и кошмаром, как я себе представляла. Пусть я находилась в Никогда, тело и разум по-прежнему вели себя так, как будто все происходило по-настоящему.

Не было ни белого света, ни туннеля.

Вместо этого меня, посреди рушащихся стеллажей, охватил теплый, благоговейный восторг, будто в этот миг, когда рвалась нить моей земной жизни, такая же хрупкая, как место, где листок крепится к ветке, все постоянное, незыблемое, материальное — все, что я считала непреложной истиной, — превратилось в полную противоположность тому, чем всегда было для меня.

Последним чувством, которое я испытала, стало не сожаление и не боль. А радость.

И это было самым пугающим.

«Скоро я увижу Джима». Единственное, о чем я могла думать, пока из меня медленно вытекала жизнь. «Если я умру, я увижу Джима».

— Что-то мне сегодня неохота получать пулю в лоб, — весело пропел Киплинг, пока мы в начале следующего пробуждения гуськом шли в дом. — Может, прибегнем для разнообразия к житейской мудрости Мамы Грир?

— Что за мудрость? — спросил Кэннон.

— Не можешь превратить заклятого врага в котлету? — пожал плечами Киплинг. — Закати ему вечеринку.

Итак, мы заявили в полицейское управление Уорика без всегдашних пистолетов, в одинаковых клоунских костюмах, взятых напрокат в салоне «Абракадабра».

— Чем могу помочь? — спросила из-за своей стойки Фредерика.

— Мы из нью-йоркского филиала фирмы «Праздник с доставкой», — ослепительно улыбнулась я. — Где будем проводить заказанную вечеринку-сюрприз?

— Какую еще вечеринку-сюрприз?

— Празднование семидесятилетия детектива Арта Кэлхуна.

Фредерика была ошарашена, так же как Полк, Макандресс, Каннингем, Лич, Ивс, Мейплтон, да и сам Арт Кэлхун, который с недоверчивым видом показался из своего кабинета. Но мы действовали молниеносно. Из беспроводной колонки уже звучал «Маргаритавилль». Уитли торжественно распаковала три дюжины капкейков, несколько корзин с мармеладными червяками и сувенирные

пакетики с елочными украшениями в виде пистолетиков. Кэннон с Кипом, проворно забравшись на складные стулья, принялись приклеивать к потолку гирлянду из усыпанных блестками флажков с буквами, которые складывались во фразу «С днем рождения!». Марта сноровисто набила холодильник бутылками индийского светлого эля.

— Так, стоп. Погодите-ка мину...

Кэлхун умолк, глядя на пиво.

— Что здесь происходит? — осведомился Полк.

Я принялась старательно разглядывать бланк заказа, который на самом деле был чеком из прокатного салона.

— Нас наняла Элизабет Кэлхун, — сообщила я, наморщив лоб.

— Это сделала Лиззи? — шепотом ахнул Кэлхун.

Лиз Кэлхун была его блудной дочерью, которая жила в Сан-Франциско.

Они с отцом не разговаривали уже три года, а значит, можно было почти не опасаться того, что она возьмет трубку, когда Кэлхун кинулся звонить ей, чтобы поблагодарить за неожиданную вечеринку, — хотя до его дня рождения оставалось больше трех недель.

А это значило, что у меня будет время на поиски дела Джима.

— Мм, что может быть лучше капкейков! — ухмыльнулась Ченнинг, набрасываясь на угощение.

— А теперь, друзья, начинаем праздновать! — завопил Киплинг и отвесил такой низкий поклон, что его красный клоунский нос отвалился и улетел под стол. — Так, все встаем в круг и беремся за руки. Не стесняемся.

Пришел мой черед.

Я выскочила на темную лестницу, сбежала в подвал, распахнула деревянные двери и бросилась к темным рядам коробок. Промчавшись

вдоль дальней стены, я оставила позади картотечные шкафы и ксерокс и завернула в раздел «Г», «З» и «Л», осторожно лавируя между стеллажами, чтобы не задеть их. Громадные клоунские башмаки громко шлепали по полу, шаровары раздувались, как паруса.

Восьмой ряд. Влево и до конца. Самая верхняя полка. Мейсон, Джим Ливингстон.

Коробка была на месте. Мое сердце бешено заколотилось. Пришлось трижды подпрыгнуть, чтобы сдвинуть ее с места, не обрушив на себя стеллаж.

Я осторожно поставила коробку на пол.

— Нашла?

Вздвогнув от неожиданности, я обернулась и увидела, что ко мне спешит Марта.

Прежде она никогда не появлялась в подвале. Ее многозначительный, даже обеспокоенный вид наводил на мысль о том, что она пришла потому, что не доверяла мне, не хотела оставлять меня один на один с коробкой. А может, все это время она втайне надеялась, что я никогда не найду дело?

Я отодрала скотч и открыла крышку.

И целую минуту таращилась внутрь, не в силах произнести ни слова.

«Нет. Нет. Нет. Быть не может».

— Это что, шутка? — прошептала явно потрясенная Марта, заглянув мне через плечо. После всего этого? После того, как нас миллион раз приканчивали?

Покачав головой, она уперлась ладонью в бедро и сняла с полки соседнюю коробку.

— Может, досье Джима засунули куда-нибудь еще, — пробормотала она.

Я не могла отвести глаз от коробки. Меня точно ударили под дых.

Коробка была пуста.

В ней не осталось ни единой бумажки, кроме скидочного купона. «Пять долларов скидки от Алонсо на ведро жареных цыплят. Приготовлены с медом и с любовью! Для тебя и твоей половинки!» Сверху донеслось пение и хлопки в ладоши. «...Такого отличного парня вовеки нигде не сыскать...»

Марта лихорадочно стаскивала на пол одну коробку за другой и вскрывала крышки. Все как одна были доверху набиты бумагами, полиэтиленовыми пакетами с уликами, и везде — черные чернила.

Я снова увидела эти чернила, сочащиеся из углов.

— Как здесь можно хоть что-нибудь найти? Ну и беспорядок. Еще и

протекло что-то.

Наморщив нос, Марта потерла друг о друга перепачканные чернилами пальцы, но, взглянув на нее, я похолодела от ее многозначительного взгляда.

Следующие десять минут мы рылись в коробках. Марта постоянно твердила себе под нос:

— Оно где-то здесь.

Единственная пустая коробка, которая нам попалась, была из-под дела Джима.

Марта что-то знала. Это было ясно как божий день. Но я понятия не имела, что именно.

Глава 15

— За всем этим стоят Эдгар Мейсон и «Торчлайт», — заявил Кэннон, когда мы вернулись обратно в Уинкрофт и завалились на диваны в библиотеке. — Кому еще под силу сделать так, чтобы бесследно исчезло целое уголовное дело?

— Они все уничтожили, — согласился с ним Киплинг. — Поэтому Кэлхун и остальные полицейские каждый раз так взвивались, когда мы спрашивали их о деле. Им заплатили.

— Но зачем это ему? — спросила я.

— Неужели ты не понимаешь? — отозвался Кэннон. — Там был какой-то компромат на Джима.

— Вот именно, — кивнула Уитли. — И они не хотели, чтобы другие узнали о нем. Подослали в участок кого-то из своих мордovorотов, и тот выкрал дело.

— Получается, что Мейсоны знают правду, — заключил Киплинг.

— И если они, — продолжил Кэннон, — не выдвинули обвинений против кого-нибудь и предпочли хранить молчание, значит эти сведения могли повредить семье.

Все умолкли, обдумывая услышанное, а я перехватила взгляд Марты.

Похоже, она отнеслась ко всему этому скептически или думала о чем-то другом. Я все время вспоминала о ее внезапном появлении в подвале и о выражении ее лица, когда она заметила чернила. Не подозревала ли она меня в чем-нибудь? Не узнала ли о том, что я получила сообщения от Джима с просьбой встретиться на карьере в ту ночь?

— Из нас пятерых, Би, — произнесла она внезапно, — ты больше всех общалась с Мейсонами. Они никогда не говорили тебе, что думают об этом несчастье?

Я покачала головой и пожала плечами:

— Мы совсем не общаемся.

Я уже сбилась со счета, сколько раз за прошедший год я задавалась вопросом, как Мейсоны пережили смерть Джима. Ответа на него я так и не получила. Я не нашла в себе сил даже на то, чтобы пойти на похороны. Родители, беспокоившиеся за мое психическое здоровье, умоляли меня не ходить туда. И хотя многим учащимся Дарроу — в том числе Уитли, Кэннону и Кипу — разрешили отправиться на поезде в Нью-Йорк, чтобы побывать на прощальной церемонии, я решила остаться в школе. Я была

уверена, что мое отсутствие воспримут с облегчением. Свою коллекцию современного искусства Мейсоны любили неизмеримо больше меня. Мама Джима, Глория, — вся такая тонкая и звонкая, точно высокий бокал для шампанского, с безупречным ледяным блондом, длинными руками и ногами и негромким голосом, — всегда смотрела на меня так, будто я была окном с видом на помойку. А что до отца, то Джим представлял меня трижды, прежде чем тот запомнил, кто я такая. И даже после этого он упорно называл меня Барбарой.

— Предлагаю нанести Мейсонам неожиданный визит, — высказалась Уитли.

— Боюсь, придется устроить им пытку водой, чтобы они заговорили, малышка, — сказал Киплинг. — Но я в деле.

— Есть одна загвоздка, — подала голос я.

— Какая?

— Пробуждение.

— А что с ним не так?

— Оно длится всего одиннадцать целых и две десятых часа. Мы не успеем.

— Как это? — нахмурился Кип. — До Ист-Хэмптона лететь всего ничего. Мы будем в Уотер-Милле, поместье Мейсонов, меньше чем через два часа.

— Они не в Уотер-Милле. Мейсоны проводят каждое лето на Аморгосе.

Это остров в Эгейском море. Одиннадцать часов на самолете и три на катере. А потом еще надо подняться в гору, чтобы добраться до дома.

Судя по всему, они не очень-то мне поверили, поэтому я позвонила в нью-йоркскую квартиру Мейсонов на Пятой авеню. Мне ответила экономка, подтвердившая, что хозяева в отъезде.

— Они на вилле «Анна-София», на острове Аморгос? — спросила я.

— Да, верно. Хотите оставить сообщение для мистера и миссис Мейсон?

Джим называл их семейный летний дом в Греции «молочным коктейлем»:

тот плавно стекал с утеса, откуда открывался вид на безбрежный морской простор. К большому неудовольствию моих родителей, я провела там с Джимом пять дней на летних каникулах перед третьим школьным годом. Эти пять дней, подернутых солнечной дымкой, стали калейдоскопом из выбеленных солнцем песчаных пляжей, пикников на свежем воздухе, лодочных прогулок на закате, греческой музыки и попыток Джима в

свободное время заняться своим мюзиклом. И все же остров, вместе с головокружительным домом Мейсонов, остался в моей памяти как одно из самых нечеловечески прекрасных мест, виденных мной.

— Можно попробовать позвонить им по скайпу, — предложил Киплинг. — Привет, мы старые друзья Джима, звоним вам из чистилища. Требуем немедленно рассказать все, что вам известно о смерти вашего сына.

— Думаю, это тупик, — мрачно сказала Уитли.

— Не совсем, — подала голос Марта.

Я обернулась к ней, чувствуя, как по моей спине от страха бегут мурашки.

— Пора вам узнать правду.

— Ты о чем? — спросила Уитли.

Марта откашлялась.

— Никогда устроено несколько сложнее, чем вы считаете. Никто не замечал никаких странностей?

— Ну что ты, тут все совершенно обыденно, — с улыбкой отозвался Киплинг.

— А что мы считаем странностями? — уточнила я.

— Необычные сбои. Магнетизм. Нестабильность.

Мне немедленно вспомнилась плесень, отваливающиеся обои, шатающиеся деревья, падающие стеллажи, лопающиеся снежные шары, чернила, сочащиеся из папок в архиве.

Марта, судя по всему, знала, что это такое и в чем причина этого. Она порылась в своей объемистой сумке и вытащила тонкую черную тетрадку.

Я мгновенно узнала ее. Именно эту тетрадку Марта постоянно держала в руках на протяжении наших первых дней в Никогда — повсюду ходила с ней, останавливалась, торопливо записывала что-то и шла дальше.

— «Замечено в восемнадцать тридцать шесть, — прочитала она вслух.

—

На вершине клена сидит загадочная сова с пурпурным оперением, принадлежащая к неизвестному виду». — Она перевернула страницу. — «Услышано. Ряд песен восьмидесятих годов в исполнении группы «The Cure», доносящиеся из каждой проезжающей машины и каждого дома».

Марта закрыла тетрадку и обвела нас взглядом:

— Помните, что сказал Хранитель? «Представьте, что сознание каждого из вас помещено в блендер. Блендер включают на полную мощность. Получившийся коктейль и есть настоящий момент».

— Ну да, — нервно отозвалась Уитли.

— Он говорил о физических принципах устройства Никогда. Рада сообщить вам, что они частично основаны на революционном шедевре Дж. Ч. Госсамера Мэдвика. И это моя вина.

— Что ты несешь? — спросил Кэннон.

— Я написала об этом романе исследовательскую работу в двести страниц. Я прочитала все редкие книги, посвященные ему. Все малоизвестные блоги. Я разговаривала с профессорами, экспертами и учеными. И даже наведалься к дочери Мэдвика на островок Белло-Коста у побережья Флориды, побывала в ее крохотной развалюхе на берегу отдаленной бухты с аллигаторами. Она позволила мне изучить записные книжки Мэдвика, которые не видел никто, кроме членов семьи, даже ребята из Гарварда, которые терроризируют ее запросами о передаче его архивов. Я просмотрела все одиннадцать записных книжек, переводя их с лурроскрипта, языка, придуманного Мэдвиком.

Бешеный поток слов прервался: Марта сделала перерыв, чтобы набрать в грудь воздуха.

И тут до меня дошло, что она говорит о «Темном доме у поворота», фантастическом романе, на котором она была помешана. Романе, о котором слышали только она сама и несколько таких же чокнутых психов, обретающихся в Интернете.

— Мое помешательство на этой книге превратило ее в нашу реальность. Я жила этим романом. Дышала им. Теперь он здесь, в Никогда.

— Но что это означает, малышка? — спросил Киплинг. В голосе его прорезались визгливые нотки. — Мы все уплывем в космос? И станем андроидами?

Марта склонила голову набок и ухмыльнулась. Стекла ее очков блеснули на свету.

Мое сердце ухнуло. Я не знала, что именно она собирается нам сообщить, но знала, что доверять ее словам не стоит.

Я знала и другое: все, что нам было известно об этом мире, поставленном на повтор, готово измениться, решительно и бесповоротно.

Проснись в Никогда

Глава 16

— Прежде всего, — возбужденно заговорила Марта, — это значит, что вместо пробуждения в Уинкрофте мы можем пробуждаться где угодно: в прошлом, настоящем или будущем.

— Как именно? — спросил Кэннон.

— Нужно вылезти в незапертое окно.

Мы озадаченно уставились на нее.

Она вздохнула:

— Так. Ладно. Я слишком забежала вперед. — Марта снова раздраженно вздохнула. — Урок первый. Дж. Ч. Госсамер Мэдвик был писателем-фантастом. Он написал всего одну книгу — «Темный дом у поворота». Если вкратце, так «Темный дом». Потрясающий приключенческий роман, не похожий ни на какую другую книгу; действие его происходит в альтернативном мире. Книгу так и не опубликовали. Но ксерокопии, переснятые одна с другой и сшитые при помощи дырокола и пластиковых хомутиков для мусорных мешков, передавали друг другу безымянные путешественники, странствующие безденежные студенты и недовольные юнцы в хостелах. Что нужно сделать, прочитав «Темный дом»? Расписаться на специально отведенной для этого странице и оставить роман следующему счастливчику на скамейке в парке, на койке в общежитии, на кресле в самолете или в купе поезда. Долгое время его можно было раздобыть только у букинистов или на «eBay», причем количество подписей на некоторых экземплярах исчислялось сотнями тысяч. Если там были имена знаменитостей вроде Мэрилин Монро, Леонарда Бернстайна или Фрэнка Синатры, ксерокопия уходила за четыре-пять тонн баксов. Теперь же это официальная классика, культовое произведение, и даже у случайных людей вроде БВО Берта есть свой экземпляр.

К моему изумлению, Марта бросилась к стеллажу с книгами и сняла с полки объемистый томик в твердом переплете с серебристым тиснением. Вернувшись на диван, она протянула его мне. На обложке красовался коллаж из птичьих клеток, паровозов, мужчин и женщин в цилиндрах и маскарадных масках, точно переместившихся к нам прямиком из викторианской Англии.

Дж. Ч. Госсамер Мэдвик Темный дом у поворота

Легендарная культовая сага о будущих прошлых. Загадки настоящего.

Немеркнущая любовь на фоне конца света.

Я перевернула обложку и принялась рассматривать фотографию автора.

Она была зернистой и черно-белой. Облаченного в помятый костюм Мэдвика мало кто нашел бы привлекательным: понурое лицо спаниеля, необычной формы уши, голова, виновато втянутая в плечи и наводящая на мысль о том, что ему куда приятнее незаметно выскальзывать из комнаты, чем входить туда.

Джеремая Честер Госсамер Мэдвик (2 декабря 1891 — 18 марта 1944) — американский писатель-романист из Ки-Уэста, штат Флорида. Его единственное произведение, посмертно изданный роман " Темный дом у поворота», получило премию Гилмор — Хекта за прозу в жанре фэнтези в 1968 году. На протяжении 37 лет он работал водителем автобуса в Ки-Уэсте, а по ночам писал свой 1397-страничный шедевр. В возрасте 53 лет был обнаружен мертвым на пороге салуна «Поспешное отступление». В его кармане были гармоника, жестяная банка с табаком и лист бумаги с заключительным абзацем романа.

— Мэдвик умер в нищете и безвестности, — подала голос Марта. — Сейчас он считается одним из величайших авторов, писавших в жанре фэнтези. В Гарварде ему посвящен целый курс — «Скитальцы, странники и бродяги: литература Мэдвика». Благодаря его теории времени у него даже есть пылкие приверженцы среди физиков.

Марта сделала паузу и принялась торопливо чертить что-то в своей тетради. Это оказался схематический рисунок поезда.

— И это подводит нас к уроку номер два, — произнесла она. — Путешествия во времени. Мэдвик не рассматривал время как нечто линейное, или луч, или даже материю, наподобие Эйнштейна. Он представлял его в виде локомотива. В «Темном доме», чтобы путешествовать во времени, ты вылезаете через окно своего купе в несущемся на полной скорости поезде и забираетесь на крышу, как бандит из старого вестерна. После этого ты осторожно передвигаешься по крыше в *начало* поезда, то есть в будущее, или в *конец* поезда, то есть в прошлое. Очень важно двигаться не слишком быстро: это приводит к дестабилизации. Например, поезд может сойти с рельсов, или потерпеть крушение, или потерять один из вагонов, или внезапно свернуть на путь, ведущий в противоположную сторону.

Содрогнувшись от нескрываемого ужаса при мысли об этом кошмарном сценарии, Марта сделала глубокий вдох и убрала волосы за уши.

— Если случится такое несчастье, путешественник во времени обречен. Ты никогда не сумеешь вернуть поезд на правильный путь, а тем более сделать это вовремя, не говоря уже о том, чтобы пробраться в свое купе. Формально ты сможешь прожить остаток жизни в прошлом или в будущем, но вагон, где ты родился, — это твое истонное место, первоначальное настоящее. Всегда. Именно там твой жизненный путь будет самым гладким, все сложится как нужно, а любовь продлится долго. Жизнь, прожитая в любом другом времени, будет беспокойной, нелегкой и несчастливой. Можно бывать в прошлом и будущем, но нельзя там оставаться. Во всяком случае, если ты хочешь иметь шанс на то, чтобы стать счастливым.

— Какое отношение все это имеет к Никогда? — с тревогой спросил Кэннон.

— Мы хотим допросить родителей Джима? Думаю, мы можем это сделать. Просто нужно выбрать тот день в прошлом или в будущем, в котором мы сможем добраться до них за одиннадцать целых и две десятых часа. Тогда мы найдем в нашем поезде открытое окно и выберемся оттуда. И это окно... — Марта прикусила ноготь. — Оно где-то здесь. Пока не знаю, где именно, но на стыке жизни и смерти. Обычно окно связано с самоубийством. В «Темном доме» главный герой находит его случайно, в первой главе, когда пытается покончить с собой. А ни один из нас, надо полагать, самоубийства не совершал.

Я покачала головой. Уитли, Кэннон и Киплинг сделали то же самое.

— Значит, *эта* возможность исключается, — мрачно произнесла Марта. — Придется искать открытое окно другим способом. И тут я перехожу к уроку номер три. — Она прокашлялась. — Никогда создано не только мной, но и каждым из вас. Главный мой вклад — мэдвиковский «Темный дом у поворота». А что привнесли вы? Чем внимательней вы будете изучать Никогда, тем больше своего станете в нем находить. Свои темные тайны. Свои худшие кошмары. Свои страхи и мечты. Самые постыдные вещи, которые ни в коем случае не должен никто узнать. Все это здесь, под поверхностью, стоит лишь приглядеться внимательнее.

По спине у меня пробежал тревожный холодок.

Марта провозгласила это каким-то угрожающим тоном. Остальным, видимо, тоже было не по себе. Уитли неподвижно сидела на диване. Киплинг был бледен. Кэннон смотрел на Марту отсутствующим взглядом, с головой уйдя в свои мысли.

Та со слабой улыбкой пролистала свою тетрадку.

— Киплинг... — Она кашлянула. — Я все хотела тебя спросить... —

Она открыла тетрадку на странице, где ее рукой была нарисована красная оса. — Алая луизианская оса. В Уинкрофте я видела таких трижды. Две выползли с чердака. Еще одна — из радиатора. Они не залетают так далеко на север. Ну как, узнаешь?

— Откуда ты?.. — вырвалось у Киплинга. Он издал нервный смешок. — Мама Грир ловила их и сажала в стеклянные банки для крупы. «Наши маленькие адские друзья» — так она их называла. Говорила, что их укус смертелен и что она напустит их на меня, пока я сплю, если буду вертеться на церковной службе.

Марта равнодушно кивнула, нисколько не удивленная, и перевернула страницу.

— Кэннон... Ты наверняка заметил, как много здесь японской лиственницы.

Он испуганно вскинулся:

— Японской... чего?

— Японской лиственницы и березы повислой, которые в Уинкрофте растут повсюду. И обрати внимание: все сухие. Куча почерневших стволов, высоких и тонких, торчащих из земли. Эти деревья не растут в Род-Айленде. Эндемичные виды для таких регионов Японии, как Тюбу и Канто. Если подойти к одной из них и вырыть ямку глубиной примерно в шесть дюймов, она мгновенно заполнится мутной голубой водой. — Марта ослепительно улыбнулась. — Догадываешься, куда я клоню?

Кэннон лишь молча смотрел на нее.

— Голубой пруд? — подтолкнула его она. — Птичья клетка Кэннона? Баг, который ты обнаружил в операционке «Эппл» на втором учебном году? Случайная комбинация клавиш, которая приводит в негодность твой жесткий диск, после чего на экране монитора появляется заставка «Голубой пруд»? Сюрреалистическая фотография ярко-голубого озера, из которого торчат заснеженные сухие деревья?

Кэннон был явно озадачен:

— Ну, допустим. И что в этом такого?

— Эта фотография прямо-таки вмонтирована в пейзаж Никогда. Она повсюду.

Ничего не сказав, Кэннон поднялся на ноги, подошел к окну библиотеки и выглянул наружу.

— Так, теперь Уитли, — сухим тоном сказала Марта. — Погода в мире Никогда неустойчивая, и это из-за тебя.

— Из-за меня? — переспросила Уитли.

— Ураганный ветер. Постоянный ливень, гром, молнии. Это твой

характер.

Уитли метнула в ее сторону сердитый взгляд.

— Помнишь вечер, когда мы ездили в Дарроу? — продолжила Марта. — Когда нас преследовала полиция? У меня на глазах ветер перевернул все машины на парковке. После твоего признания в том, что ты и есть Белый Кролик.

Уитли фыркнула в знак несогласия, но метнула в сторону окна тревожный взгляд.

— Таких мелочей, связанных с каждым из нас, еще много, — объяснила Марта. — Чем ближе мы будем подбираться к истине, к нашей собственной сути, тем нестабильнее будет этот мир. Что подводит меня к вопросу о Беатрис.

Она с каменным лицом обернулась ко мне. Сердце у меня заколотилось.

— Я в тупике.

Все недоуменно уставились на нее, потом на меня.

— Ты тоже внесла в Никогда свой вклад. Он существует, он где-то здесь.

Но в чем именно он заключается, я пока что не выяснила.

Я сглотнула слюну. Что пытается сделать Марта? Угрожает мне? Хочет напугать? Если так, ей это удалось.

Она вздохнула и прибавила:

— Я знаю точно лишь одно: чтобы попытаться изменить пробуждение, нам надо держаться вместе.

— Это еще почему? — спросил Кэннон.

— Неизвестно, как мы будем реагировать. Прошное держит тебя на крючке, точно наркотик. А будущее дает заряд почище электрического стула. Переживание заново самых прекрасных моментов жизни может оказаться ничуть не менее разрушительным, чем переживание самых тяжелых. На это подсаживаешься. В «Темном доме» путешествия во времени крайне опасны, а в Никогда есть то, чего мы не можем предугадать, — вещи, которые вносит каждый из вас. Поэтому непонятно, что случится, если мы хотя бы попытаемся это проверить. — Марта покачала головой. Голос ее дрожал от обилия эмоций, и она напомнила мне евангелического священнослужителя в телевизоре, который вещает затаившим дыханием верующим о конце света. — Все может обернуться полной катастрофой. Мы можем случайно оказаться в разных купе разных поездов, мчащихся в разных направлениях. И в таком случае не сможем вернуться сюда. В Уинкрофт. Вместе. Чтобы проголосовать. Все застрянут

здесь навеки.

Мы принялись обеспокоенно переглядываться. Никто не произнес ни слова.

Что она затеяла? Неужели Марта в самом деле пытается нам помочь? Или эти откровения — лишь часть невероятно хитроумного плана, где нам отведена роль пешек на шахматной доске, коварной ловушки, устроенной для того, чтобы мы единодушно проголосовали за нее?

Но кое-что я знала точно, или, по крайней мере, сильно подозревала, что знаю: Марте было известно, в чем заключался мой вклад в Никогда. Я поняла это по выражению лица, с которым она смотрела на меня, по ее бесцветному неправдоподобному объяснению: «Я пока что не выяснила».

Не было такого, чтобы Марта чего-то не выяснила. Просто она по какой-то причине решила не делиться этой информацией.

Пока.

Глава 17

Несколько следующих пробуждений мы не вылезали из библиотеки Уинкрофта, штудирова «Темный дом у поворота». Нам хотелось понять все, что о чем рассказывала Марта.

Мы скачали аудиокнигу и час за часом слушали ее, свернувшись калачиком под мохеровыми пледами и прихлебывая чай. Чтец — молодой британский актер из Королевской Шекспировской компании, обладатель оперного баритона и шизофренической способности говорить голосами разных мужчин и женщин, молодых и старых, бедных и знатных, — вел футуристическое повествование о любви и утрате. Это была совершенно колдовская история, одна из лучших, что мне доводилось слышать: захватывающий детектив на фоне будущего мира, завораживающий и жуткий сюжет, повороты которого абсолютно невозможно было предугадать.

Действие книги происходило в далеком будущем. Главный герой Джонатан Элстер — рассеянный и неорганизованный профессор университета для изгоев общества на Старой земле, читающий популярный курс альтернативной философии «Введение в неведомое», где, помимо всего прочего, затрагиваются основы путешествий во времени. Уже много лет Элстер молчаливо влюблен в загадочную женщину по имени Анастасия Бент, которая преподает на историческом факультете. Когда она случайно узнала о попытке утаить истинную историю Вселенной и загадочным образом исчезла — один рыбак стал свидетелем того, как она шагнула в пропасть с обрыва, что наводило на мысль о самоубийстве, хотя тело так и не обнаружили, — Джонатан отправился в опасную экспедицию сквозь время и пространство, чтобы найти ее.

Чем больше мы слушали, тем молчаливее и мрачнее становились. То, что нам пришлось пережить за время бесконечно повторявшейся бойни в полицейском участке Уорика, сплотило нас, открыло запертые комнаты в громадном роскошном особняке, которым когда-то была наша дружба, сорвало чехлы с мебели, зажгло все огни. Но после рассказа Марты все, похоже, побежали по винтовым лестницам и укрылись в своих комнатах, заперев двери; единственным намеком на присутствие других был раздававшийся время от времени скрип половицы над головой.

Я не знала, что их гнетет. Они предпочитали не делиться этим со мной и, судя по всему, друг с другом тоже.

Мое беспокойство было целиком и полностью связано с Мартой. После ее поразительных откровений — насчет Дж. Ч. Госсамера Мэдвика и насчет того, что физические законы Никогда имеют отношение к каждому из нас, — я стала еще внимательнее воспринимать каждый ее многозначительный взгляд, каждый ее комментарий. Я с потрясением осознала, что, с тех пор как я обнаружила Марту в Брауновском университете в обществе профессора Белороды, она умудрилась подчинить себе всю нашу компанию. Многие годы она прозябала на вторых ролях. Она была бесплатным приложением к Джиму, странной девицей, которая, посмотрев душераздирающий рекламный ролик Общества защиты животных, могла цинично заметить: «И кто только верит этой пропаганде?» А когда в финале романтической комедии герои понимали, что они должны быть вместе, Марта заявляла: «Очередной фильм ужасов с кучей жертв на выходе». Мы постоянно посмеивались над Мартой и закатывали глаза. А теперь, невероятным и непостижимым образом, остальные готовы были идти за ней, положиться на ее опыт, искать у нее утешения. Несколько раз я делилась своими опасениями с Кипом, Уитли и Кэнноном, намекала им, что с недоверием отношусь к Марте и пути, по которому она пытается нас вести. Но никто не разделял моих подозрений.

— Хочешь сказать, она что-то затевает? — хмурясь, спросил меня Киплинг.

— Не знаю. Просто у меня такое чувство.

— Это же наша Марта. Человек Дождя. Она не может плести интриги. Слишком уж она честная и простодушная.

— Я так не думаю.

— Да брось ты.

— Я серьезно. Она знает больше, чем говорит.

— Да какая разница, Би? — прошептал Киплинг. — Что мы еще можем сделать? Не знаю, как считаешь ты, а по мне, пусть изменится хоть что-нибудь. Что угодно. Даже если это значит...

— Даже если это значит что?

Он мрачно пожал плечами. Все было понятно без слов.

«Даже если это значит, что мы никогда отсюда не выберемся».

Вечера проходили в жарких спорах о том, как изменить свойства пробуждения и добраться до Мейсонов.

В «Темном доме» Джонатан Элстер наткнулся на возможность путешествий во времени случайно, решив последовать примеру сгинувшей без вести Анастасии Бент, которая, по мнению полицейских, совершила самоубийство, спрыгнув с утеса в море. Элстер в точности повторял ее

действия и прыгал с того же самого места, где в последний раз видели профессора Бент. Пролетев сотню футов вниз, навстречу неминуемой гибели, он, вопреки ожиданиям, встречал на своем пути вовсе не острые камни, а воды Темзы в Лондоне 2122 года.

— Открытое окно в купе поезда для путешествий во времени всегда существует на грани между жизнью и смертью, — сказала Марта, — потому-то так мало людей, которые его находят. Чтобы попасть в него, нужно считать, что настал твой смертный час. Так как же нам найти его здесь, в Никогда? Знаю, я уже задавала этот вопрос, ребята, но все-таки: никто из вас никогда не пытался покончить с собой?

Мы вновь дружно покачали головой. Марту это, похоже, озадачило, но она лишь задумчиво закусилла ноготь и ничего больше не сказала.

Если ты хотел попасть в нужное время и место — в то же самое купе поезда в прошлом или будущем, — нужно было помнить еще об одном важном обстоятельстве: в миг перед гибелью следовало думать именно об этом времени и этом месте.

— Мы будем стремиться попасть в один и тот же день в прошлом и оказаться на вилле «Анна-София», на острове Аморгос, — объявила Марта. — Попасть во вчерашний день. Двадцать девятое августа. С этого и начнем.

— Почему в прошлом, а не в будущем? — поинтересовался Кэннон.

— Никогда не знаешь наверняка, что принесет завтрашний день. Может случиться стихийное бедствие, террористическая атака, вторжение инопланетян. А прошлое уже произошло, и мы знаем, чего ожидать.

— Но если мы отправляемся в прошлое, — подала голос я, — почему бы не переместиться прямо на карьер Вулкан в ночь гибели Джима? Тогда мы все узнаем.

— Она права, — поддакнул Кэннон.

— Нет, — покачала головой Марта. — Ни в коем случае. Мы еще не готовы. Согласно «Темному дому», поезд с каждым прыжком во времени становится все короче и короче. А значит, наши пробуждения тоже будут становиться короче. Это приведет к слишком сильной нестабильности. Возможно, у нас не хватит времени вернуться и проголосовать. Не будем спешить — во всяком случае, поначалу.

Я не купилась на Мартино объяснение: слишком уж поспешно она забраковала мое предложение, но все остальные, похоже, приняли его. Поэтому я решила ей не возражать. До поры до времени.

Кроме меня, на Аморгосе никто из нас не бывал. Только я гостила в то лето у Джима. Чтобы мои друзья могли живо представить себе нужное

место и нужное время, я показала им на своем телефоне фотографии из той поездки и рассказала все, что помнила. Ослепительно-яркий остров. Джипы без верха, на которых Мейсоны колесили по грунтовым дорогам, вспахивая их мощными шинами, точно армия захватчиков. Эдгар Мейсон, круглосуточно управлявший своей империей из кабинета с суперсовременной техникой и внезапно появлявшийся из него, подобно Зевсу, что спускается с Олимпа (если, конечно, Зевс может похвастаться шоколадным загаром и укладкой в виде остроконечных шипов на голове и, кроме того, каждый день встает в четыре утра для занятий аштанга-йогой, попутно бормоча что-то в прицепленный к уху наушник громкой связи для телефона). Младшие братья и сестры Джима со своими друзьями, носившиеся по лестницам, точно стадо антилоп. У Джима были две младшие сестры-близняшки, Глориана и Флоренс, и двое приемных братьев из Уганды, Кэл и Найлз. К моему огромному изумлению, с ними жил их учитель суахили (атташе по вопросам культуры, как выражался Джим). Мы с Джимом большую часть времени проводили наедине, читая друг другу вслух биографию Джона Леннона, ныряя с пирса, исследуя побережье на голубом ялике под названием «Маленькая птичка». Мы плавали с маской и ели поджаренную на гриле рыбу, поливая ее лимоном, который брызгал мне в глаза и адски щипался. Мы подкармливали булочками бродячих собак, которые сбивались в стаи и обходили ночные улицы, точно банды; засиживались до утра на пьяных семейных пиршествах за дощатыми столами под чернильно-синим ночным небом, глядя, как над головой болтаются гирлянды желтых бумажных фонариков.

Джим приглашал меня на все лето, но мои родители разрешили поехать только на пять дней. Даже для этого пришлось пустить в ход методы убеждения, которые сделали бы честь сотрудникам Государственного департамента. Эти пять дней промелькнули в мгновение ока, все до единого подернутые ослепительным флером нездешней жизни, который вызывал у меня ощущение неловкости и одновременно завораживал. Мир Джима был таким ярким, таким неправдоподобным. Внезапно окунувшись в него, я так же внезапно была вырвана оттуда и безжалостно возвращена в сонную обыденность Уотч-Хилла. Мрачная и рассеянная, я помогала родителям в «Рубке», забывая про то, что молочный коктейль давным-давно пора вынимать из миксера, подавая сэндвич с яичным салатом покупателям, которые заказали сэндвич с индейкой и швейцарским сыром. Меня преследовали воспоминания, как Венди, не способную забыть Нетландию и Питера Пэна. Остаток лета я провела, прикидывая в уме, с поправкой на семь часов разницы во времени, чем

сейчас занят Джим, рисуя в своем воображении эти картины, слоняясь по дому, точно запертый в клетке лев, чтобы без промедления ответить на его звонок.

Повинуясь указаниям Марты, я как можно подробнее описала одну комнату — главную гостиную с дымчатыми газовыми занавесями, выкрашенной белой краской мебелью и видом на ослепительную лазурную гладь Эгейского моря. Остальные должны были чувствовать себя так, будто они там бывали, чтобы вообразить эту картину в последний миг между жизнью и смертью — что бы за ним ни последовало.

Когда мы впятером не торчали в библиотеке, досконально разбирая «Темный дом у поворота», я брала зонтик и отправлялась под дождь, чтобы в одиночестве пройтись по поместью. Но куда бы я ни пошла, меня преследовали слова Марты, ее шепот, от которого мурашки шли по телу: «Ты тоже внесла в Никогда свой вклад. Он существует, он где-то здесь».

Как-то раз во время своей одинокой прогулки я стала спускаться по узкой лестнице, ведущей к причалу, и обратила внимание на деревья, которые гнулись на ветру со сверхъестественной силой. На океане царило волнение, чернильные волны были увенчаны белыми барашками. Яхты, стоявшие на якоре далеко в бухте, раскачивались и бились друг о друга. Оборванные ветром снасти болтались на мачтах, извиваясь, точно змеи. Где-то в океане позвякивал буй, и этот скорбный звук наводил на мысли о смерти.

Внезапно до меня донесся пронзительный женский крик.

Я решила, что мне это померещилось, что я приняла за крик вой ветра.

Но тут послышался еще один, на этот раз — мужской.

Два человека ссорились. Определив, что голоса доносятся откуда-то сзади, я закрыла зонтик и поспешила убратсья с причала, юркнув в щель шириной в фут между насыпью и деревянной лестницей.

Несколько секунд спустя я вновь услышала голоса тех двоих и вдруг поняла, что они доносятся не из Уинкрофта, а с одной из яхт, стоящих в гавани. Темные фигуры двигались по палубе судна, которое стояло неподалеку от причала, принадлежавшего соседям Уитли.

«Андьямо» — так называлась яхта.

Кажется, Уитли упоминала о том, что ее владелец — БВО Берт. На корме горел золотистый огонек.

Раздался еще один крик.

Я подождала. Несколько минут спустя послышался звук мотора. К причалу приближалась лодка. Я выглянула в щель между ступеньками и увидела Уитли. Она была одна. Пристав к берегу, она торопливо привязала

лодку, выскочила на причал и бросилась вверх по лестнице. Когда лицо Уитли оказалось на уровне моей головы, на него упал свет. Она выглядела рассерженной.

Я подождала еще немного, но больше не услышала ничьих голосов. Тогда я выбралась из укрытия и зашагала обратно к дому. Постучав, я открыла дверь библиотеки и увидела Уитли. Промокшая до нитки, она сидела рядом с Мартой на диване. Когда я вошла, обе подскочили от неожиданности, на их лицах отразился испуг. Ни дать ни взять два подростка, тайком курящие травку в гостиной и неожиданно застуканные матерью или отцом.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего, — отозвалась Уитли.

— Ты не могла бы оставить нас на минутку, Би? — улыбнулась Марта.

Я в упор посмотрела на Уитли. Никогда еще она не выбирала в качестве

жилетки Марту вместо меня. *Никогда*. Разве пребывание в этом мире не воскресило нашу старую дружбу? Разве мы не были подругами? Но она лишь мрачно поглядела на меня.

С упавшим сердцем я вышла из библиотеки и закрыла за собой дверь. И почти сразу услышала голос Уитли, негромкий и приглушенный. Слов я не разобрала.

«Да что здесь происходит, черт возьми?»

Я поднялась наверх и заглянула во все комнаты. Ни Кэннона, ни Киплинга. Судя по всему, они тоже были на той яхте. Что это — тайная встреча за моей спиной? Зачем? Что они затевали? Я схватила зонтик, выскочила за дверь и зашагала к пристани.

На яхте не было заметно никаких признаков движения, не было слышно ничьих голосов.

Я провела там, выжидая, около часа. Когда ничего не произошло, я решила вернуться обратно в Уинкрофт и тут же наткнулась на Хранителя.

Горло мое сжалось. В последний раз я видела его в Дарроу, в лесу. После этого он на какое-то время исчез. А теперь вернулся — темный человек в черном плаще, ссутулившийся под дождем. Он усердно копал, всем телом налегая на лопату.

Я сошла с тропинки, чтобы не встречаться с ним, и припустила через рощу. Уже добравшись до дому, я не удержалась и обернулась назад, чтобы посмотреть на него.

Он меня не заметил, занятый своим делом. Только теперь я осознала, что именно он копает. Это были четыре ямы во влажной земле. Четыре

могилы.

Но самым странным было не это.

На нем были черные очки слепца.

У меня не было времени размышлять над тем, чем был занят Хранитель и что это означало, потому что в следующее же пробуждение загадка ссоры на яхте и разговора с глазу на глаз между Уитли и Мартой была раскрыта.

— Киплинг хочет кое-что нам рассказать, — объявила Марта, когда мы все собрались в библиотеке. — Уитли обратила на это мое внимание в прошлое пробуждение, и я думаю, что это может быть нам полезно.

— Зачем ты это сделала? — сердито спросил Кэннон; обращаясь к Уитли.

— У меня не было другого выбора, — ответила она; Кэннон метнул на нее яростный взгляд. — Я тебя умоляю. Хватит строить из себя полицейского. Ты ведь хочешь выбраться отсюда? Я имею в виду, разве ты не хочешь выяснить, что на самом деле случилось с Джимом?

— Это была не твоя тайна. Ты не имела права ее выдавать, — прошептал он.

— Очень даже имела, раз это влияет на нашу способность изменять пробуждения.

— Все в порядке. — Марта положила руку на плечо Кэннона. — Ты можешь все нам рассказать.

В этот момент я перевела взгляд на Киплинга. Он плакал. По-настоящему, так, как на моей памяти не плакал ни разу, — скорее судорожные рыдания, нежели обыкновенный плач. Он сидел на диване, закрыв лицо руками, и по его подбородку катились слезы.

— Я называю это «ковром черноногих-сиу», — выдавил он неожиданно, уставившись в пол. — Разновидность самоповреждения. А психологи говорят по-другому. «Неконструктивная попытка решить проблемы в межличностных отношениях». Это изобретение Мамы Грир. Название она дала в честь какого-то безумного индейского коврика, который стащила из антикварной лавки. Мы занимались этим вместе. Чтобы укрепить наши отношения. Иногда мы проделывали это несколько раз в неделю. Она отвозила меня на какую-нибудь загородную дорогу в пятницу вечером, если решала, что по телевизору не идет ничего хорошего. Впервые это случилось, когда мне было пять. Мы ложились на дорогу рядом, брались за руки и ждали, когда поедет машина. «Когда я скажу «бинго», откатывайся в сторону, — говорила она. — Проверим, любит ли нас с тобой Господь. Хочет ли Он, чтобы мы остались в живых. Я скажу

«бинго», только если Господь мне велит. Такой уговор». — Киплинг содрогнулся всем телом. — От страха я пускал в штаны. Я не молился. Господь милосердный! Знал ли Господь вообще, что я существую, или нет? Любил ли Он меня? Наверное, не слишком сильно, раз Он дал мне *такое* лицо. И *такое* тело. Я вцеплялся в руку Мама Грир. Она была моим спасательным тросом. Потом подъезжала машина. Ее приближение ощущалось по дрожи асфальта. Мама Грир все не кричала и не кричала. Но потом говорила «бинго», всегда говорила. Я крепко зажмурился и откатывался на обочину. От колес меня отделяли считанные сантиметры. Когда я открывал глаза, Мама Грир с гиканьем приплясывала на обочине, сдирая с себя всю одежду. «Видишь? Господь нас любит. Он все-таки нас любит». После этого она всегда пребывала в хорошем настроении. Если мне везло, его хватало на целую неделю.

Он немного помолчал, утирая глаза. Я молча таращилась на него. Конечно, я знала, что у Мама Грир не все дома, но таких ужасов я еще не слышала.

— Со временем это превратилось в наркотик, — продолжал он. — Связанные с этим острые ощущения. Я не мог остановиться. Раз в несколько месяцев, когда дела начинали идти совсем плохо и все валилось из рук, я находил способ проделать ритуал «ковра черноногих-сиу». Сбегал из кампуса тайком. И мне сразу становилось лучше. Самый серьезный случай был в первом учебном году, прямо перед рождественскими каникулами, когда ректор Траск сказал, что я могу не возвращаться: меня отчисляют. Я был учеником — как же он выразился? — которому требовалась среда «с менее амбициозными ожиданиями». По его мнению, мне больше подошла бы тюрьма Синг-Синг. В тот раз ритуал закончился тем, что меня едва не превратила в лепешку фура с надписью «Нескафе». — Хлюпнув носом, он вскинул на нас глаза. — И слоган «Нового дня глоток» заиграл новыми красками.

Я смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах выдавить из себя ни слова. Киплинг всегда учился неважно. И хотя в конце каждого учебного года закручивалась интрига вокруг того, будет он учиться в следующем году или нет, я никогда не думала, что его в самом деле собираются вышибить. В последний год его успеваемость резко улучшилась: видимо, ему все-таки удалось сосредоточиться на учебе. Ко времени выпуска дела у Киплинга шли неплохо.

— Меня спас Кэннон, — слабо улыбнулся Кип. — Он увидел то, что я изо всех сил пытался скрыть.

— Пытался, но не слишком хорошо, — ухмыльнулся Кэннон. — Ты

хромал и морщился, когда садился.

Киплинг посмотрел на меня:

— Помнишь, как я пропустил два месяца учебы «по семейным обстоятельствам»?

Я кивнула, смутно припомнив путаную, но душераздирающую историю о тетке с больным сердцем.

— Это было вранье. Все это время я провел в реабилитационном центре в Провиденсе: занимался тай-чи, расписывал миски для фруктов, учился управлять своим необузданным мышлением. Это Кэннон меня туда устроил. Он навещал меня. Следил за моими успехами. Убеждал школьное начальство дать мне последний шанс. Помогал подтянуть успеваемость. Заполнял за меня анкету для поступления в колледж. Сидел со мной всю ночь, помогая писать эссе про Маму Грир «Мамочка-маньячка». С подзаголовком: «Как выжить под опекой ненормальной психички». Благодаря этому меня взяли в Луизианский университет. Если бы не Кэннон, я сейчас катался бы по дорогам, размазанный по шине грузовика.

Голова у меня шла кругом. Я мысленно вернулась в последний школьный год. Помнится, Кэннон всегда был чем-то занят, неожиданно исчезая и появляясь с рюкзаком и охапкой учебников в руках, но я не догадывалась, что именно он собирался проверить. Однако это выглядело вполне логично. Он был из тех, кто решает проблемы без лишних слов. «Ручеек, который всегда пробьет себе дорогу», — говорила про него Уитли. И все же мне было обидно из-за того, что меня ни во что не посвятили: у меня перед носом разыгрывалась настоящая драма, а я о ней даже не подозревала.

— Почему ты ничего не сказал? — спросила я Киплинга.

Они с Кэнноном переглянулись, и этот безмолвный обмен взглядами отражал какое-то еле уловимое понимание, которое исчезло, стоило мне его обнаружить.

Киплинг пожал плечами:

— Рано или поздно в жизни становится слишком много дурдома. Даже для твоих лучших друзей.

— Это не вся правда, — подала голос Уитли, склонив голову набок и выжидающе глядя на Кипа.

На его лице появилось выражение покорности судьбе.

— Ну да. — Он кашлянул. — Уже под занавес я получил кучу хороших оценок: типа до того просто валял дурака, а на самом деле у меня есть голова на плечах... В общем, это была липа.

— В каком смысле? — не поняла я.

Киплинг явно не хотелось больше ничего рассказывать.

— Кэннон взломал компьютерную сеть Дарроу, — выпалила Уитли. — И весь последний год Киплингу заранее были известны задания всех контрольных по всем предметам. Включая семестровые и экзаменационные.

— Не по всем, — возразил Кэннон.

Она метнула в него сердитый взгляд:

— Все равно это было мошенничество.

— Это была помощь любимому другу, — отрезал Кэннон.

Уитли фыркнула:

— Так и я делала то же самое под именем Белого Кролика. А все думают, что хуже меня никого нет. На себя бы посмотрели!

Кэннон ничего не ответил. Многие годы он помогал печально известному своей отсталостью от жизни отделу информационных технологий Дарроу. Нередко его вызывали прямо с урока, когда случался компьютерный глюк или сбой сети.

— Как ты это делал? — спросила я у него.

— Социальная инженерия, — пожал плечами Кэннон. — Самое слабое звено в любой цепи — человек. Я разослал всем преподавателям письма с обновлениями для внутришкольной сети. В файлах для учителей Киплинга были лазейки для получения удаленного доступа. Они загрузили «троян», и я получил контроль над их компьютерами. Так же просто, как развязать шнурки.

Увидев потрясенное выражение на моем лице, он нахмурился:

— Брось, Сестра Би. Уж кто-кто, а ты должна понять. Дарроу-Харкер стояла на пути Киплинга к светлому будущему. Если бы его вышибли в предпоследний год, ему пришлось бы начинать все с начала во второразрядном колледже.

Вдали от нас. Несмываемое пятно на биографии. И вообще, о Киплинге нельзя судить по такой прозаической вещи, как оценки. Его надо знать. Я просто обязан был сделать для него все, что мог. — Кэннон пожал плечами. — Такие уж в нашем мире правила, и именно так следует поступать, когда все вокруг летит в тартарары.

Кэннон посмотрел на меня таким пронзительным взглядом, что по коже у меня побежали мурашки. Я и забыла, как он мог воздействовать на людей, как, сосредоточившись, он становился сгустком концентрированной энергии, а не человеком из плоти и крови.

— Ну вот, теперь все в курсе, — подытожил Киплинг. — Все знают о кровожадном двухголовом чудище, которое истекало слюной в моем

шкафу.

— Вопрос в том, — прошептала Марта, глядя на него, — поможет ли твой секрет изменить пробуждения.

Она умолкла, нахмурившись, и глубоко о чем-то задумалась. Примерно с минуту в комнате царило молчание.

Марта вообще любила так делать — оставляла вопрос висеть в воздухе на несколько минут, а иногда и на целый час, и внезапно выдавала ответ, когда все остальные забыли о проблеме.

— У меня есть идея, — произнесла она.

Глава 18

Вот так мы очутились в машине, среди зарослей шиповника, у обочины пустынной дороги, идущей вдоль берега моря, в 4:47 утра, за четыре минуты до конца очередного пробуждения.

Это было прямо напротив того места, где мы попали в аварию — где, если верить Хранителю, некий мистер Говард Хейворд, пятидесяти восьми лет от роду, проживающий по адресу: Адмирал-роуд, 281, Саут-Кингстаун, въехал на своем грузовике в нашу машину и обрек нас на Никогда. А в другом, более реальном, чем наше теперешнее, временном измерении мы лежали в искореженной машине — пленники одной-единственной секунды, которая никак не могла закончиться.

Марта знала точное место: крутой поворот, где дорога изгибалась под углом в сто шестьдесят градусов среди густого сосняка. По ее признанию, она возвращалась сюда в Никогда, чтобы изучить окрестности.

Как все произошло? Я почти ничего не помнила. Ослепительный свет фар. Заросли шиповника, безропотно поникшие под проливным дождем. Дворники, мечущиеся по лобовому стеклу, точно в стремлении предупредить об опасности. Жидкая, текучая ночь. Наш пьяный смех, слышимый повсюду. Отчаянные гудки. Нас заносит. Машина на полной скорости вылетает с дороги и несется во тьму. Земное притяжение больше не властно над нами.

— Он алкаш, — сказала Марта. — Заваливается в «Енота и гончую» и выпивает одну за другой двенадцать банок «Курс лайтс». Двенадцать! Потом садится за руль. Почти отрубается на ходу. Едва не сносит телефонную вышку.

В Никогда он проносится мимо того места, где врезался в нас. И тут наши одиннадцать целых и две десятых часа заканчиваются.

Дождь барабанил по крыше. Лобовое стекло и окна запотели. У меня было такое чувство, что мы заперты в подводной лодке на дне моря. Из радиоприемника лилась, порой запинаясь, классическая музыка.

За все это время мимо нас проехала только одна машина — голубой пикап. Заметив нас в кустах на обочине, водитель затормозил и дал задний ход. Марта опустила стекло.

— Что, ребята, колесо спустилось? — спросил средних лет мужчина в охотничьем жилете. — Помощь нужна?

— Спасибо, не нужна, — отозвалась Марта. — Все в порядке. У нас

собака потерялась, вот ищем.

Мужчина нахмурился, озадаченный при виде пяти натянуто улыбающихся подростков в зеленых пончо с капюшоном. Но сказать ему было нечего, и он уехал в недоумении.

— Три минуты, — подала голос Марта, сверившись с часами.

Казалось, меня вот-вот вырвет. Откровения Киплинга с Кэнноном, пусть и

шокирующие, поставили больше вопросов, чем дали ответов. И вообще, все вели себя странно, хотя я никак не могла понять, в чем дело. Они были на взводе и явно чувствовали себя не в своей тарелке. Дважды, думая, что я не смотрю на них, Киплинг с Кэнноном обменялись долгими, многозначительными взглядами, в которых читалось что-то смутно-зловещее. Что все это значило? Что они затевали?

И хотя Марта наставляла нас, уверяя, что все будет в ажуре — 29 августа, 9:35 утра, вилла «Анна-София», остров Аморгос, Греция, это все, что вы должны помнить, поняли? — то обстоятельство, что именно она руководила операцией, усугубляло мои дурные предчувствия. Какую игру она затеяла? Может, она заставляет нас последовать примеру героев «Темного дома», чтобы заманить в ловушку, запереть в одном из купе поезда времени? Или все это задумано для того, чтобы мы проголосовали за нее?

Голосование. Голосование. *Голосование.*

Съездившись на заднем сиденье рядом с Уитли, я чувствовала, как на меня накатывает пробуждение, как знакомая океанская волна гигантских размеров наползает на подошвы и по голням начинают ползти мурашки. По радио внезапно раздалось шипение, потом сквозь помехи, спотыкаясь, кое-как пробились песня группы «The Cure» «Boys Don't Cry»^[19].

Дождь забарабанил оглушительнее, словно в небе кто-то прибавил громкость.

— Как-то мне хреново, — выдавил Киплинг, прижимая ладонь к горлу. Марта повернулась к нему:

— Мне тоже. Это не просто пробуждение. Это открытое окно. Все, процесс пошел.

Ее переполняло возбуждение — если такого невозмутимого человека, как Марта, вообще могло переполнять возбуждение.

— Вы чувствуете?

Я чувствовала. Кончики пальцев потрескивали от электричества, точно я прошла, шаркая, в носках по пушистому ковру. Я поднесла руку к запотевшему стеклу и задержала ее в дюйме от него. На стекле остался

отпечаток. Я принялась двигать рукой туда-сюда, то приближая ладонь, то убирая, и стекло, точно по волшебству, очистилось. Я поднесла руку к волосам

Уитли, которые выбивались из-под капюшона пончо, и золотистые пряди сами прыгнули мне в ладонь, точно щупальца причудливой морской твари.

— Две минуты, — произнесла Марта. — Пора выдвигаться.

Она кивнула нам и выбралась из машины наружу. Кэннон с Киплингом безропотно двинулись за ней. Я открыла дверцу и тут же вымокла до нитки. Уитли схватила меня за локоть.

— Я не могу, Би, — захныкала она. — Не могу удержать все это в голове.

— Что?

Уитли плакала. Никогда в жизни я не видела ее такой испуганной.

— Я заблужусь в прошлом. Я знаю.

— Нет. Нигде ты не заблудишься. — Я взяла ее за плечи. — Слушай внимательно. Двадцать девятое августа. Девять тридцать пять утра. Вилла «Анна-София». Повтори.

— Вилла «Анна-София».

— Вспоминай море. Небо. Их первозданную белоснежную красоту. Шторы. Запах апельсинов.

— Точно. Апельсины.

— Вот видишь.

Уитли заморгала, нерешительно глядя на меня. Я протянула ей руку. Она взялась за нее. Мы обе выбрались из машины под дождь.

Я и не предполагала, насколько хаотическим окажется все это. Струи дождя царапали кожу, точно гвозди. Незримая сила тяготения пыталась швырнуть нас обратно в машину. Мысли мои стали текучими, превратились в вихрь брызг внутри головы. Все, что нам надо было сделать, — это подойти к месту столкновения и лечь на асфальт, как делал Киплинг, совершая ритуал «ковра черноногих-сиу». Пока что это удалось проделать только Марте. Она лежала на спине, вытянувшись вдоль выцветшей желтой линии разметки. Я двинулась к ней, таща за собой Уитли, но голова у меня кружилась, а каждый шаг давался с таким трудом, будто к моим ногам были привязаны бетонные глыбы. Кип стоял посреди дороги, кружась, точно пробка в воронке смыва унитаза, а Кэннон упал на четвереньки и пытался ползти. Я сделала усилие, чтобы замедлить бешеную круговерть мыслей, потом двинулась вперед большими шагами, медленно переставляя ноги и крепко сжимая руку Уитли. В конце концов

мы с ней дошли до нужного места и улеглись на асфальт рядом с Мартой. Минуту спустя к нам присоединились Кэннон с Киплингом.

Я моргнула: капли барабанили по лицу. Перед глазами все расплывалось. Струи дождя жалили слишком сильно, и я зажмурилась. Пробуждение уже подобралось к коленям, вдавливая меня в асфальт.

Двадцать девятое августа. Девять тридцать пять утра.

Я представила овеваемый всеми ветрами скалистый утес, современный белый дом, прилепившийся к нему, точно орлиное гнездо, в темных окнах отражается море.

— Пятьдесят секунд! — выкрикнула Марта.

Вилла «Анна-София».

— Я не могу! — завопила Уитли.

Что-то оцарапало мое лицо. Прикрыв глаза рукой, я разлепила ресницы и поняла, что это был гигантский дубовый сук, который оторвало ветром. Он пролетел над нами и, кувыркаясь, покатился по дороге.

Уитли рыдала, пытаюсь подняться на ноги. Кэннон крепко держал ее.

— Прекрати! — рявкнул он.

— Пустите меня! Я не могу!

— Успокойся! — прикрикнула на нее Марта.

— Я не могу! Я все время думаю о других вещах! Я не могу ничего поделать со своими мыслями!

До меня донесся рев мотора. Говард Хейворд, пятидесяти восьми лет от роду, пьяный и отрубавшийся на ходу, неумолимо приближался. Оставалось всего несколько секунд. Меня колотило. Я крепко зажмурилась и вцепилась в асфальт, стараясь удержаться на месте.

Остров Аморгос. Греция.

Теперь вопил кто-то другой. Киплинг.

— Прекратите! Прекратите!

— Ты что, не понимаешь? Мы потеряем друг друга!

— Это ловушка! Это подстава!

Серые утренние сумерки вспорол раскат грома, оглушительный, как атомный взрыв. Мои барабанные перепонки лопнули, в голове заметались какие-то странные писки и визги. Пробуждение сдавливало сердце с такой силой, что до сознания не сразу дошло, когда что-то больно впилося мне в шею. Я вскрикнула, мои занемевшие ледяные пальцы потянулись к горлу, чтобы нащупать предмет. Кончики их ощутили что-то маленькое и твердое. Я с криком выдернула непонятную штуковину из шеи.

Это оказалась булавка со шмелем, подарок Джима, который у меня потом украли.

Дальше все происходило одновременно. В глаза мне ударил свет фар. На нас, отчаянно сигналив, несясь грузовик. Дождевые капли падали, точно в замедленной съемке. Взвизгнули тормоза. В воздухе по-прежнему звенел чей-то крик. Я открыла глаза и заметила фигуру в зеленом пончо, которая стремительно удалялась в сторону леса. Послышался лязг металла. Грузовик сложился пополам, массивные шины скользили по мокрому асфальту, направляясь прямо к моей голове. Едко запахло паленой резиной. И началось светопредставление.

Один... два...

Булавка со шмелем.

Джим.

Часть 3

Глава 19

Когда я открыла глаза, было светло.

Я лежала в траве, лицом вниз. Я приподняла голову, чувствуя, как бешено колотится сердце, и на меня накатила неодолимая тошнота. Меня выворачивало наизнанку, тело сотрясилось от спазмов. Прошла минута, прежде чем мне удалось отдышаться. Я вытерла рот и огляделась вокруг. Глаза болели от света.

Я не лежала ни на какой дороге. На меня не неся грузовик Говарда Хейворда. Физической боли тоже не было.

Не было и «ягуара». Впервые за сто лет не шел дождь. Яркое светило солнце. Я лежала на земле: сухие листья, трава, сквозь которую проглядывал перегной. Вокруг меня выросли деревья. Воздух был бодрящим и свежим, небо сияло пронзительной голубизной. Я вытянула руки перед собой и разжала ладони.

Они были пусты.

Булавка со шмелем. Где она?

Я огляделась по сторонам. Определенно не вилла «Анна-София» и вообще не Греция.

Кругом лес. Я осмотрела свою одежду.

Бордовое шерстяное пальто от Энн Тейлор, которое мама купила мне сто лет назад в вунсокетском комиссионном магазине. Черные колготки. Черное шерстяное платье. Поношенные черные кожаные туфли.

Ничего не понимая, я поднялась на ноги. Туфли жали, платье кололось. Я двинулась вперед, глядя на большую поляну, которая виднелась между деревьями. Посреди нее блестело озеро, на котором покачивались белые лодки. Вдоль берега прогуливались люди. С трудом переставляя ноги, я двинулась туда, задаваясь вопросом, не примут ли меня за сбежавшую пациентку сумасшедшего дома. Но когда я вышла из леса и направилась к берегу, никто не обратил на меня особого внимания. По озеру плавало штук двадцать лодок, которыми управляли с пультов дети и несколько подростков.

Я поняла, где я. Центральный парк. Консерваторское озеро. Я была там давным-давно с Джимом.

— А, вот ты где!

От звука этого голоса земля ушла у меня из-под ног. Горло перехватило. Я закрыла глаза, мой мозг превратился в желе. Я падала в яму

глубиной в мило и не могла остановиться.

— Куда ты сбежала? Что, уже хочешь от меня избавиться?

Он был жив. Он стоял прямо за моей спиной, положив руку мне на плечо. И пахло от него как всегда: мятным мылом, ветром и свежeweыстиранной одеждой.

— В детстве я все время приходил сюда. Как-то раз пульт сломался и лодка застряла посреди озера, я заплакал, и отец сказал мне: «Если хочешь достать лодку, пойди и возьми». Пришлось лезть в воду и вытаскивать ее. Видимо, это был тест из разряда «выживает сильнейший, никто никому ничего не должен», которому он научился в бизнес-школе, и... Эй, что случилось?

Он развернул меня лицом к себе.

«Что случилось?» Я понятия не имела, с чего начать.

— Посмотри-ка на меня.

Я открыла глаза.

Джим Мейсон стоял в нескольких дюймах от меня. Яркое солнце било ему в спину, вокруг щебетали птицы и весело визжали дети. Зрелище было настолько немыслимым, что у меня снесло крышу.

Все это было не наяву. Это не могло быть наяву.

И однако, было. Передо мной стоял Джим. Он был прежним и в то же время другим. Я смотрела на него и думала о том, что мы никогда не видим друг друга по-настоящему. Память — ленивая служанка, которая старается работать поменьше. Пока человек жив, пока он рядом с тобой, память не утруждает себя сохранением всяких мелочей, а когда он умирает, выдает одно и то же затертое до дыр воспоминание, пока мелочи не изглаживаются совсем: веснушки, улыбка, открывающая чуть неровные зубы, морщинки вокруг глаз.

— Идем, — сказал Джим. — Нам нельзя опаздывать.

Он согнул руку в локте и просунул мою ладонь в образовавшееся отверстие. Я уже забыла об этой его манере. Он повел меня по дорожке мимо женщин с младенцами в колясках — все смотрели на него, в разной степени восхищенные, — и мужчины с тележкой из супермаркета, набитой пустыми пластмассовыми бутылками.

Похоже, в этом пробуждении меня занесло в один из тех нескольких дней, когда мы с Джимом гостили у его родных в Нью-Йорке.

Это не Рождество. А для весенних каникул слишком холодно.

Так когда же все происходит?

Можно было спросить, куда мы опаздываем, но мысль о том, чтобы завести разговор, была невыносима. Каждый раз, глядя на Джима, я просто

не могла поверить в происходящее. Мне хотелось отмечать каждую его черточку, каждый взмах его ресниц, каждый вздох, каждую ухмылку краешком губ. А еще я была напугана. В горле, точно гигантская плюха жвачки, стоял ком, грозивший провалиться ниже. Если это произойдет, я или разрыдаюсь, или вывалю на него бессвязный поток откровений о Никогда и о том, что он уже мертв.

«Ты мертв, любовь моя. У тебя так мало времени».

Закусив губу, я позволила ему провести меня по Пятой авеню. Мы ворвались в вестибюль дома — Пятая авеню, 944, как гласила изящная надпись на зеленом козырьке над входом, — и окунулись в резкий аромат гортензий и роз, собранных в гигантский, астероидоподобный, немыслимый букет, что стоял на столе. Джим небрежно помахал швейцару:

— Привет, Мердок.

Потом мы остались вдвоем в лифте. Джим внимательно наблюдал за мной, прислонившись к стене, обшитой деревянными панелями. Я совсем забыла о его манере разглядывать людей так, будто они были бесценными произведениями искусства.

— Не волнуйся, — сказал он.

Он вновь завладел моей рукой, скользнул губами по костяшкам моих пальцев и попятился из распахнувшихся дверей лифта, увлекая меня в квартиру. Я уже успела забыть, какой роскошной она была, какое эхо гуляло по комнатам, похожим на музейные залы, украшенным железными скульптурами птиц, увешанным портретами людей со строгими лицами, уставленным хлипкими тонконогими кушетками, которые напоминали скорее молящихся богомоллов, чем предметы мебели. Опустив глаза, я увидела ободранные носки своих туфель, катышки на заношенных чулках и ощутила знакомый укол смущения. Войдя в гостиную, мы немедленно очутились в толпе народа, где все были в черном: черные платья, черные, белые и красные шелковые шарфы, темносиние костюмы. И я поняла, куда попала.

Первый год в Дарроу. Пять лет назад. Выходные в конце сентября.

Джим пригласил меня поехать на похороны его двоюродного деда Карла. Тогда мы с Джимом были едва знакомы.

Он представился мне всего за неделю до этого.

— Джим Мейсон.

Он сидел позади меня на уроке английского и теперь придвинул свой стул вплотную ко мне, так близко, что я ощутила на своей щеке мятную свежесть его дыхания, отвлекшись от поиска рифмы для будущей песни.

— Чем ты таким занимаешься? — Он заглянул в мою тетрадку и

нахмурился. — «Катастрофа в китайской прачечной Феньфан: оригинальный саундтрек». Что это?

Смутившись, я спрятала тетрадку под ноутбук.

— Да так, всякая лабуда.

— Это не похоже на лабуду.

Я кашлянула. Звук вышел каким-то хлюпающим.

— Я сочиняю саундтреки к несуществующим фильмам. Просто сочиняю, и все. Не спрашивай зачем.

— Ясно. — Он кивнул как ни в чем не бывало. — И когда ты собираешься ложиться в психушку? На следующей неделе? В следующем году?

Я рассмеялась.

Он протянул руку:

— Джим Мейсон. Очень рад, что успел познакомиться с тобой до того, как тебя упекли в палату с мягкими стенами.

— Беатрис Хартли.

Он подмигнул:

— Я тоже чокнутый поэт.

Я улыбнулась. Повисло неловкое молчание. Джим внимательно изучал меня, откинувшись на спинку стула. Я уткнулась в свой ноутбук и сделала вид, что набираю что-то страшно важное, отчаянно стараясь прогнать с щек румянец. Я надеялась, что все это ему скоро надоест, он вернется за свою парту и оставит меня в покое.

Вместо этого он, нисколько не рисуясь, затянул дробным речитативом на манер битбоксеров:

На уроке английского я заметил девчонку,

Робкую, как птичка, тонкую, звонкую.

Я боюсь дышать: вдруг ненароком спугну ее?

Где потом искать вторую такую?

Эй, вы, чуваки из сената! Кажется, пора бы Объявить ее праздником государственного масштаба.

Все в классе умолкли, а какой-то парень на задней парте насмешливо заржал.

Тогда я еще не подозревала, что это навсегда, что стать объектом внимания Джима — все равно что оказаться рядом с бомбой в момент взрыва: неожиданно и шокирующе, а в качестве побочного эффекта — радиоактивные осадки из популярных в школе девиц с длинными русалочьими волосами и полными сомнения взглядами, которые

немедленно начали меня осаждать:

— Откуда ты знаешь Джима Мейсона?

— Ты из Нью-Йорка?

— Ты раньше училась в школе Спенс?^[20]

— Я из Уотч-Хилла. Нет, я ходила в школу в Уотч-Хилле. Я... я не знаю Джима.

Так я и познакомилась с Уитли. Они с Джимом сдружились в элитном индейском лагере, где-то в Голубых горах.

— Джим Мейсон на тебя запал. — Это была ее первая фраза, обращенная ко мне.

Я торопливо шла по коридору, вцепившись в лямку рюкзака — так утопающий хватается за спасательный круг.

— Ничего не запал.

— Еще как запал. — Она внимательно посмотрела на меня и нахмурилась. — Он называет тебя «наваждением». Твердит, что ты старомодная. И невинная. Как будто попала к нам на машине времени прямиком из сороковых годов.

— Вот спасибо.

— Это комплимент.

На следующий день Джим пристроился ко мне, когда я направлялась на спортплощадку. Сердце мое затрепыхалось, как выуженная из воды рыба.

— Ты что, выросла на ферме амишей и доила на рассвете коров? — спросил он.

— Э-э... нет.

— А выглядишь так, будто выросла и доила.

— Ну ладно.

— Не хочешь в воскресенье съездить ко мне домой?

Он спросил это таким тоном, словно предлагал откусить от его сэндвича.

Я отказалась. Воскресенье было семейным днем: ученики уезжали домой либо отправлялись в музей на экскурсию. Я не видела маму с папой целый месяц, и они замыслили какой-то сложносочиненный обед с лазаньей. Но на самом деле я отказалась, конечно же, потому, что меня до смерти пугало внимание Джима: оно, точно бесцеремонный луч прожектора, ослепляло меня и притягивало ко мне все взгляды.

Тогда я еще не знала, что «нет» для Джима — это всего лишь «да», которое пока не произнесено.

— Беатрис! — беззастенчиво затягивал он в полный голос в начале урока английского, и наша учительница миссис Хендерсон раздраженно косилась в мою сторону. — Она реалистка. У нее есть секреты. А вот совести нет и близко. Я лишился покоя и сна, а виной тому, несомненно, она. О, Беатрис!

Он подбрасывал мне записки в мой шкафчик. «Скажи «да»». («Пойдем и вместе бросимся со скалы».) Он посвятил мне песню. Очень быстро она разлетелась по всей школе.

— «Шея королевы»? Я вас умоляю! — доносился до меня ядовитый шепот во время церковной службы.

— Скажи «да»! — требовал Джим, проходя мимо меня по коридору. (««Да» по какому поводу? «Согласна стать матерью твоих детей»?») — зубоскалила капитанша женской волейбольной команды.) Джим позвонил моим родителям, чтобы официально представиться, обсудить расписание поездов, дать слово, что он ручается за мою безопасность, и заверить в том, что он джентльмен.

Этот поток внимания выглядел бы чрезмерным, если бы не исходил от Джима Ливингстона Мейсона, от Джима, с его спутанными, густыми черными волосами, шоколадными глазами и озорной усмешкой.

— У него такой приятный и располагающий голос, — сказала мне тогда мама.

В то время она еще питала иллюзии относительно Дарроу, считая, что это таинственный лабиринт, где витает дух старинного богатства, и что Джим безраздельно царствует в нем.

— Замечательно, что ты так быстро обзавелась новыми интересными знакомыми, — сказал папа.

Та воскресная поездка вместе с Джимом к нему домой и на похороны — эта самая поездка — закончится катастрофой.

Перенесемся вперед на пять-шесть часов. Я буду возвращаться поездом из Нью-Йорка одна, раньше времени, по причинам, относительно которых мы с Джимом так и не придем к единому мнению. Я так и не смогла вспомнить, что именно произошло. Что меня так расстроило? Я вела себя застенчиво, смущалась оттого, что я плохо одета и неважно держусь, и не сумела понять, где здесь правда, а где — мои предубеждения. Во время поминок, устроенных в роскошной квартире одного из родственников на Парк-авеню, Джим куда-то исчез и не возвращался, казалось, целую вечность. Я схватила свое пальто с вешалки в передней и, не сказав никому ни слова, выскользнула из квартиры. Возвращаясь в школу, я непрерывно плакала. И поклялась — вопреки всякой логике,

потому что уже тогда мои чувства к нему казались столь же неизбежными, как морская вода в насквозь дырявой лодке, — что на этом моя дружба с Джимом Мейсоном закончилась.

Но в понедельник утром, на английском, он поставил на открытую тетрадь, в которой я рисовала, красную коробочку с логотипом «Картье»:

— Прости меня.

В коробочке оказалась украшенная бриллиантами булавка со шмелем.

Булавка со шмелем.

Мысль о том, что сначала она загадочно исчезла из ящика комода в моей комнате, а потом внезапно объявилась столько лет спустя, воткнутая мне в шею ровно в тот миг, когда мы лежали на асфальте посреди дороги, вызвала у меня очередное потрясение. Это определенно был акт саботажа, верный способ избавиться от меня, заставить меня подумать о Джиме и отправить куда-то в прошлое. Тот, кто сделал это, хотел навредить мне, намеренно пытался лишить нас шанса проголосовать и вырваться из Никогда.

Кто из них это сделал?

— Хочешь печенья?

Я вздрогнула от неожиданности и с трудом сообразила, что стою в гостиной Мейсонов и смотрю в окно на Центральный парк, который с такой высоты казался архитектурным макетом с деревьями из миниатюрных ершиков. Один из приемных братьев Джима, Найлз, девяти-или десятилетний, протягивал мне печенья, зажав их столбиком между большим и указательным пальцем.

Я взяла одно:

— Спасибо.

Он прищурился:

— Ты новая девушка Джима?

— Нет. Мы с ним просто друзья.

— Будь осторожна, а не то отправишься туда же, — малыш скосил глаза, изображая сумасшедшего клоуна, — куда остальные.

Я рассмеялась.

— Пстой! А это ты видела?! — воскликнул мальчик и пошел к большой красной картине Ротко, которая рухнула на пол у нас на глазах. Кусок стены за ней потемнел, судя по всему от плесени. — Смотри-ка! Прямо как в «Полтергейсте»!

Я натянуто улыбнулась и отошла в сторону, и тут Джим подвел ко мне свою мать.

— Мама, вот та девушка, о которой я рассказывал. Беатрис Хартли.

— Добрый день.

Миссис Мейсон была настоящей красавицей. Черный костюм облегал ее как перчатка. Она протянула мне руку с таким видом, точно это был ценный подарок. Я и забыла, каким холодом она способна обдать: скушающая улыбка, взгляд поверх моего плеча, такой, будто у меня за спиной всегда происходило нечто гораздо более занимательное — например, игры дельфинов, выпрыгивающих из воды.

— Дорогая, ты поговорила с Арти Гроссманом о Кэррин?

Появился мистер Мейсон, невысокий, загорелый, с уложенными в виде шипов волосами и цепким, как у всех магнатов, взглядом. Зубы у него были крупными и неестественно белыми: казалось, что, если выключить электричество, они будут светиться в темноте.

— Папа, это Беатрис, — сказал Джим.

Мистер Мейсон тепло улыбнулся и пожал мне руку:

— Ты учишься вместе с Джимми в Дарроу-Харкер, да? Ну и как тебе тамошние замшелые традиции и фальшивые улыбки?

— Нормально.

— Превосходно... Превосходно... Глория, так ты поговорила с Арти?

— Сейчас поговорю, — отозвалась миссис Мейсон, устремляясь прочь. На ее лицо вернулась улыбка. — Приятно было познакомиться, — не слишком убедительно бросила она мне через плечо.

Я не могла оторвать глаз от этих двоих, гадая, как они повели себя, узнав о гибели Джима. Что они стали делать, все эти лощеные, надушенные люди? Выл ли кто-нибудь из них, едва не теряя рассудок, как я, или их жизнь просто потекла дальше?

Джим был мертв. Он лежал в гробу под могильным камнем с надписью «Ныне вступаешь в жизнь вечную», на кладбище Слипи-Холлоу. Здесь, в залитой солнцем квартире с толстыми стенами и мраморными полами, этого нельзя было представить.

Джим улыбнулся им вслед. В моем взгляде он, похоже, по ошибке прочел восхищение.

— Они познакомились в метро, когда обоим было по двадцать лет. И двадцать восемь лет спустя по-прежнему безумно влюблены друг в друга. Совершенно непростительно. Идем.

Он снова ухватил меня за руку. Мы двинулись сквозь толпу мимо безмолвных слуг в серой форме. Официант пронес поднос с крошечными треугольными сэндвичами, похожими на уголки накрахмаленных носовых платков, выглядывающих из кармана. Джим потащил меня к выходу из гостиной мимо двух его братьев и сестры, перебрасывавшихся мячом в

холле («Что за невоспитанность!» — крикнул им на ходу Джим), мимо обитой дубовыми панелями библиотеки со стремянкой, позволявшей достать с полок любое из тысяч первоизданий в кожаных переплетах, мимо столовой с современной стальной люстрой, похожей на гигантского тарантула. Через два года я буду сидеть здесь за рождественским ужином, и за все время его мать не скажет мне ни слова. А его отец будет называть меня Барбарой.

Джим приволок меня в какую-то комнату и закрыл за мной дверь. Это оказалась его спальня, сумрачная берлога рок-звезды, где царил настоящий бедлам: стены увешаны электрическими гитарами, все горизонтальные поверхности завалены нотными листами с нацарапанными от руки четвертными нотами и половинными паузами. Синтезаторы. Макинтошевская стереосистема. Три ноутбука. Груды растрепанных тетрадей с вываливающимися страницами, на которых обретали форму записанные кошмарным почерком тексты песен. Биография Дженис Джоплин. «Суини Тодд: оркестровая партитура». Вставленная в рамку программка с выступления Брюса Спрингстина в Медисон-сквер-гарден с его автографом и припиской: «Люблю тебя, Джимми. Продолжай слышать музыку. Брюс». По углам валялись мятые трусы, футболки и свернутые в рулоны плакаты.

Джим принялся рыться на полке в поисках че-го-то.

— Так, в общем, я тут написал одну песню, про девушку, которую пока что не встретил, — сказал он, доставая тетрадь. — Называется «Бессмертная». Она о любви, которая не может умереть, как бы далеко друг от друга вы ни находились, даже если вас разделяет время или смерть. Это то, что я ищу.

В горле у меня снова встал ком — как грудa булыжников.

Джим принялся читать мне слова, как будет делать потом бесчисленное количество раз. Я помнила их наизусть. Одна из лучших его песен. Я пела ее Джиму, сидя на покрывале для пикника в школе во время экзаменационной недели. Он пел ее мне по ночам в Уинкрофте, пока я засыпала.

Я прекрасно помнила этот момент. Я рассказывала о нем Уитли раз десять, потому что это был классический припев из «Баллады о Джиме и Би», канонический вариант. В тот раз мы с ним впервые остались наедине и впервые завели серьезный разговор. До нашего первого поцелуя оставались считанные секунды. Перспектива пережить его еще раз внезапно парализовала меня, начисто лишив воли. Джим продолжал читать, время от времени спотыкаясь на каком-нибудь слове или прерываясь, чтобы

почесать нос. Он казался таким красивым и таким юным — моложе, чем я помнила. На некоторых словах он смешно вскидывал подбородок и произносил их с нажимом, будто они были копьями, которые он вслепую метал через крепостную стену.

— Какая красивая песня, — произнесла я, когда он закончил.

На его лице появилось странное выражение. Он осторожно положил тетрадь на стол и присел рядом со мной.

— Вообще-то, я собирался подождать с этим несколько недель, вести себя строго по-джентльменски, ухаживать за тобой, как средневековый рыцарь, и все такое. Но я отказываюсь от этого плана. Я не рыцарь. И даже не джентльмен. Но я умею быть верным. Если я решил, что хочу быть с тобой, это навсегда.

Клянусь тебе, Беатрис.

Он поцеловал меня. В этом поцелуе был целый мир. Вся боль, все горе, все одиночество, испытанные мной с тех пор, как его не стало, отступили прочь. Я так сильно по нему скучала — и лишь сейчас поняла, насколько сильно. Его руки скользнули по моей спине, и я поняла, что расскажу ему все о Никогда, о Хранителе, о голосовании, о его гибели. Сможет ли он рассказать мне, из-за чего погиб, если я спрошу? Разве нельзя сбежать отсюда, сесть в машину и остаться жить за пределами пробуждения, в каком-нибудь придорожном мотеле, где в окна льется золотистый свет, а ковер усыпан крошками от крекеров из торгового автомата?

Завтра мы сможем повторить это еще раз.

И еще.

И еще.

Больше мне не придется жить без него. Я расскажу ему все. Уж кто-кто, а он должен понять. И все будет как раньше, до его непонятных перепадов настроения, до его приступов гнева, до его вранья.

Когда он отстранился, я вдруг поняла, что позади нас раздаются частые хлопки. Джим выглядел ошарашенным.

— Как странно!

Он встал и подошел к стене, на которой висели гитары. Глаза у него расширились.

— Все струны взяли и полопались. Все до единой. — Он ухмыльнулся. — Наверное, это ты на меня так действуешь.

Я слабо улыбнулась.

Решение рассказать все Джиму — в моей голове уже нарисовалась сцена побега с похорон из гангстерского фильма — поколебалось и застыло.

в тот момент, когда он взял меня за руку и мы вернулись обратно к его родне.

Там было множество дядюшек, кузин и кузенов, женщин в черных норковых манти и туфлях на шпильке, с завитками рассыпавшихся по плечам блондинистых волос, напоминавших посыпку из сахарной пудры на тридцатичетырехдолларовых десертах. Мы вышли из дома и двинулись по Мэдисон-авеню к поминальной часовне Фрэнка Кэмпбелла — гламурная процессия в черном.

— В прошлый раз я была здесь на похоронах Аллегры де Фонсо, — сообщила мне какая-то женщина.

Заупокойная служба оказалась долгой, наполненной всхлипами вперемешку с цитатами из Дилана Томаса и Боба Дилана под аккомпанемент битловской «Let it Be». Какая-то женщина с заплаканными глазами произнесла речь, то и дело откашливаясь. Ветхий старичок, сидевший в переднем ряду, вдруг громко заявил: «Тут пахнет кошачьим ссаньем!» — и был уведен сиделкой под смешки ребяташек. Джим улыбнулся мне и сжал мою руку. Я поймала себя на том, что пытливо разглядываю фото усопшего: двоюродный дедушка Карл, увековеченный на ламинированном плакате, который установили на латунной треноге рядом с гробом. У него была испещренная красноватыми прожилками кожа и рассеянная желтозубая улыбка. Вдруг он тоже очутился в каком-то подобии Никогда? Я была куда ближе к состоянию дедушки Карла, чем все эти люди могли себе представить.

Нужно рассказать Джиму.

Но вот служба закончилась и толпа высыпала на тротуар — восемь черных «кадиллаков-эскалейд» стоят один за другим, все пожимают друг другу руки, бормочут соболезнования и делятся воспоминаниями о Карле, о том, как он все делал по-своему и вообще был не промах. И каждый раз, когда я собиралась сказать Джиму: «Мне нужно с тобой поговорить», кто-нибудь хлопал его по плечу и стискивал в медвежьих объятиях, спрашивая, как у него дела и когда можно ждать премьеры его первого мюзикла на Бродвее. Джим держался дружелюбно и настойчиво пытался вернуться ко мне, но, прежде чем успевал это сделать, к нему подходил новый человек. Наконец он вернулся ко мне в сопровождении двух девиц, знакомых с ним со средней школы.

— Беатрис, познакомься, это Дельфина и Лучана.

В моих воспоминаниях эти девицы были устрашающе, инопланетно красивыми. Сейчас они уже не показались мне настолько сногшибательными, хотя у обеих были длинные волосы до талии, которые

они, наподобие пони, отбрасывали в сторону, чтобы те не лезли в глаза, и скучающее выражение на лице, такое, что его можно было по ошибке принять за умудренность. Джим на протяжении всего разговора обнимал меня за плечи, но, постояв рядом с ним и послушав разговоры о Миллисенте, Кастмане и Риппере — не знаю, были это люди или модные ночные клубы, а может, так называлась юридическая фирма, — я начала чувствовать себя старым диваном, который вынесли на тротуар и оставили там.

Это ощущение не исчезло и тогда, когда мы набились в «кадиллак». Нас было слишком много. Джиму пришлось сесть на заднее сиденье рядом с Лучаной. Я сидела рядом с пожилой женщиной в красном платье из тафты. От нее разило спиртным.

— Ну вот, опять все то же самое, — пробормотала она.

Нас высадили у дома двоюродной бабки Джима на Парк-авеню. Джим усадил меня на диванчик рядом с фарфоровым мопсом, отправился добывать для меня кока-колу и пропал. Когда прошло сорок пять минут, а он так и не появился, я поднялась и принялась бродить в толпе, разглядывая книжные полки и фотографии, пробираясь по запруженным людьми коридорам с таким видом, будто знала, куда иду. Я заглянула на кухню, где сбивались с ног нанятые повара, и в гостевую ванную, где обои выглядели так, словно были покрыты золотом высшей пробы. Я бродила и вспоминала, какой покинутой я чувствовала себя тогда, предоставленная сама себе, в месте, где была чужой.

Как мне хотелось оказаться подальше от всех этих людей, дома, в Уотч-Хилле, есть лазанью вместе с родителями и слушать, как папа рассуждает о новой программе Дэвида Аттенборо на «Нетфликсе»!

Сейчас, пять лет спустя, закаленная пребыванием в Никогда, я была уже далеко не такой чувствительной, и все же отсутствие Джима беспокоило меня. Куда он запропастился? Тогда, пять лет назад, он сказал, что заговорился с родственниками, и я ему поверила.

Теперь же этот вопрос не давал мне покоя.

Я проверяла одну комнату за другой, пытаюсь отыскать его в спальнях, напоминавших гостиничные номера, в кабинетах, выглядевших как библиотеки, в гулкой мраморной галерее, где за стеклом были выставлены предметы авиационной старины. Джима нигде не было. Не было, к моему беспокойству, и тех двух девиц. В какой-то момент, когда я открыла шкафчик, забитый одними японскими головоломками и настольными играми, из кабинета вышел отец Джима, Эдгар, увидел меня и, явно заметив, как мне неловко, поманил к себе.

— Джессика... — обратился он ко мне, тепло улыбаясь и натягивая на запястье резиновый браслет, к которому крепилось что-то вроде маленькой черной флешки. Я успела увидеть краем глаза ряд цифр, вспыхивающих на ее боку, прежде чем он натянул манжету поверх устройства. — Принести тебе что-нибудь выпить, милая?

— Спасибо, мистер Мейсон, не нужно.

— Эдгар. Идем, я познакомлю тебя с моим партнером, Крейгом, и его дочерью Гретой. Грета только что вернулась со Шри-Ланки. Работала в Коломбо приходящим нейрохирургом.

Судя по всему, могущественный Крейг и его дочь-нейрохирургиня не горели желанием вести светскую беседу с неразговорчивой старшекласницей. Через несколько секунд они отвернулись, чтобы поприветствовать кого-то («Бертран? Это ты?!»), и я ускользнула.

Позвонить Джиму я не могла. У меня не было с собой сумочки, не говоря уж о телефоне. Оставалось только ждать там, где он меня оставил. Вернется же он когда-нибудь. Или не вернется?

Прошел еще час. С каждой секундой мой план — признаться ему во всем и сбежать с ним — выглядел все менее привлекательным. Когда меня в третий раз толкнула женщина с гигантской сумкой из крокодиловой кожи, а миссис Мейсон прошествовала мимо с деревянной улыбкой, в памяти внезапно всплыло предостережение Марты.

«Неизвестно, как мы будем реагировать. Прошлое держит тебя на крючке, точно наркотик. А будущее дает заряд почище электрического стула. Переживание заново самых прекрасных моментов жизни может оказаться ничуть не менее разрушительным, чем переживание самых тяжелых. На это подсаживаешься».

Возможно, виной всему было потрясение оттого, что Джим снова забыл про меня, засевшая занозой в сердце его ложь относительно Виды Джошуа или мысль о том, что один из моих друзей пытался погубить меня, нарочно уколов булавкой и отправив в какой-нибудь другой момент во времени — в полной уверенности, что свидание с Джимом выведет меня из равновесия и я предпочту больше не расставаться с ним, оставшись тут навсегда.

Я вскочила на ноги и устремилаь сквозь толпу. Очутившись в передней, я потянула с вешалки свое бордовое пальто. Вешалка внезапно рухнула, и куча норковых шуб полетела на пол. Я отшвырнула мое старенькое пальтишко, схватила самую толстую и громоздкую шубу, какую только смогла отыскать, и натянула ее на себя. В нос ударил тяжелый аромат духов. С бешено колотящимся сердцем я выскочила за дверь и,

промчавшись по коридору, нажала кнопку лифта. Та раскололась под моим пальцем. Я развернулась, толкнула дверь, ведущую на лестницу, бросилась вниз по ступеням под аккомпанемент лопающихся лампочек и ввалилась в вестибюль, не обращая внимания на разинутый рот швейцара.

Как я могла забыть, где нахожусь и что должна сделать?

Разве я не хочу выжить?

Я выскочила на улицу. Было ветрено, так ветрено, что зеленый навес трепетал и хлопал на ветру. Я бросилась на тротуар, собираясь поймать такси, как вдруг до меня донесся пронзительный девичий смех. Я обернулась и увидела Джима.

Он сидел на невысокой кованой оградке перед соседним зданием вместе с Дельфиной и Лучаной. Все трое болтали со швейцаром, смеясь над тем, как тот пародировал кого-то напоминающего Марлона Брандо в «Крестном отце». Зайдясь хохотом, они не могли остановиться.

Я остановилась как вкопанная, молясь про себя, чтобы Джим поднял глаза и увидел меня.

Но он меня не увидел. Глядя на его ухмыляющееся лицо, я все поняла. Все было яснее ясного. Он и думать про меня забыл.

А может, и вообще никогда не думал.

Мне хотелось закричать. Завопить, точно мстительная ведьма из сказки — так, чтобы над ними в мгновение ока сгустились черные тучи и мерзкие улыбочки сползли с их лиц: «Джим Мейсон, через четыре года ты будешь мертв!»

Он беспечно отклонился назад, закинув руку Лучане на шею и что-то нашептывая ей на ушко. Меня точно ножом по сердцу полоснули.

Надо же быть такой глупой, такой слепой!

На глазах у меня выступили слезы. Я развернулась и бросилась на проезжую часть, едва не угодив под такси. Водитель ударил по тормозам и засигналил.

Я забралась внутрь.

— Эй, у вас все в порядке? Что за... Черт!

Таксист захлопал глазами, озадаченный происходящим. Зеленый полотняный навес у подъезда под порывом ветра оторвался от тротуара вместе со столбиками и с грохотом покатился по Пятой авеню, задевая за все подряд. Налетев на лимузин, он разбил заднее стекло, а потом вертикально взмыл в воздух, и золотистые столбики разлетелись в разные стороны. Прохожие с криками бросились врассыпную, глядя, как он плывет в небе, точно удивительный летающий монстр.

У меня не все было в порядке, далеко не все.

Марта сказала, что при наступлении чрезвычайной ситуации нужно возвращаться в Уинкрофт.

«Всегда возвращайтесь обратно в изначальное пробуждение. Если мы назначим его нашим местом встречи, есть надежда, что в конце концов мы все соберемся там, преодолев время и пространство. Чтобы снова изменить пробуждение, возвращайтесь на прибрежную дорогу, если сможете, и делайте все то же самое, понятно? Если не сможете, найдите способ совершить самоубийство».

Я вернулась в Ньюпорт на поезде. Было уже начало одиннадцатого. Я села в стоявшее у вокзала такси и попросила отвезти меня в Наррангсет. Поездка занимала полчаса, денег у меня не было, но я решила, что придумаю что-нибудь в Уинкрофте.

Ворота были открыты. По обеим сторонам горели фонари. Водитель свернул на подъездную дорожку и прибавил скорость. Я перехватила любопытный взгляд, который он бросил на меня в зеркало заднего вида — видимо, гадал, наследница я или нет. В окнах дома горел свет. На подъездной дорожке стояли восемь блестящих машин. Водитель остался ждать, а я взбежала по ступенькам и нажала кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и я очутилась лицом к лицу с БВО Бертом собственной персоной. Он оказался вовсе не таким страшным, как мне помнилось: обыкновенный состоятельный мужчина в пастельном свитере. Из столовой доносились оживленные голоса и звон бокалов. По всей видимости, я угодила на званый ужин.

— Чем могу помочь? — осведомился он.

— Я ищу Уитли.

— А ее нет. Она в интернате. В Дарроу-Харкер.

— Мы с ней договорились сегодня поужинать.

Он был явно удивлен.

— А позвонить ты не пробовала?

— Она не берет трубку.

Я принялась объяснять, что, к сожалению, у меня нет денег на такси, нужно сорок восемь долларов. Захлопав глазами от изумления, Берт вытащил из кармана бумажник, сбежал по ступенькам и расплатился с водителем.

— Пожалуй, я вернусь к себе в отель и зайду за Уитли попозже, — сказала я.

Он кивнул, по-прежнему озадаченный:

— Как, ты сказала, тебя зовут?

— Беатрис.

Берт не очень понимал, откуда я свалилась ему на голову — неуклюжая девица в черной норковой шубе, объемистой, как кашалот. Я помахала ему и пешком зашагала по подъездной дорожке. Он проводил меня взглядом и скрылся в доме. Слишком занятый ужином, он, видимо, не задался вопросом о том, как я хотела куда-то добраться, если такси уже уехало. Сделав крюк, я вернулась к гаражу с коллекционными машинами и ввела четырехзначный код. К счастью, он оказался тем же самым, что и пять лет спустя, и дверь со скрипом поехала вверх. Я поспешила к щитку с ключами в дальнем конце гаража и сняла с крючка ключи от «роллс-ройса».

Выезжая к прибрежной дороге, я ожидала услышать вой полицейских сирен. Но все было тихо. Сердце застучало. Я чувствовала приближение пробуждения. Бросив взгляд на часы, я с изумлением поняла, что в этот раз все длилось меньше, чем обычно. С того момента, как я очнулась на траве в Центральном парке, не прошло и восьми часов. На ноги начала давить свинцовая тяжесть. Я до упора выжала педаль газа, и двигатель взревел. Перспектива вновь оказаться с Джимом в Центральном парке, если не удастся попасть в другое пробуждение, заставляла меня гнать машину все быстрее и быстрее. Ноги занемели. Когда я поворачивала, машина, казалось, вылетала из-под меня, ветви деревьев царапали ветровое стекло, точно разъяренная толпа. Завидев впереди тот самый крутой поворот, я с разгона влетела в кусты, едва не врезавшись в дерево, выскочила из машины и, пошатываясь, выбралась на середину дороги. Налетевший порыв ветра сбил меня с ног и повалил на асфальт, прямо на желтую линию.

Я перевернулась на спину, хватая ртом воздух. Чернильно-синее небо было усыпано веснушками звезд.

Я понятия не имела, сработает мой план или нет. Окажется ли на месте открытое окно? Я замедлила круговорот мыслей и закрыла глаза. Двадцать девятое августа. Вилла «Анна-София». Остров Аморгос. Греция. Я стала ждать приближения машины, но тишину нарушали только оглушительный свист ветра в ушах, назойливый стрекот цикад да шелест моря вдалеке, ритмичный, как стук метронома. Потом до меня донесся пронзительный свист, становившийся все громче. Велосипедист. Он приблизился ко мне внезапно, крутанул руль, чтобы не наехать на меня, потерял управление и влетел в кусты на обочине. Послышались крики и лязг металла. Велосипедист не пострадал. Кряхтя и ругаясь, он кое-как поднялся на ноги.

Подойдя ближе, он принялся рассматривать меня. В темноте я не могла различить черт его лица.

— Какого хрена? — прошептал он, изумленно вскинув голову, и тут фары стремительно приближавшейся машины осветили его, точно вспышка фотокамеры.

Он успел отскочить в сторону, а мой мир померк.

Глава 20

Когда я открыла глаза, оказалось, что я лежу ничком на дощатом настиле. В поле зрения немедленно вторглось что-то ярко-голубое. Океан. Я подняла голову, пытаюсь проморгаться. На мне были обрезанные джинсовые шорты и вылинявшая розовая футболка с эмблемой «Капитанской рубки». Я лежала на причале, босиком. Повернув голову, я увидела белую дощатую лестницу, зигзагом поднимающуюся по отвесному каменистому склону высотой не менее ста футов.

Вилла «Анна-София». Все-таки получилось.

От облегчения у меня закружилась голова. Я кое-как поднялась на ноги, но головокружение было таким сильным, что я споткнулась. Меня затошнило, и я едва не упала в воду. Отдышавшись, я вновь попробовала подняться, на этот раз удачно.

Я двинулась вверх. С каждым моим шагом из-под досок сыпались мелкие камешки и булыжники и, отскакивая от скалы, летели в океан. Я продолжала подниматься. Вниз я не смотрела. Когда, хватая ртом воздух, я добралась до верха, передо мной молчаливо раскинулся дом — безумное чудо архитектурной мысли из стекла и стали. Он выглядел обезлюдевшим. Я рысцой припустила мимо бассейна, посреди которого лениво покачивался на воде надувной лебедь, и толкнула одну из стеклянных дверей. Та оказалась заперта. Ставни на окнах были закрыты. Я начала думать, что попала не в тот день, как вдруг услышала женский крик. Я бросилась бежать по каменистой тропке мимо оливковых деревьев к парадному входу и перед массивными двустворчатыми дубовыми дверями увидела Киплинга. Судя по всему, он стоял на стреме.

При виде него меня охватило такое облегчение, что я бросилась к нему на шею.

— Слава богу! — прошептала я.

— Что... боже... как тебе это удалось, малышка? Марта сказала, что мы потеряли тебя — возможно, навсегда.

Я отстранилась. Смысла вдаваться в подробности того, что произошло, не было — по крайней мере, пока. Щурясь, я смотрела на Киплинга и думала — хотя это причиняло мне боль, — что он вполне мог быть тем, кто воткнул мне в шею булавку. И все же он, казалось, искренне обрадовался при виде меня.

— Я ошиблась, — сказала я вслух. — Где все?

— Внутри. — Он состроил гримасу. — Мы связали всех Мейсонов и пытаемся вытянуть из них хоть какую-то информацию. Но пока ничего не выходит. — Он пожал плечами, заметно нервничая. — Мы пробовали похорошему. Приехали как ни в чем не бывало, сказали, что приехали на каникулы, что мы были друзьями Джима и хотели бы узнать о его гибели, все в таком роде. Но они скользкие как угри, эти Мейсоны. Угостили нас осьминогом на гриле и сорбетом из базилика и пригласили поплавать в бассейне. Мы и глазом моргнуть не успели, как прошло четыре часа. Все набрались узо, а о Джиме так и не успели толком поговорить. Уитли это надоело. Поэтому в последние несколько пробуждений она устроила этим ребятам веселую жизнь. Ну, ты знаешь, как она умеет: с криками, воплями, ударами в стену и швырянием посуды. — Он вздохнул. — У Эдгара Мейсона круглосуточная охрана, но в полдень у них пересменок, и они теряют бдительность — тут-то мы и выходим на сцену. В конце подъездной дорожки валяются двое связанных охранников.

— Сколько же у вас было пробуждений?

— Пять. Часов по пять каждое. А у тебя сколько?

— Одно.

Видимо, это Марта и имела в виду, говоря о нестабильности, о поездах, мчащихся в разных направлениях с разной скоростью, о риске никогда больше не оказаться в одном и том же месте и в одно и то же время, чтобы проголосовать.

Впрочем, сейчас было не время волноваться об этом. Киплинг открыл дверь и жестом пригласил меня войти.

На диванах сидели мистер и миссис Мейсон, связанные по рукам и ногам, как и четверо их детей. Глаза у всех покраснели от слез. Они в безмолвном ужасе взирали на Уитли. С банданой на голове, в футболке, завязанной узлом на животе, и с сумасшедшинкой в глазах, она походила на латиноамериканскую партизанку. В руках у нее был пистолет, нацеленный на мистера Мейсона. Одна щека у него распухла. Если учесть, что в прошлый раз я видела родственников Джима на похоронах двоюродного дедушки Карла, где они цвели и пахли, фланируя в толпе родных и знакомых, это зрелище стало для меня настоящим потрясением.

При виде меня глаза Уитли расширились от удивления. Она подбежала ко

мне.

— Беатрис! — вполголоса произнесла она. — Откуда ты взялась?

Я вкратце рассказала о том, что произошло: я случайно попала в другую дату, но смогла вернуться на прибрежную дорогу и сменить

пробуждение.

— Значит, с тобой все в порядке? — спросила Уитли.

Я кивнула.

— Где Марта?

— Пытается войти в запароленный компьютер Эдгара. Без особого успеха.

— А Кэннон?

— Кэннон пропал.

— Что?! — ахнула я.

Уитли мрачно покачала головой:

— Так и не появился. Мы понятия не имеем, где он. Секунду назад был рядом с нами, а в следующую его уже нет нигде.

Мне вспомнился силуэт человека, метнувшегося в лес. Кэннон.

— Послушайте... О господи! Это ты?

Миссис Мейсон, сидевшая на диване, вытянула шею, чтобы лучше разглядеть меня. Никогда еще я не видела ее такой жалкой. Ее почти невозможно было узнать. Лицо ее покраснело, светлые волосы, всегда безупречно уложенные, пожухли, точно комнатный цветок, придвинутый слишком близко к батарее.

— Кто? О ком ты говоришь? — вскинулся мистер Мейсон.

— Маленькая дрянь, с которой Джим путался в школе. Ну, ты знаешь, она. — Глория метнула в мою сторону сердитый взгляд. — Ты в этом тоже замешана? Отпусти нас немедленно! Мы ничего не знаем о Джимми.

Я забрала у Уитли пистолет и направила его на миссис Мейсон. Та ахнула.

— Расскажите мне все, что вам известно о гибели Джима, — потребовала я.

Она в ужасе перевела взгляд на мужа, потом на меня. И вдруг заскулила.

Это был странный звук: как будто из пляжного мяча сквозь крохотную дырочку выходил воздух.

— Оставь ее в покое! — внезапно взбеленился Эдгар. — Глория не имеет к этому никакого отношения, ты, аферистка малолетняя!

Я направила на него пистолет:

— Что случилось с Джимом?

— Я уже говорил тысячу раз! — рявкнул он, брызжа слюной. — Мы ничего не знаем!

— Не может быть.

Он покачал головой:

— В полиции сказали, что это было самоубийство.

— Джим никогда бы так не поступил. И вы это прекрасно знаете.

— Нет. Я этого не знаю.

Мистер Мейсон, похоже, плакал, глядя в пол.

И тут я кое-что вспомнила.

Подойдя к нему, я бросила взгляд на его запястья, связанные пластмассовыми стяжками. Потом рванула манжету его рубахи. Мейсон прекрасно понял, что именно я ищу, и сразу же принялся извиваться, пытаясь отдернуть руки.

— Нет! Не смей!

Меня интересовал черный резиновый браслет, который я видела у него на запястье на похоронах. Сейчас, пять лет спустя, браслет был на том же месте — но, похоже, уже другой, более современный, с электронными буквами и цифрами. Стянуть его с руки мне не удалось, поэтому я отправилась на кухню и вернулась с ножом.

— Не смей! Даже думать об этом не смей!

Я срезала браслет с запястья.

— Ну, все. Молодец! Bravo! Можешь попрощаться со своим будущим, детка. Остаток своих дней ты проведешь в такой вонючей дыре, что сама будешь умолять: «Отправьте меня в тюрьму».

— Мечтать не вредно, — бросила я и обернулась к Уитли, которая потрясенно таращилась на меня.

— Какая муха тебя укусила? — прошептала она.

— Я буду в кабинете Мейсона, — сказала я и поспешила по винтовой лестнице на второй этаж.

Мое появление ошеломило Марту.

— О господи! Что случилось?

— Долго рассказывать. Но я в полном порядке.

Я ворвалась в стеклянную башню, придвинула стул и уселась рядом с Мартой за бескрайний стол. Она продолжала смотреть на меня во все глаза. Разумеется, я заподозрила, что это Марта ткнула меня булавкой. Но выяснить, правда это или нет, было невозможно. Пока невозможно.

— Пытаюсь взломать ноутбук Эдгара, — кивнула она на экран. — Это нереально. Тут три зашифрованных пароля.

Я посмотрела на браслет со строкой цифр, символов и букв, которые чередовались каждые пятнадцать секунд, и ввела высветившуюся последовательность в окошки для пароля. Компьютер был разблокирован.

— Ты серьезно?! — прошептала изумленная Марта. — Раз, и все? Как

ты?..

— Потом объясню.

Прежде чем погрузиться в изыскания, я прикрыла веб-камеру листком бумаги. Я не знала, что произойдет, когда станет ясно, что система взломана, но понимала, что действовать нужно быстро. У Эдгара Мейсона был персонализированный почтовый интерфейс под названием «Торчлайт команд». Когда я открыла программу, в верхнем правом углу экрана появился таймер, фиксирующий мои действия.

Первым делом надо было найти письма от Джима.

Нам не удалось обнаружить ни одного. Поиск по именам его братьев и сестер выдал ворох электронных писем, но сообщений, адресованных Джиму или полученных от него, не нашлось.

— Отец стер всю переписку с ним, — прошептала Марта. — Зачем?

— Может, там было что-то взрывоопасное.

Она пожала плечами.

На жестком диске мы увидели две с лишним тысячи папок, хранившихся на облачном сервере под названием «Библиотека Торчлайт». Я вбила в строку поиска имя «Джим Мейсон». Ничего не нашлось. Мы откопали тонну финансовых документов, перечни мутных холдинговых компаний с названиями вроде «Редшор кэпитал Америка» и «Фонд граундвью», зарегистрированных на Каймановых островах и в Панаме. Были сведения о выручке и переводах из турецкого банка в швейцарский — суммы в долларах выражались числами с таким количеством нулей, что это казалось опечаткой. Возможно, какие-то переводы были незаконными или имели отношение к смерти Джима, но правда была погребена под слоями имен, цифр и символов, с трудом поддававшихся расшифровке.

— Может, Эдгар занимается финансовыми махинациями, — предположила Марта. — Использует рабский труд. Эксплуатирует детей. Допустим, Джим узнал об этом и у них случилась крупная ссора.

— Если бы Джим выяснил что-нибудь такое, это подкосило бы его. Но он не стал бы кончать с собой.

Марта пожала плечами.

— А вдруг Эдгар нанял кого-нибудь, чтобы убить Джима?

Я с изумлением покосилась на нее:

— Родного сына?

— А если он считал, что может потерять империю, которую построил с нуля? Почему нет?

Внезапно она распрямилась и, нахмурившись, указала на стеклянные стены. Я с ужасом поняла, что стекла трескаются одно за другим. По ним

пошли тонкие извилистые трещины, ветвясь и расползаясь в разные стороны.

— Нестабильность Никогда, — прошептала Марта.

Я кивнула и торопливо вернулась к входящей почте. Мне совсем не хотелось, чтобы Марта задалась вопросом о том, что означает все это разрушение и не я ли вызвала его. Я уткнулась в экран и сощурилась.

— Большую часть писем Эдгар получал от женщины по имени Дженет, — сказала я, откашлявшись. — Своей ассистентки. У них есть система, в которой она читает все его письма и делает для него краткую выжимку.

— «Звонил Крис Эндлберг, президент Принстона, — начала медленно читать Марта. — Очень признателен Вам за то, как Вы разрешили вопрос с С.

О. Они воздержатся от дисциплинарных мер». Хм... Ладно. Что еще?

Мы принялись просматривать письма за неделю, предшествовавшую гибели Джима.

Среди них не было ничего необычного. Несговорчивый член правления. «Патрику придется уйти». Агент по недвижимости хочет показать Эдгару еще не выставленное на продажу поместье в Бедфорде стоимостью сорок восемь миллионов долларов. «Не фонтан». Кто-то, имеющий отношение к ресторану быстрого питания, желает получить очередной заем. «Понимаю Ваше беспокойство, но сейчас пора расширять линейку готовых замороженных обедов из жареных цыплят с романтическими названиями вкусов». После смерти Джима несколько дней приходили письма относительно приготовлений к похоронам, доставки цветов, договоренности с Вестсайдским хором мальчиков, списки тех, кто должен был присутствовать, и тех, кто должен был выступать. Читать эту сухую переписку было странно. Казалось, что смерть Джима была лишь одним из мероприятий в плотном графике его отца. Мое имя тоже было там, среди трехсот других.

— Ничего не понимаю, — прошептала Марта и, наморщив лоб, еще раз перечитала одно из сообщений.

— Что там такое?

— «К вашему сведению, С. О. хочет поменять общежитие». — Она покосилась на меня. — Это пишет Дженет. — «Он хочет, чтобы вы позвонили декану в Принстон и обо всем договорились, потому что первокурсникам это не разрешается». Странно, очень странно.

— Что именно? — спросила я.

— Еще одно письмо из Принстона. Кто из Мейсонов учится в

Принстоне?

Хороший вопрос. Джим был старшим из пятерых детей. Его младшие братья и сестры ходили в среднюю школу.

— Кто такой С. О.? — спросила я вслух.

Мы запустили поиск по этим инициалам. Обнаружилось еще одно письмо. Стоило мне открыть его, как испещренная трещинами стеклянная стена перед нами рухнула и миллионы осколков сверкающим каскадом ударили по крыше и полетели вниз. Мощный порыв ветра захлопал тонкими газовыми занавесями и разметал по столу кипы бумаг, которыми был завален рабочий стол Мейсона.

— У нас не так много времени, — сказала я торопливо. — Система сейчас закроется.

Марта кивнула и, закусив губу, принялась вчитываться в письмо на экране.

«С. О. хочет пообедать с вами завтра, чтобы обсудить деловые вопросы. Забронировала столик в «Жан-Жорже» на 13:00».

— Попробуй поискать по ключевому слову «Принстон», — посоветовала Марта.

Я так и сделала. Вывалилось еще одно письмо.

«Крис Эндлберг из Принстона хочет лично поблагодарить вас за пожертвование. Пригласил вас на обед 24.02. Я отклонила приглашение, поскольку вы будете в Буэнос-Айресе».

— Может быть, этот С. О. — какой-нибудь кузен, — предположила я. — Возможно, Эдгар оплачивает его образование?

— А может, животное-компаньон, которое Эдгар берет с собой в самолет, поезд и машину.

Вероятно, это была попытка пошутить, хотя с Мартой никогда нельзя было знать наверняка.

— А может, С. О. — его воображаемый друг детства, — подхватила я.

— Или его шестая личность, а он сам уже много лет тайно страдает шизофренией.

Мы с улыбкой переглянулись, но вскоре посерьезнели, сообразив, что происходит: мы чувствуем себя легко друг с другом.

И тут три оставшиеся стеклянные стены тоже осыпались одна за другой, по комнате вновь пронесся буйный ветер, взметнув бумаги, которые закружились по комнате. В дверь просунулась голова Уитли.

— До конца пробуждения три минуты... — Она нахмурилась. — Что за... Что здесь творится?

Марта вскочила на ноги:

— Надо уходить. Живо!

Они торопливо объяснили мне свой план. Нужно вернуться в Уинкрофт, чтобы найти Кэннона. Расколоть Мейсонов невозможно. Лучше не пытаться вытянуть что-нибудь из них, а снова собраться вместе. Все равно ничего нового о Джиме мы не узнали.

— Когда твое пробуждение подойдет к концу, воспользуйся утесом, — загадочно бросила Марта, прежде чем выскочить из дома.

Я осталась сидеть на месте, копаясь в ноутбуке Эдгара. Вокруг меня завывал ветер, вращались в безумном вихре бумаги, лопались оставшиеся стекла. Не прошло и минуты, как динамики ноутбука тревожно запищали и меня выкинуло из системы. Экран погас. Я вскочила на ноги и, пробегая мимо открытых мест, выходящих на задний двор, увидела, как Марта с Киплингом и Уитли со всех ног мчатся мимо бассейна в сторону утеса.

«Когда твое пробуждение подойдет к концу, воспользуйся утесом».

Я ошеломленно смотрела, как они выстраиваются в шеренгу на самом краю.

Они взялись за руки. А потом спрыгнули.

Когда я вернулась вниз, Мейсоны выглядели обезумевшими от ужаса.

Они видели в точности то же, что и я. И теперь были уверены, что мы все ненормальные.

Я допрашивала их примерно с час. Все это время мобильник Мейсона трезвонил не переставая. И домашний телефон тоже. На втором этаже надрывался принтер: «Торчлайт» явно пыталась предупредить Мейсона о взломе системы безопасности. Держа его на мушке, я заявила, что хочу знать, из-за чего они с Джимом поссорились в последние дни его жизни.

— Что ты несешь? — провыл он. — Мы с сыном не ссорились. Никогда не ссорились.

— Кто такой С. О.?

— С. О.? — переспросил он недоуменно.

— Первокурсник из Принстона.

Эдгар презрительно усмехнулся:

— Сын коллеги. А он какое отношение имеет к... У тебя в самом деле большие проблемы с головой, дорогая. Если ты сохранила хотя бы остатки соображения, то сейчас развяжешь всех нас, вернешься к своей ненормальной жизни и будешь надеяться — нет, молиться, — что мои адвокаты не раскатают тебя в лепешку и не подадут нам на обед.

Я попыталась расставить для мистера Мейсона еще несколько вербальных ловушек, заявив, что Джим рассказал мне все о его финансовых шахер-махерах. Хотелось посмотреть, как он будет

реагировать. Как и следовало ожидать, попытка взять его на испуг была встречена непонимающими взглядами и возмущенными замечаниями Мейсонов: они-де считали меня хорошей девочкой и теперь страшно разочарованы.

— Только не надо притворяться, — сказала я. — Я никогда вам не нравилась. И кстати, если вы вдруг ломали голову, меня зовут вовсе не Джессика, не Антонелла, не Барбара и не Блэр. Меня зовут Беатрис Хартли.

С этими словами я выстрелила из пистолета в потолок. По штукатурке мгновенно побежали тонкие трещины, которые дотянулись до каждого уголка и поползли вниз по стенам.

— Мы заплатим тебе, сколько захочешь, — плачущим голосом пообещала миссис Мейсон, с тревогой глядя на потолок.

И тут я почувствовала, как приближается пробуждение. Я положила пистолет и без единого слова вышла прочь. Перепуганные, остолбеневшие Мейсоны провожали меня взглядом. Пробегая мимо бассейна, я увидела, как две полицейские машины ползут по головокружительно закрученной подъездной дорожке. Из одной высунулся полицейский и что-то закричал мне по-гречески.

Я бросилась к краю утеса.

Едва я остановилась, как скала подо мной начала проседать и осыпаться, точно я была весом с дом, точно во мне было десять миллионов тонн. Огромные валуны сами собой выкорчевывались из земли. Я с криком шагнула в пустоту, и в то же самое мгновение земля ушла у меня из-под ног. Я камнем падала вверх тормашками, так быстро, что легким не хватало воздуха. В вышине кружилось синее небо. Я зажмурилась, пытаясь привести в порядок мысли и думать об Уинкрофте, о том дне, когда я впервые приехала туда после годичного перерыва, но в голове почти сразу промелькнуло что-то еще.

Какая-то ассоциация. Нечто едва уловимое, заусенец на краю сознания.

Я уже видела это. Дважды.

Я попыталась отделаться от этой мысли. Сухая трава, кусты и кипарисы кувыркком неслись мимо меня. Крича, я открыла глаза и увидела сквозь пыль весь утес целиком. Потом дом начал разваливаться прямо на глазах, и огромная масса битого стекла, стали и камня понеслась на меня и накрыла, увлекая к морю.

Было уже слишком поздно.

Глава 21

— Милая, ты в порядке?

Кто-то тряс меня за плечо.

Мои глаза распахнулись. Я с криком вскинула голову.

Крупная женщина с рыжими волосами и ярко покрашенными глазами смотрела на меня сверху вниз, явно взволнованная до полусмерти. На ней был розовый козырек с картинкой: мультяшный цыпленок с сердечком на груди.

— Прости, милая, здесь нельзя спать. Хочешь, я кому-нибудь позвоню?

Я огляделась по сторонам. Деревянная кабинка в переполненном ресторане быстрого питания. Люди вокруг меня ели жареных цыплят с картошкой фри и пили молочные коктейли. Стены были оклеены обоями в сердечках и фотографиями парочек, целующихся и держащихся за руки. Хлопая глазами, я недоуменно стала рассматривать бумажную подложку на подносе перед собой.

«Жареные цыплята Алонсо. Приготовлены с медом и любовью. Один кусочек — и вы влюблены».

— Где... где я? — выдавила я.

— В Ньюпорте. Я могу позвонить твоей маме. Или в ночлежку?

Я покачала головой и с трудом выбралась из-за стола. И лишь тогда потрясенно осознала, что на мне моя старая форма из Дарроу: белая блузка, зеленая юбка из шотландки, черные колготки и обшарпанные полусапожки от Стива Мэддена, которые я носила все четыре года, пока училась в школе.

— Seriously, я могу кому-нибудь позвонить.

Я приложила руку ко лбу, где пульсировала боль, и побрела прочь.

Что произошло? Почему мне не удалось попасть в Уинкрофт? Потом я вспомнила мысль, промелькнувшую в голове, пока я летела с обрыва.

Это были слова Виды о том, куда она подвозила Джима.

«Какой-то дурацкий район. Вокруг куча долларовых магазинчиков. Зоомагазин. На парковке чувак в костюме цыпленка раздавал шарики в форме сердечек».

«А зачем Джим отправился туда?» — спросила Марта.

«Может, он хотел поесть жареной курицы и купить ручную игуану? Я-то почему знаю?»

Жареных цыплят с сердечками я видела еще раз — на скидочном

купоне в пустом досье Джима.

«Пять долларов скидки от Алонсо на ведро жареных цыплят. Приготовлены с медом и с любовью! Для тебя и твоей половинки!»

И еще один раз я видела что-то похожее — в электронном письме, найденном в почте Эдгара Мейсона. Владелец ресторана просил еще один заем. «Понимаю Ваше беспокойство, но сейчас пора расширять линейку готовых замороженных обедов из жареных цыплят с романтическими названиями вкусов».

Еле держась на ногах, я прошла мимо кассира и уставилась на запаянный в пленку рекламный плакат на прилавке:

НОВИНКА! Замороженные ужины из экологически чистого куриного мяса теперь можно купить в отделе заморозки ближайшего супермаркета! Попробуйте наш оригинальный вкус! Жареные цыплята мексико. Приготовлено с медом и любовью!

— Вы готовы сделать заказ, мисс?

Подросток за кассой смотрел прямо на меня. Изобразив улыбку, я толкнула дверь, выбралась наружу и ухватилась за автомат по продаже газет. До меня не сразу дошло, что я смотрю на гигантского желтого цыпленка из мультика, раздающего прохожим надувные сердечки. Одноэтажный торговый центр выглядел в точности так, как его описала Вида. По парковке слонялись какие-то мутные личности.

Я наклонилась к автомату и проверила дату на газете.

Пятница. Четырнадцатое мая. Прошлый год.

У меня получилось. Не зря же я помнила тот вечер, когда провожала взглядом Джима, уезжающего с Видой, так отчетливо, будто это было вчера.

Мимо меня прошел пожилой мужчина, толкавший перед собой тележку с покупками.

— Прошу прощения, — спросила я. — Не подскажете, сколько сейчас времени?

Тот посмотрел на часы:

— Двенадцать сорок девять.

Вида сказала, что высадила Джима из машины в девятом часу вечера, а значит, мне нужно было убить около восьми часов. Я надеялась, что пробуждение не закончится раньше. Если Джим вообще *появился* здесь.

Надежды было немного. И этот вариант развития событий выглядел далеко не худшим. Тот, кто изъяс бумажки из дела Джима в полицейском участке Уорика, не обратил внимания на купон, но вдруг он в самом деле был уликой? Вдруг он оказался в деле Джима из-за того, что детективы

отслеживали его передвижения в последние дни жизни и обнаружили, что он должен появиться здесь, в этом торговом комплексе, в этом ресторане?

Голова все еще болела. Я прошла по крытой галерее мимо винного магазина, мимо «Доллар-Марта», мимо зоомагазина «Лучший друг человека». Нужно было во что-то переодеться. Ресторанчик совсем маленький, и если Джим появится, он заметит меня еще с порога. Но у меня не было денег, чтобы купить одежду. Я смотрела на людей, которые приходили и уходили, на мужчин в застиранных футболках, заскакивавших в винный магазин, на женщин, тянувших за собой детишек, на согбенную старуху, толкавшую тележку. Из канцелярского магазина вышла улыбающаяся женщина с померанским шпицем на поводке, и я приблизилась к ней.

— Прошу прощения, мэм... Надеюсь, вы сможете мне помочь. Мне нужно сменить одежду...

Женщина с потрясенным видом подхватила собачонку и запрыгнула в машину.

В конце концов я принялась заглядывать во все магазины торгового центра, самым наглым образом проходя через двери с надписью «Служебный вход» в подсобки, чуланы и разгрузочные зоны, чтобы посмотреть, не найдется ли чего-нибудь подходящего для меня. В итоге мне удалось стащить из «Лучшего друга человека» пару рабочих брюк, а из шкафа в подсобке магазинчика «Стоп энд шоп» — толстовку с капюшоном. Бейсболку я попросила у пожилого мужчины, который стоял у морозильника, выбирая мороженое. Видимо, во взгляде у меня сквозило что-то предельно отчаянное, странное или потустороннее, потому что он отдал мне ее без единого слова и поспешно покатыл прочь свою тележку.

Я забежала в китайский ресторан «Фу Мао нудл», переоделась в туалете, а по пути обратно прихватила из миски у кассы пригоршню печений с предсказаниями. Устроившись на скамейке перед зоомагазином, откуда было видно парковку, я принялась есть их, будучи не в силах прогнать холодящий ужас из груди. «Маленькие возможности — основа великих начинаний». «Ты сам творишь свою судьбу». «Долгое путешествие начинается с одного шага». Мне пришлось трижды пересаживаться: скамейки начинали трещать и ломаться подо мной, одна даже разломилась пополам.

Чем дольше я ждала, тем сильнее меня одолевал страх того, что мои предположения верны и Джим в самом деле появится. А вдруг он договорился встретиться здесь с другой девушкой? Что терзало его, что могло быть настолько предосудительным, раз он не мог рассказать мне об

этом? Чего он так боялся?

В пять минут девятого на парковку въехал помятый «ниссан» Виды с объявлением «Продается» под задним стеклом. Он остановился перед рестораном Алонсо, пассажирская дверца открылась, и оттуда вышел Джим. Черная футболка. Джинсы.

Я отчетливо видела сидевшую за рулем Виду. Джим вошел в ресторан. Вида немного подождала, словно хотела убедиться, что он не выйдет. Потом уехала, как она и говорила. Я выждала еще минуту, а затем прокралась по крытой галерее, не обращая внимания на то, что каждую колонну опоясывает зловещая черная плесень, и поглядела сквозь стеклянную дверь. Джим стоял у прилавка, спиной ко мне.

— Позвоните ему еще раз, — донесся до меня его сердитый голос.

Женщина, с которой он разговаривал — та, что растормошила меня, — явно

была озадачена.

— Я только что с ним говорила. Сказал, что сейчас подойдет.

— Позвоните еще раз.

Перепуганная женщина взяла телефон и начала набирать номер.

— Говорит, что сейчас подойдет.

Несколько секунд спустя из подсобного помещения появился смуглый темноволосый мужчина с густыми усами — худощавый, лет сорока с хвостиком, с добрым лицом.

— Джим! Сколько лет, сколько зим. Как поживаешь?

— Нам надо поговорить.

— Меня люди ждут на телефоне. Может, придешь после закрытия?

— Нет, поговорим сейчас.

Обескураженный мужчина жестом пригласил Джима идти за ним, и оба скрылись в подсобке. Я подождала еще минуту и последовала за ними. Помедлив, пока не хлопнула еще одна дверь, я прошмыгнула в подсобку. Прямо передо мной была кухня. За ней, похоже, находился офис. Дверь была закрыта, но выглядела довольно хлипкой. Приникнув к ней ухом, я без труда различила слова.

— ЕЩЕ РАЗ СПРАШИВАЮ: КТО ТАКАЯ ЭСТЕЛЛА ОРНАТО?

— О чем ты вообще?

— ОБ ЭСТЕЛЛЕ ОРНАТО!

— Это... ну, в общем, да, это моя дочь...

— И?..

— И?..

— Четыре года. Она погибла в прошлом году. Это освежит вашу

память?

— Джим, пожалуйста, давай не здесь...

— НЕ БЕРИТЕ ТРУБКУ, А НЕ ТО...

— Джим...

— МНЕ КТО-НИБУДЬ СКАЖЕТ ПРАВДУ ИЛИ НЕТ?

— Кто тебе рассказал? Откуда ты это взял?

— Ваш брат написал мне письмо. ЭСТЕЛЛА ПОГИБЛА НЕ В АВАРИИ...

— Джим... *Джим...* А теперь выслушай меня, пожа...

Голоса умолкли. Что-то тяжелое с грохотом полетело в дверь.

— РАССКАЖИТЕ МНЕ ПРАВДУ, А НЕ ТО, КЛЯНУСЬ БОГОМ...

— Прошу прощения, — раздался у меня за спиной женский голос. — Вы не имеете права здесь находиться.

Я обернулась. Та самая рыжеволосая женщина. Она с негодованием смотрела на меня, уперев руки в бока.

— У меня собеседование с вашим менеджером, — выпалила я первое, что пришло в голову.

Женщина недоверчиво сощурилась. Из-за двери снова раздался оглушительный грохот, и она, немедленно забыв обо мне, поспешила вернуться в кухню, чтобы посоветоваться с парнишкой за кассой.

— ЭТО ВСЕ ОПЛАЧЕНО ДЕНЬГАМИ МОЕГО ОТЦА? И ЭТО ТОЖЕ? И ЭТО?

Послышался пронзительный крик, потом стон. Встревоженная, я толкнула дверь, ворвалась в офис и увидела, как Джим швырнул в мистера Орнато сумкой с клюшками для гольфа. Тот скорчился на полу в позе эмбриона. Джим ногой ударил его в живот.

— Джим! — подала голос я.

Он в изумлении обернулся. Рыжеволосая официантка, отодвинув меня в сторону, влетела в офис:

— Боже мой! Мистер Орнато! Вы ранены? Я звоню в полицию!

— Нет-нет, не надо, все в порядке. — Хрипло дыша, он уселся на полу. Волосы у него были всклокочены. — Не надо полиции. Это всего лишь недоразумение. Возвращайтесь к работе.

Джим утер лицо тыльной стороной локтя и мутным взглядом обвел разгромленную комнату.

А потом разрыдался. Я подошла к нему и обняла.

— Пойдем отсюда, — прошептала я ему на ухо.

Мы сидели на обочине тротуара перед «Фу Мао нудл». По дороге в сгущающихся сумерках проносились машины, небо мало-помалу

становилось чернильно-синим, светофор смотрел на нас то красным, то зеленым, то желтым глазом. Маленькие черные пташки садились на провода и упархивали прочь, скрипели разболтанные колеса магазинных тележек. Вокруг шла своим чередом обычная размеренная жизнь: торговые автоматы выплевывали жестянки с лимонадом, грузчики выходили на перекур, машины въезжали на парковку и покидали ее.

Я рассеянно наблюдала за этим, а Джим рассказывал мне обо всем.

Я потрясенно слушала. Теперь все встало на свои места: одержимость его отца безопасностью, рассеянность и мрачность самого Джима, его решение никому ничего не говорить, даже мне. Если бы он сразу сказал мне правду, изменило бы это что-нибудь? Был бы он сейчас жив?

Виной всему был тот самый несчастный случай. Джим с другом решили покататься на катере по заливу Мекокс и столкнулись с рыбацкой лодкой. Когда Джим очнулся в больнице, он услышал эту историю от своих родных и полицейских — историю, подтвержденную и заметками в «Ист-Хэмптон стар». Кроме Джима, никто не пострадал.

Рыбаком оказался не кто иной, как Алонсо Орнато, владелец рестораника. Но это была не вся правда. В лодке вместе с Алонсо сидела его четырехлетняя дочка Эстелла, которая погибла при столкновении.

Джиму светило обвинение в убийстве по неосторожности. Но ему еще не исполнилось восемнадцати, а у его отца имелись обширные связи. Все это вылилось бы, даже притом что он был пьян, максимум в несколько месяцев, если не недель, в исправительном заведении для несовершеннолетних. Потом его выпустили бы под надзор полиции.

Однако Мейсонам это не подходило.

Никакого инцидента не было, постановили они, решив вычеркнуть его из истории и переписать прошлое. С Алонсо Орнато заключили сделку: Мейсоны заботятся о нем и его родственниках до конца жизни каждого — ежемесячное содержание, новые дома и машины, престижные университеты для всех остальных детей, неограниченные займы для целей бизнеса — в обмен на то, что Эстеллы не было в лодке в тот день.

Мистер и миссис Мейсон провернули все с помощью «Торчлайт». Машину Алонсо столкнули с деревом, искусно нанеся ей все необходимые повреждения так, чтобы у полиции не возникло вопросов.

— Они подтерли все следы, — сказал Джим. — Подчистили всю гниль так, будто ничего не было. Чтобы ничто не просочилось наружу. Все ради меня. Лишь бы не было огласки. Лишь бы меня не мучили угрызения совести. Я мог продолжать жить, не испытывая чувства вины. Мог порхать по жизни навстречу блестящему будущему. — Он уставился в асфальт

невидящим взглядом. — Они даже не подозревают, что уничтожили меня.

Я коснулась его локтя:

— Это неправда. Ты еще можешь что-нибудь сделать.

«Зачем ты врешь? — прошелестел в моей голове тонкий голосок. — Что он теперь может сделать? Он мертв».

— Что, например, Би? Я не могу думать ни о чем другом. Поэтому мне так тошно, поэтому я не могу выдавить из себя ни одной приличной строчки. Я никогда в жизни не подойду ни к одному инструменту. Потому что их яд внутри меня. — Он принялся лупить себя по голове кулаком, и я схватила его за руку. — Они убили меня, как ты не понимаешь?

— Ты можешь обратиться в прессу. Сдать их полиции.

Он горько рассмеялся:

— Ну конечно. Я их сдам. Это решит все проблемы. Моя семья будет уничтожена. Мои братья и сестры станут детьми преступников. Весь мир будет презирать нас. Мы станем символом полной безнравственности. И все это ради того, чтобы успокоить мою больную совесть. Кому от этого будет лучше? Ту девочку все равно не вернешь. Это самое худшее. И ни шиша тут не сделаешь. Я тысячу раз об этом думал.

Он снова заплакал, обхватив голову руками.

Я устремила взгляд на парковку, испытывая странное ощущение безысходности и спокойствия одновременно. Джим прав. Даже если он был жив, а этот момент реален, что он мог сделать? Основать фонд памяти Эстеллы? Написать обо всем мюзикл? Ужас заключался в том, что поступок Мейсонов был ядовитым газом, пропитывавшим все вокруг.

Мы сидели, держась за руки, и молча смотрели прямо перед собой.

Казалось, мы оба сняли розовые очки и впервые поняли, что мир никогда не был таким прекрасным, каким мы его представляли. Утраченная иллюзия, к которой нет возврата.

— У меня есть хотя бы ты, Беатрис, — сказал Джим, сжимая мою руку. — Ты мое спасение.

«Вот только меня у тебя нет. Меня вообще нет в живых. И тебя тоже. Мы призраки. Мы — воздух. Мы — аппроксимации».

В горле у меня стоял соленый ком. Хотелось рыдать — оплакивать Джима и себя. Ноги уже начали наливать свинцом. Приближалось пробуждение. Я не знала, сколько еще осталось. Время, похоже, стало течь сквозь меня быстрее, чем раньше. Казалось, что мозг плавится.

Джим нахмурился, глядя на меня, — наверное, задался вопросом о том, как я узнала, что он будет здесь. Потом до меня дошло, что он заметил черную плесень на растрескавшемся бордюрном камне под нами и асфальт,

который бесшумно рассыпался под нашими подошвами.

Я с усилием поднялась на ноги и посмотрела на Джима. Мне было просто необходимо спросить его об этом.

— Ты ведь не станешь делать ничего ужасного из-за этого?

Он прищурился, глядя на меня.

— Не выкинешь свою жизнь в помойку?

— Ты имеешь в виду самоубийство?

Предположение явно оскорбило его.

«Нет».

— Мне нужно идти.

Я развернулась и бросилась бежать. А когда он закричал мне вслед: «Беатрис, куда ты?», я запрокинула голову, обернулась и с диким хохотом крикнула:

— Я люблю тебя, Джим Мейсон! И всегда любила.

Я выскочила с парковки на шестиполосное шоссе. Водители засигналили. Какая-то женщина опустила стекло и заорала на меня:

— Уйди с проезжей части! Милая, что ты здесь делаешь? Милая!

Я слышала, как Джим зовет меня по имени. Закрыв глаза, я шагнула под цементовоз.

30 августа. Уинкрофт. 18:12. — Беатрис? Би! Беатрис!

Глава 22

Марта, Кип и Уитли ждали меня в библиотеке. Кэннона нигде не было видно.

— У тебя получилось, Би! — сказала Уитли, обнимая меня.

— Что произошло после того, как мы скрылись? — поинтересовался Киплинг.

Я ничего не ответила. Молча пройдя мимо них, я направилась напрямиком в спальню на втором этаже. Несколько минут спустя, когда мои подозрения подтвердились — я нашла то, что искала, — я спустилась обратно вниз и объяснила им, где побывала. Я рассказала о том, как провела связь между

упомянутым Видой человеком в костюме цыпленка, раздававшим шарики-сердечки, купоном на скидку в ресторане, который остался в деле Джима, и письмом в электронной почте Эдгара Мейсона.

Я рассказала об Эстелле Орнато.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Уитли открыла свой ноутбук и погуглила это имя, потом зачитала вслух скудную информацию о гибели Эстеллы, которую выдал поиск, — четыре предложения в «Саут-Шор сентинел».

— «Стало известно имя четырехлетней девочки, погибшей в среду вечером во время автомобильной аварии в Уотер-Милле», — прочитала она.

— С. О., — сказала я, обращаясь к Марте. — Думаю, это сын Алонсо Орнато.

Разумеется, поиск по словам «Орнато» и «Принстон» выдал страницу на «Фейсбуке»: Себастьян Орнато, перешедший на второй курс. Вверху красовалась фотография Себастьяна в толстовке с эмблемой Принстона. Он был снят в университетской библиотеке, с улыбкой от уха до уха и растопыренными в победном жесте пальцами.

— Бедняжка уверен, что попал в Принстон совершенно самостоятельно, — сказал Киплинг.

— Не могу в это поверить, — мрачно сказала Уитли. — Я знаю, что семейство Джима способно на что угодно. Но стереть существование целого человека? Инсценировать новую смерть, которая выглядит более презентабельно и приемлемо для всех причастных? И при этом выйти сухими из воды?

— Это доказывает, что смерть Джима была самоубийством, — сделав глубокий вдох, заметил Киплинг. — Джим, наверное, чувствовал себя таким одиноким. Таким потеряннным. Поэтому он взял велосипед, поехал на карьер и спрыгнул с обрыва.

— Я так не думаю, — отозвалась я.

Все с изумлением обернулись на меня. Я пересказала им то, о чем Джим поведал мне на парковке.

— Если это не самоубийство, что же случилось? — спросила Уитли.

Я порылась в кармане и, вытащив оттуда булавку со шмелем, положила ее на кофейный столик. Глаза Кипа расширились.

— Что это, малышка?

— Джим подарил ее мне в первый учебный год.

— А, точно, — подала голос Уитли.

— Разве ее у тебя не украли? — спросила Марта.

Я кивнула.

— Я только что нашла ее наверху, в шкатулке Уитли.

Уитли, побледнев, впилась в меня взглядом.

— Это ты ее украла, — обратилась я к ней. — Я знаю, что это ты. Ты же у нас известная клептоманка. Разве не так?

— Би, мне так жаль...

— Ты об этом даже не задумываешься. Не думаешь о том, что поступки, которые ты совершаешь походя, причиняют боль другим. Быть твоей подружкой не слишком-то сладко. И так было всегда. Но я все равно тебя люблю.

Не обращая внимания на ошарашенный вид Уитли, я объяснила, что за мгновение до пробуждения мне в шею воткнули булавку и я отправилась в прошлое с мыслью о Джиме.

— Это не я, Би, — сказала Уитли. — Клянусь тебе!

— Я знаю. Это Кэннон.

Все разинули рот.

— Он знал, что булавку взяла ты, поэтому стащил ее из твоей шкатулки в первую ночь, когда мы изменили пробуждение. Он хотел сбить меня с пути, а вас всех отправить в вечные блуждания между измерениями. Он не хочет покидать Никогда.

— Думаешь, он имеет отношение к гибели Джима? — спросила Марта.

— Пока не знаю.

— Похоже, Би говорит правду, — с сомнением на лице произнес Киплинг. — Кэннон знает, что мы договаривались в случае чего

встретиться здесь. Где же его носит?

— Он скрывается где-то в прошлом или в будущем, — сказала я. —

Вообще, есть только один способ окончательно выяснить, что случилось с Джимом.

С минуту все молчали, без сомнения думая об одном и том же.

— Нет, — наконец произнесла Марта, качая головой. — Нет. Об этом не может быть речи, Би. Нет.

— Это вовсе не так опасно, как ты считаешь, — возразила я.

— Еще как опасно.

— Я уже делала это. Отправилась в куда более далекое прошлое, на пять лет назад, случайно. Фишка в том, что в прошлом ты не встречаешься с самим собой. Дублей не бывает. Если ты прибываешь туда, твоё прошлое «я» уходит, уступая место тебе сегодняшней.

Марта прямо-таки кипела от ярости:

— Сколько времени сейчас длятся твои пробуждения?

Я пожала плечами.

— Наши — всего четыре часа. — Она покачала головой. — С каждым разом все короче и короче. И дальше будет только хуже. После каждого прыжка в прошлое или будущее шансы на единодушное голосование становятся все более призрачными. Как ты не понимаешь?

Она бросила это мне в лицо с такой яростью — глаза вытаращены, очки съехали с переносицы, — что я захлопала глазами от неожиданности. И Уитли с Киплингом тоже.

Марта умолкла, явно смущенная собственной вспышкой.

— Сколько времени сейчас длятся твои пробуждения? — спросил меня Киплинг.

— Часов шесть.

— Этого хватит, чтобы попробовать?

Марта ничего не сказала, угрюмо глядя себе под ноги.

— Допустим, мы прибудем на карьер к часу ночи, — сказала я. — Даже если ваше пробуждение длится четыре или три часа, я почти уверена, что мы успеем все увидеть и узнаем, что случилось с Джимом.

Меня тут же кольнуло воспоминание о его последнем сообщении, отправленном в 23:29.

«Я иду на карьер. Приходи».

Они по-прежнему ничего не знали о сообщениях от Джима. А я не собиралась говорить об этом.

— Давайте так и сделаем, — согласилась Уитли.

Пока мы втроем обсуждали технические подробности смены

пробуждения, Марта молчала, сгорбившись в уголке дивана. На ее лице застыла смесь негодования и безысходности. Похоже, мое предложение отправиться на карьер, чтобы раз и навсегда получить ответы на все вопросы, шло вразрез с ее коварным замыслом. Оно лишило ее контроля над нашей группой, но я могла лишь догадываться о том, что так беспокоило ее и как это могло сказаться на голосовании.

Глава 23

Когда я пробудилась, надо мной было ясное ночное небо, усеянное звездами; в ушах раздавался оглушительный стрекот цикад. Я лежала в густой траве, и ее длинные, острые, точно бритва, лезвия резали мои голые руки. На мне была моя старая школьная форма. Я подняла голову и с невыразимым облегчением поняла, что нахожусь на карьере. Но облегчение почти сразу же сменилось удушающим страхом.

Всего в нескольких шагах от меня виднелась ржавая сетчатая изгородь. Я посмотрела на часы.

Две минуты второго.

Преодолевая головокружение, я поднялась на ноги и огляделась по сторонам.

Поблизости никого не было видно.

Я принялась ощупью пробираться вдоль изгороди, путаясь в траве и раздирая кожу об острые, точно колючая проволока, узловатые ветки ежевики. Впереди показался желтый проржавевший знак «Посторонним вход воспрещен». Где-то тут была дыра, которой мы всегда пользовались. Я нагнулась, раздвигая траву, и принялась шарить руками по земле. Нащупав дыру, я пролезла через нее внутрь.

Далеко впереди на фоне ночного неба вырисовывалась бригадирская вышка. Я поежилась, подавляя подступившую к горлу тошноту. Старая деревянная конструкция в темноте казалась заброшенной космической станцией.

— Би! — прошипел кто-то у меня за спиной.

Я стремительно обернулась. С той стороны изгороди мне махала рукой Уитли. За ней стоял Киплинг, чья макушка едва выглядывала из моря травы. Я показала им, где дыра, и несколько секунд спустя они присоединились ко мне.

— А где Марта? — спросила я.

— Пропала, — ответил Киплинг, поднимаясь на ноги.

— Что?!

— Она соскочила.

— Только что была рядом, — покачала головой Уитли. — А через секунду исчезла.

— Марта с самого начала не хотела здесь появляться, — сказал Киплинг. — Вот и не появилась.

Мы обеспокоенно переглянулись. Куда она отправилась? Решила, подобно Кэннону, спрятаться в прошлом или в будущем, страшась того, что нам предстояло узнать?

Вопросов было очень много, но искать ответы было некогда. Не сейчас.

— Нам нужно найти укрытие, — прошептала я. — У входа в шахты, среди травы, должна лежать большая бетонная труба. Можно забраться туда.

Уитли нахмурилась:

— Может, лучше в старой геодезической конторе у дороги?

Я покачала головой:

— Слишком очевидный вариант. Джим может нас увидеть. Тогда мы вмешаемся в прошлое и не узнаем, что с ним случилось.

— Значит, бетонная труба, — с загадочной ухмылкой подытожил Киплинг.

Мы принялись прокладывать путь сквозь бурьян, чтобы выбраться на дорогу. От нее почти ничего не осталось, кроме обломков булыжника и гравия, ну и трава там была только по колено. Когда мы оказались на дороге, я заметила, что Киплинг понемногу отстает от нас с Уитли, а на лице его застыло странно-безрадостное выражение. Увидев, что я его жду, он вскинул голову и растянул губы в фальшивой улыбке.

— У тебя все в порядке? — спросила я.

— Ну разумеется, малышка. Лучше и быть не может. Не каждый же день выпадает шанс увидеть, как убивают твоего друга.

Я положила руку ему на плечо, чтобы приободрить, и притянула к себе. Мы побрели дальше, продираясь сквозь заросли под оглушительный визг цикад, — казалось, прямо в ушах затачивают миллионы ножей. А в голове у меня мигали огненные буквы, которые складывались в вопрос: «Откуда он знает, что Джима убили?» Киплинг ляпнул это не задумываясь.

Как будто знал наверняка.

Киплинга же его прокол, казалось, ничуть не заботил, и я задумалась, действительно ли это был прокол. Известно ли ему что-нибудь? Или он просто озвучил свои подозрения?

За несколько минут мы добрались до центра зоны карьера, где старая дорога делала резкий поворот, огибая геодезическую контору, хозяйственные постройки и бригадирскую вышку. Вышка держалась на четырех массивных стальных опорах, усиленных расположенными крест-накрест балками. Посередине шла до самого верха деревянная лестница, напоминавшая артритный позвоночник. Вдоль дороги стояли также

временки для рабочих, превратившиеся, по сути, в груды полусгнивших сосновых бревен, и рухнувший подъемный кран, похожий на останки гигантского голубого кита.

Мы остановились и принялись с тревогой озираться по сторонам. Все вокруг совершенно одичало и заросло — сильнее, чем мне помнилось. Цикады стрекотали во все более ускоренном темпе, словно то был пульс самой ночи, насмерть перепуганной, на грани нервного срыва.

Вокруг не было видно ни души.

Ни Джима, ни кого бы то ни было еще.

Внезапно на меня накатил волна тошноты, и меня вывернуло прямо в траву.

— Бедная Би, — сказала Уитли, убирая с моего лица прядь волос, прилипших к щеке. — Может, лучше бросить эту затею и вернуться назад?

Я покачала головой:

— Все нормально.

Не обращая внимания на встревоженный взгляд Уитли, я двинулась мимо нее сквозь бурьян. Мы не сразу нашли тридцатифутовую бетонную трубу, лежавшую всего в нескольких шагах от края карьера. Приблизившись к обрыву, я в нерешительности остановилась, опасаясь, как бы земля под ногами не начала осыпаться, но она выдержала. Я вытянула шею и посмотрела вниз, чувствуя холод в груди из-за внезапного перехода от земли к абсолютной пустоте.

Берег отвесно уходил вниз на триста футов, образуя огромный кратер, похожий на вырубленный в скале стадион. Где-то там, далеко внизу, в лунном свете поблескивала вода.

— Сестра Би, — прошептал Кип, подойдя сзади и остановившись рядом со мной, — у меня есть странное ощущение, что смерть будет примерно такой.

Его голос, зловеще-монотонный, поднял во мне волну страха. Я в каком-то оцепенении подумала о том, что буду делать, если он сейчас столкнет меня вниз.

— Ты будешь падать все дальше и дальше, и так без конца. Понимаешь?

Он смотрел на меня, скупно растянув губы в неискренней улыбке. Я сглотнула, едва дыша.

— Смотрите! — подала голос Уитли.

Я обернулась. Она стояла, прислонившись к трубе, и куда-то показывала. Высоко в кабинке деревянной вышки горел крохотный зеленый огонек — керосиновая лампа, которую один из учеников притащил туда

много лет назад.

Никто из нас не сказал ни слова. Вывод был совершенно очевиден: на вышке кто-то побывал. А может, даже находился там прямо сейчас.

— Пойду и посмотрю, кто там, — сказала Уитли.

— Нет! — вскинулась я.

— Но почему? Я хочу узнать, Джим там или...

— Он тебя увидит. Если ты вмешаешься, мы не узнаем, что случилось на самом деле...

— Давай я хотя бы посмотрю, нет ли там его велосипеда.

— Не надо!

Я схватила ее за руку.

— Би, да что с тобой сего... Прекрати!

Она выдернула руку и двинулась прочь, но вдруг остановилась как вкопанная: поблизости затрещали кусты, точно кто-то продирался сквозь них.

Мы как замороженные смотрели на черноволосую макушку, движущуюся в нашем направлении.

Это Джим! На меня накатила удушающий ужас.

Бурьян задрожал и заколыхался. Из зарослей показалась Марта.

Мы вытаращились на нее разинув рот. От ее ядерно-голубых волос не осталось и следа. Она стала точно такой же, какой была в Дарроу: темные волосы, небрежно собранные в хвост, не по размеру большая оксфордская рубашка.

— Откуда ты взялась? — спросил Киплинг.

— Мы думали, ты нас бросила, — сказала Уитли.

— Ну да. Простите. — Марта поправила очки. — Наверное, перед пробуждением я представила карту всего карьера, поэтому оказалась не у южной изгороди, вместе с вами, а у восточной, позади блинной. Пришлось топтать целую милю. — Она перевела дух. — Видели что-нибудь?

— Только вон тот огонек, — указала на вышку Уитли.

Сощурившись, Марта посмотрела туда и, судя по всему, ничуть не удивилась.

— А ты никого не видела по дороге? — спросила я ее.

Она покачала головой.

И тут я заметила, что Марта взмокла. Пропотевшая рубашка липла к телу. Волосы приклеились ко лбу. Прогулка вокруг карьера не вымотала бы ее до такой степени. Марта говорила неправду.

Заметив мой пристальный взгляд, она растянула губы в улыбке и проскользнула мимо меня к трубе, утирая лоб.

— А теперь что? — прошептала она.

— А теперь будем ждать, — сказала я, устраиваясь рядом с ней.

Машина подъехала в час тридцать.

Сначала мы слышали ее и только потом увидели. Стучащий колесный диск. Включенное на полную громкость радио. Мы умолкли, стоя за трубой плечом к плечу. Лучи фар скользнули по траве, потом из-за поворота медленно показался красный «ниссан», пополз по дороге, подпрыгивая и гремя на ухабах, и затормозил перед вышкой. Я не могла разглядеть, кто сидит за рулем, но прочла объявление «Продается» под задним стеклом.

— Вида Джошуа?! — изумленно прошептала Уитли.

Шум мотора умолк. Белые мотыльки кружили в свете фар. Радио тоже стихло. На некоторое время воцарилась тишина. Потом водительская дверца открылась, и из машины вышел человек.

Когда я увидела, кто это, по спине у меня пробежал электрический разряд.

Кэннон.

На нем были джинсы и его старая хакерская толстовка с капюшоном. Пробравшись сквозь траву, он исчез в ветхом здании геодезической конторы, покосившейся хижине с жестяной крышей, но через минуту появился вновь, явно чем-то взволнованный. Вернувшись к машине, он отправил кому-то сообщение и стал дожидаться ответа, то скрещивая руки на груди, то опуская их. Я смотрела на Кэннона и думала о том, как он оказался за рулем машины мистера Джошуа, обычно стоявшей на задворках музыкальной школы, если ее не брала Вида. Потом я вспомнила, как они с Уитли вечно подворовывали на кампусе всякую мелочовку. Он взял машину без разрешения, чтобы приехать сюда и с кем-то встретиться.

— Эй! — позвал Кэннон. — Кто здесь?

Ответа не последовало.

Он перешел к передку машины и присел на капот, задумчиво устремив взгляд в освещенную фарами даль. Через десять минут ожидания Кэннон пришел в ярость. Нахмурившись, он огляделся по сторонам, потом, похоже, решил больше не ждать и, усевшись за руль, хлопнул дверцей. Взревело радио. Кэннон вдавил педаль газа, но колеса запутались в траве и буксовали. Он дал задний ход, машина вздрогнула и откатилась на несколько футов назад. Еще одно нажатие на газ, и «ниссан», рванув с места, на что-то наскочил. Кэннон слегка сдал вперед, потом вновь отъехал назад. Машина дернулась, натолкнулась на то же самое препятствие, преодолела его и заглохла.

Кэннон вышел, наклонился, заглянул под колеса.

И немедленно выпрямился. Потом снова нагнулся. Потом опять выпрямился.

Потом наклонился в третий раз.

— Нет. Нет. Нет. Нет. Нет!

Он запрокинул голову назад и завыл:

— Нет! Нет! Не-е-е-ет!

Озадаченная, я обернулась к Марте, Кипплингу и Уитли, которые молча наблюдали за этой сценой, стоя сбоку от меня. Похоже, они ничего не понимали, как и я.

Пробормотав что-то, Кэннон опять нагнулся и попытался вытащить этот предмет из-под колес. Несколько минут мы видели только колышущийся бурьян.

Когда он снова разогнулся, до нас донеслись странные звуки, будто Кэннон плакал. И тут я увидела, что он держит в руках.

Твидовая кепка. Кепка Джима.

Нет. Все это напоминало дурной сон.

Кэннон плюхнулся на сиденье и после нескольких попыток выехал задним ходом, развернувшись в три приема. Он уже собирался покинуть это место, как вдруг в его голову, видимо, пришла какая-то мысль: машина дернулась, затем остановилась, и он снова выбрался наружу.

Некоторое время он стоял неподвижно, точно погрузился в транс.

Потом он подошел вплотную к тому, что вытащил из-под колес. Лишь теперь, забравшись на трубу, чтобы лучше видеть, я с изумлением и ужасом поняла, что это было вовсе не бревно. Это был Джим, мой Джим. Он лежал на боку. Джинсы его были залиты кровью. Кэннон опустил на землю и бережно положил его голову себе на колени. Он посидел несколько минут, склонившись над Джимом и что-то нашептывая, потом вновь поднялся на ноги и вытащил из кармана телефон.

— Перезвони. Мне нужна твоя помощь. Сейчас. Пожалуйста, перезвони мне. Пожалуйста. Пожалуйста.

Он повторял «пожалуйста» высоким, пронзительным голосом, срывающимся на плач. Слышать это было невозможно. Вся решимость Кэннона, вся легкость, с которой он решал свои и чужие проблемы, все его невозмутимое упорство, все, что для меня так же прочно связывалось с ним, как волны с океаном, а облака с небом, — все это куда-то испарилось. Перед нами был совершенно другой человек.

— Мне нужна твоя помощь. Мне нужна твоя помощь, и быстро. Пожалуйста, приезжай. Пожалуйста.

Ему никто не ответил. Кэннон вновь уселся на водительское сиденье и

какое-то время сидел в крошечной темноте под аккомпанемент тарахтящего мотора и орущего радио.

Через пятнадцать минут он вышел из машины, явно имея какой-то план.

Это был прежний Кэннон, для которого не существовало неразрешимых проблем. Он взял Джима за лодыжки и поволок по траве, чертыхнувшись, когда с Джима слетел мокасин, рыдая от нежелания поверить в случившееся и от отчаяния. Затем он вытер локтем взмокшее лицо и продолжил свое дело.

Он подтащил Джима к краю обрыва. От нашего укрытия его отделяли считанные шаги.

Потом сбросил тело Джима в карьер, не прочитав молитвы, без малейшего колебания.

Тело, шурша, соскользнуло с обрыва, полетело вниз и ударилось о скалу. После этого наступила тишина, и лишь чуть погодя до нас долетел приглушенный всплеск, едва различимый сквозь пронзительный стрекот цикад.

Кэннон проводил тело взглядом и долго стоял неподвижно. Из-за игры света и тени щеки его казались запавшими.

Я уже было решила, что он готовится последовать за Джимом, чтобы разом покончить со всем.

Но он с тем же пустым взглядом развернулся, сел в машину и уехал прочь.

Мы не сразу смогли пошевелиться.

Я стояла на бетонной трубе в темноте, сердце мое гулко бухало, мозг кипел. Я слишком поздно поняла, что бетон у меня под ногами пошел трещинами. Внезапно вся конструкция рассыпалась с раздраженным фырчанием; Марта и все остальные отскочили назад, в траву, а я рухнула в груды обломков.

Уитли помогла мне подняться на ноги, наблюдая за тем, как я хватаю ртом воздух.

— Что за чертовщина? С тобой все в порядке?

Я кивнула, выбралась наружу и принялась отряхиваться. Некоторое время все стояли кругом, потрясенно глядя друг на друга.

— Но кому звонил Кэннон? — с ноткой возмущения прошептала Уитли. — Это ведь была не я. Я ничего этого не знала.

— Он звонил Киплингу, — сказала Марта.

Мы все обернулись к Киплингу. Он ответил нам виноватым, напряженным взглядом, странно изломив руки в локтях.

— Все так, — прошептал он. — Этот дьявол позвонил, и я ответил.

Он произнес это ровным тоном, с оттенком облегчения. Я с дрожью вспомнила многозначительные взгляды, которыми Киплинг с Кэнноном обменялись в библиотеке Уинкрофта во время рассказа о том, как Кипу удалось не вылететь из Дарроу. Они думали не о том, как Кэннону удалось это проверить, и не об обмане. Они думали об этой ночи и об их общей тайне.

— Я помог ему сбросить тело Джима в карьер, — сказал Киплинг.

Мы уставились на него.

— Как это? — спросила Уитли. — Мы же тебя не видели.

— «Темный дом у поворота», глава тридцать девятая, — прошептала Марта. — Ты никогда не встречаешься с самим собой ни в прошлом, ни в будущем.

Киплинг кивнул:

— Я должен был прийти сюда и увидеть это своими глазами. Я должен был узнать, кто решил сбросить Джима в карьер — я или Кэннон. Что произошло бы без меня — то же самое или нет? Я должен был узнать, кто из нас плохой парень, а кто еще хуже.

— А Кэннон не сказал тебе, зачем приехал сюда? — спросила Марта и закусила губу.

— Сказал.

— И зачем же?

Киплинг сдержанно улыбнулся и кивнул на Уитли:

— Может, спросишь у нее?

Та испепелила его взглядом. На мгновение показалось, что она сейчас завизжит и закатит свой фирменный скандал. Однако все закончилось вздохом.

— Кэннон был моим лучшим покупателем, — произнесла она.

— Ты о чем? — прошептала я.

— Об аддероле. Белый Кролик поставлял ему аддерол в неограниченных количествах. Кэннон трескал его, как драже «Тик-так». И до сих пор продолжает.

— И пока мы учились в школе, он даже не подозревал, что Белый Кролик — это ты? — спросила Марта.

Уитли покачала головой.

— Он узнал обо всем только после того разговора с Видой. Я так и не решилась рассказать ему.

Я вспомнила, как повел себя Кэннон, узнав, что Белым Кроликом была Уитли. Он пришел в ярость. Теперь я понимала почему: Уитли с самого

начала знала его секрет, а свой собственный скрывала от него.

— Так, давайте еще раз, сначала, — произнесла Марта. — В ночь гибели Джима Кэннон позвонил Белому Кролику с просьбой продать очередную партию аддерола, и ты отправила его сюда. — (Уитли угрюмо кивнула.) — Почему именно сюда?

Уитли покачала головой:

— Джим раскрыл меня за несколько недель до этого. После этого он не спускал с меня глаз, твердил, что я должна остановиться. Я боялась делать закладку на кампусе и решила, что удобнее всего оставить ее здесь, подальше от чужих глаз. Я сообщила Кэннону от имени Белого Кролика, что аддерол будет лежать в письменном столе внутри старой геодезической конторы. Но я не успела добраться туда вовремя. Миссис Лапинетти задержала меня, чтобы поговорить об экзамене по итальянскому. После этого я поспешила на карьер и сделала закладку, но в ту ночь Кэннон больше не появлялся.

— Когда ты вернулась сюда? — спросила Марта.

— В три ночи. Я ничего и никого не видела, клянусь Богом!

— Видимо, ты разминулась с ними буквально на несколько минут. —

Марта посмотрела на часы. — Когда тело Джима обнаружили в карьере, ты, очевидно, заподозрила Кэннона. Ты ведь знала, что он сюда приходил.

Уитли кивнула:

— Но я знала, что он сознательно не причинит Джиму зла.

Марта обернулась и, задрав голову, посмотрела на вышку:

— Значит, единственный вопрос, который остался невыясненным, — это...

Она умолкла и принялась грызть ноготь.

— Это?.. — поинтересовался Киплинг.

— Почему Джим внезапно оказался под колесами машины? — Марта решительно развернулась. — Пойдемте! — бросила она и, сделав знак следовать за ней, скрылась в траве.

Глава 24

Когда мы нагнали Марту, она сидела на корточках под вышкой. Я вскинула голову и с изумлением поняла, что лестница, по которой мы всегда забирались наверх, куда-то делась. И тут до меня дошло, что обломки лестницы разбросаны по земле.

— С ума сойти!

Марта потрясенно ахнула, пораженная неведомым нам открытием, потом поднялась и покачала головой:

— Просто невероятное стечение обстоятельств.

— Что именно? — уточнил Киплинг.

— Мама Грир была права.

— В чем?

— Относительно чумового совпадения.

Марта задумчиво перекатила носком кроссовки щепку, потом вскинула голову и устремила взгляд на платформу, темневшую в вышине у нас над головой.

— Бедный Джим.

Она в упор посмотрела на меня, и у меня по коже сразу побежали мурашки. К чему она клонит? Чего пытается добиться? Было темно, но глаза Марты за стеклами очков поблескивали — подвижные, живые.

— Все произошло на этом самом месте, — произнесла она. — Джим сходил с ума из-за того, что Беатрис поймала его на вранье в тот вечер, когда он уехал с Видой. И ел себя поедом из-за Эстеллы Орнато. Его идеальная жизнь в одно мгновение рухнула, и он сбежал сюда, как часто делал, когда хотел побыть в одиночестве или написать музыку. Он начал забираться на вышку, но лестница сломалась под ним. Тогда он ухватился за какие-то перекладины, но те не выдержали.

Марта наклонилась, чтобы рассмотреть обломки, и продемонстрировала дерево, которое почти превратилось в труху.

— Он упал. Высота немалая, пять-шесть этажей. Для большинства людей падение оказалось бы смертельным. Но Джим выжил.

— Как это? — прошептала я.

— Он был пьян. Именно поэтому выпившие водители часто выживают в автокатастрофах. Пьяные не напрягаются в ожидании удара. Тело остается расслабленным. И это спасает им жизнь. Джим пробыл без сознания около часа или двух, потом очнулся. — Марта сощурилась, глядя

на дорогу. — Видимо, услышал шум машины или увидел свет фар. А может, просто пытался добраться до велосипеда.

Марта перебежала через дорогу и, вытащив из травы велосипед Джима, бросила его к нашим ногам с видом фокусника, извлекающего кролика из шляпы.

— Он полз отсюда и дотуда. — Она махнула в сторону дороги. — Сколько тут футов — восемь, десять? Он пытался позвать на помощь. И тут Кэннон во второй раз сел за руль. Если даже Джим и окликнул Кэннона, его голос утонул в стрекоте цикад, шуме двигателя, громкой музыке. Мы ничего толком не слышали и не видели в темноте. И Кэннон тоже. Кэннон подумал, что Белый Кролик его кинул, и теперь должен был ехать обратно, чтобы попасть на территорию школы до того, как Мозес вернется собрания анонимных алкоголиков. В раздражении он дал задний ход и переехал Джима. А потом понял, что произошло, и слетел с катушек. Он позвонил Киплингу, который был перед ним в долгу. Тот приехал, и они вместе решили, что единственный способ выпутаться из этого немыслимого стечения обстоятельств — сбросить тело Джима в карьер и молиться, чтобы полиция сочла это самоубийством.

Киплинг кивнул:

— Мы надеялись, что копы примут повреждения, полученные при наезде машины, за повреждения от падения с трехсотфутовой высоты.

— Возможно, полицейские стали бы копать глубже, — сказала Марта, — если бы не Мейсоны. Те испугались, что всплывет правда о гибели Эстеллы Орнато. Они же не знали, что и кому рассказал Джим. А так как он пришел в страшную ярость, Мейсоны, вероятно, допускали, что Джим совершил самоубийство, узнав правду о том, что сделали они. О том, что сделал он. И поэтому молчали. Может, даже оказали давление на сотрудников того крошечного полицейского участка. Какие еще могли быть улики? Визит Джима в ресторан Орнато, признание Виды в том, что Белый Кролик — это Крикс, распечатка звонков Джима? Но полицейские не стали заниматься ими.

— Мейсоны изъяли содержимое дела Джима, не забывая об этом, — подал голос Киплинг.

— Вот именно.

— Но тут остались следы крови, — прошептала Уитли. Включив фонарик на своем телефоне, она осветила место, на котором стоял «ниссан». — Полицейские сразу обнаружили бы следы насилия.

— Мы их удалили, — сказал Киплинг. — Я заметил кровь, и мы убили примерно час на то, чтобы выдрать траву со следами крови. Я запихнул ее в

рюкзак и потом, уже в школе, по частям спустил в унитаз.

— Ну вот, я же говорю, — сказала Марта. — Чумовое совпадение.

Что тут скажешь, что сделаешь? Оставалось лишь переваривать странную историю, которую Марта изложила нам с видом профессора, растолковывающего студентам новый закон гравитации. Какое-то время для меня не существовало ничего, кроме моего прерывистого дыхания, хора цикад и ночи, одушевленной, полной вздохов.

Такой правды я не могла даже вообразить.

— Это все слишком необычно, — прошептала Уитли, обнимая себя за плечи, чтобы унять дрожь. — Если подумать, мы все убили Джима. Я отправила Кэннона сюда. А Кэннон переехал Джима на машине. А Киплинг помог ему замести следы. Мы все виноваты. Все, кроме Марты и Беатрис. Вы тут ни при чем.

— Это не так! — вырвалось у меня.

Слезы жгли мне глаза, в горле стоял комок.

— Пора выбираться отсюда.

Прошептав это, Марта озабоченно нахмурилась и устремила взгляд поверх наших голов. Озадаченные, мы не сдвинулись с места. Тогда она принялась подталкивать нас. Я вскинула голову и ошеломленно осознала, что, сама того не подозревая, все это время стояла слишком близко к одной из стальных опор вышки. Теперь вся конструкция шаталась. Дерево скрипело и трескалось.

Внезапно металл и стекло с оглушительным стоном лопнули, вышка начала заваливаться набок, и на нас посыпались ржавые гвозди, болты и деревянные балки. Бежать было поздно. Я бросилась в высокие заросли травы, обеими руками раздвигая острые листья, хлеставшие меня по лицу. Едва я успела пригнуться и прикрыть голову, как сооружение с грохотом обрушилось. Где-то позади закричали Киплинг и Уитли. Меня швырнуло вперед.

Наконец я открыла глаза. Я лежала ничком, ощущая, как ноги придавливают к земле свинцовой тяжестью надвигающегося пробуждения. С трудом перевернувшись на спину, я стала смотреть в небо.

Раздались чьи-то голоса, и в следующую минуту надо мной склонились Марта и остальные.

— Ее пробуждение подходит к концу, — сказала Марта. — У нас мало времени. Нужно отыскать Кэннона.

— Думаю, я знаю, где он, — проговорила Уитли с мрачным видом.

Она назвала место. Никто не проронил ни слова. Из всех возможных точек во времени и в пространстве эта казалась самой пугающей,

совершенно немыслимой.

— Нет, — произнесла наконец Марта. — Ни в коем случае. Это слишком рискованно для Би. — Она помогла мне подняться на ноги и подвела к краю карьера. — Нужно вернуться в Уинкрофт.

— Без Кэннона мы не сможем проголосовать, — сказала я. — Я отправлюсь туда. Разыщу его и верну обратно.

Марта явно встревожилась. Но спорить было некогда. Мурашки приближающегося пробуждения ползли по моей шее. Я знала, что делать. Я посмотрела на карьер, на воду, поблескивавшую далеко внизу.

Это путешествие уже совершил Джим. Мой Джим.

— Увидимся, — прошептала я.

Все испуганно смотрели на меня, но у меня не было ни времени, ни слов, чтобы ободрить их. Я пожала руки каждому по очереди.

А потом прыгнула.

Глава 25

Когда я открыла глаза, вокруг была ледяная вода.

Перед моими глазами колыхалась молочно-голубая жидкость. Я принялась барахтаться, едва чувствуя собственные ноги, не понимая, куда надо двигаться, чтобы выплыть на поверхность. Преодолевая надсадную боль в легких, я выдула изо рта пузыри, оцепенело глядя, как они плывут в направлении, прямо противоположном тому, которое я выбрала. Я рванулась вслед за ними в мутной темноте, чувствуя, как с каждым мгновением вода становится все холоднее. Вокруг меня скользили стаи смутно различных рыб, задевая мои руки и ноги своими холодными, склизкими плавниками.

Мне хотелось визжать.

Я вновь принялась барахтаться и вдруг вынырнула на поверхность, хватая ртом ледяной воздух.

Я огляделась по сторонам. Повсюду клубился густой белесый туман, похожий на меловую взвесь, насыщенную крохотными кристалликами. Выныривая, я пробила тонкую корочку льда на поверхности озера и стала искать, за что можно ухватиться — но ничего не нашла. Разглядеть что-нибудь дальше чем на фут было невозможно. Вокруг меня из воды торчали мертвые белые деревья, исчезавшие в молочной пелене над моей головой.

Мне все-таки удалось переместиться туда, куда велела Уитли. Голубой пруд, Птичья клетка Кэннона, 15:33, день его рождения в прошлом году. Это было реально существующее место с фотографии в баге, который Кэннон обнаружил в операционной системе «Эппл» на втором году обучения в Дарроу. Призрачный пейзаж: тонкие черные лиственницы и березы, растущие прямо из покрытого льдом голубого озера, среди молочно-белого тумана.

Больше здесь ничего не было.

— Кэннон?

Мой голос, хриплый и нетвердый, разнесся всего на несколько футов и бессильно затих. Ноги заledenели настолько, что казались чем-то отдельным от меня. Холод кинжалом вонзался в спину.

— Кэннон!

Где-то у меня за спиной взревел лодочный мотор. Вздрагнув от неожиданности, я обернулась и увидела, как из тумана прямо на меня несется моторная лодка с облупившимся носом. Краем глаза я успела

заметить на борту выцветшие синие буквы названия — «Маленькая птичка» — и Кэннона, склонившегося над мотором. Его бородатое лицо было красным, а волосы — длинными и сальными. Лодка наехала на меня, удар пришелся по голове. Ослепительно-белая боль взорвала череп. Я ушла под воду, и мой потрясенный вскрик заглох сам собой.

Все затопила чернота.

Когда я вновь открыла глаза, вокруг была ледяная вода.

Было тихо.

Молочно-голубая вода перед глазами. Я видела какие-то плавающие обломки, водоросли, осколки ракушек и поднятую со дна муть. Вокруг меня плавали длинные темные рыбы с выдающимися челюстями и выпученными глазами. Они казались мертвыми, но когда я задела одну из рыб, та вильнула хвостом и скрылась во мраке.

Болели только легкие. Я выдула изо рта струйку пузырей и устремилась за ними. Не прошло и нескольких секунд, как я уже хватала ртом воздух, проломив ледяную корку на поверхности воды.

То же самое место. Голубой пруд, Птичья клетка Кэннона.

Взревел мотор. Я обернулась и вновь увидела несущуюся на меня лодку.

Я нырнула и лихорадочно заработала руками и ногами, прорываясь сквозь облако пузырей. Лодка прошла в считанных дюймах от моей головы. Левую ступню, которую задел винт, обожгла острая боль. Когда я вновь вынырнула на поверхность, Кэннон уже развернулся и вновь плыл прямо на меня.

Я снова ушла под воду, отплыла чуть подальше и вынырнула, чтобы глотнуть воздуха.

— Кэннон, подожди минуту...

— Не надо было появляться здесь, Беатрис.

— Нам нужно поговорить.

— Нам не о чем говорить.

— А как же Джим?

Кэннон нахмурился и заглушил двигатель.

— Кэннон, пожалуйста. Я хочу просто с тобой поговорить.

Я протянула ему руку.

Он перегнулся через борт и, натянуто улыбаясь, неохотно протянул мне руку, чтобы помочь забраться в лодку. Но стоило мне ухватиться за нее, как Кэннон вытащил из уключины весло и плашмя ударил меня в висок. Мои глаза заволокла белая пелена.

Я закричала. Мое распластанное тело распадалось на части, в рот

лилась ледяная вода, весло, которым Кэннон заталкивал меня под воду, больно упиралось в спину. Я боролась изо всех сил, но весло давило на плечи, удерживая меня под водой.

Он собирался меня утопить.

Урезонивать Кэннона было бесполезно.

Никогда лишило его рассудка.

Когда я вновь открыла глаза, вокруг была ледяная вода. Тишина была оглушительной.

Я вдруг поняла, что происходит, и мгновенно испытала панику. Раз за разом я переживала одно и то же пробуждение. Кэннон методично убивал меня, и я оставалась мертвой до тех пор, пока не пробуждалась. Сколько это продолжалось? Час? Несколько минут?

Соображала я с трудом. Меня мутило от страха. Нужно было сохранять спокойствие. Пытаясь держаться, несмотря на жгучую боль в легких, я поплыла прочь. Сквозь мутную толщу воды я различила днище лодки Кэннона, окруженное крупными обломками льда. Он ждал, спрятавшись между деревьев. Я погрузилась глубже, не обращая внимания на покрытых чешуей темных рыб, сновавших между ногами. Когда задерживать дыхание стало невозможно, я вынырнула на поверхность, стараясь не шуметь, и глотнула воздуха.

Лодка Кэннона была в нескольких ярдах. Он меня не заметил — стоял в лодке и озибался по сторонам.

— Беатрис! — позвал он спокойно, пожалуй, даже дружелюбно. — Ты там?

Я нырнула и поплыла прочь. С каждым гребком вода становилась все более темной и мутной; гнилые корни подводных деревьев, бурые и корявые, взбалтывали то, что походило на печную сажу. Ни рук, ни ног я уже не чувствовала. В голове бродили путанные и странные мысли. Проплывая мимо обломков затонувшей лодки, на борту которой еле читалось выцветшее название «Маленькая птичка», я почувствовала, как меня затягивает подводное течение. Я стала сопротивляться, но оно было слишком сильным. В нарастающем шуме я опознала низкий, рокочущий гул водопада, но было уже слишком поздно: я летела в воздухе. Брызги окатили меня, точно струя воды из брандспойта. Острые камни понеслись навстречу, ломая кости черепа и обдирая руки, ветви деревьев целились в лицо. Белые деревья. Голубое небо. Они опрокинулись на меня, и все покатилося кувырком. Я ждала удара о землю и застилающей глаза черноты, но конец никак не наступал.

Я все падала и падала, я падала уже, наверное, с час, каждая клеточка

моего тела заледенела и окоченела.

А потом я с размаху налетела на валун. Жизнь покинула меня, как свет покидает лампочку после щелчка выключателя.

Когда я открыла глаза, вокруг была ледяная вода.

Сколько раз я здесь уже побывала? Четыре раза? Четыре миллиона раз?

Рыбы кружили вокруг меня, точно кровожадные мысли. Я устремилась прямо на них, и они бросились врассыпную.

Я плавала под водой, пока не заметила лодку. Вода становилась все холоднее и холоднее. На поверхности смерзлась тонкая корочка льда, с каждой минутой делавшаяся все толще. Я видела, как Кэннон ищет меня. Схватив болтавшийся в воде топляк, я подплыла прямо под днище и зависла там, дыша сквозь прогалину во льду у края лодки. Потом стянула с себя розовую футболку, которая оказалась на поверхности воды с другой стороны «Маленькой птички». Решив, что это я, Кэннон нагнулся, чтобы вытащить ее; в этот момент я вынырнула и изо всех сил ткнула его топляком в спину. Он вскрикнул от неожиданности, потерял равновесие и кувыркком полетел вперед, проломив лед. Я забралась в лодку, едва не перевернув ее, и рванула шнур, чтобы завести мотор. Кэннон попытался уцепиться за борт, но я оторвала его пальцы и развернула лодку.

— Беатрис! — взвыл он и отчаянно замахал мне рукой. — Вернись!

Я никак не отреагировала. На дне лодки стоял термос, заботливо завернутый в старую серую толстовку Кэннона и красный фланелевый плед. Я натянула на себя толстовку и замоталась в плед, потом отвинтила крышку термоса и сделала глоток. Там оказался чай, такой горячий, что я обожгла себе нёбо.

Я поехала дальше, не представляя, что ждет меня впереди. Туман позволял видеть лишь на несколько дюймов. Голубая вода, топляки, почерневшие стволы деревьев возникали прямо по курсу, внезапно, впечатываясь в борта с такой силой, что двигатель глох. Вскоре я услышала оглушительный рев водопада и голос Кэннона, оставшегося далеко позади. Он плакал:

— Мне холодно. Я умру здесь! Помоги мне, Беатрис.

Не знаю, сколько я так плыла, прежде чем заметила подо льдом прядь длинных белокурых волос. Лед был трехдюймовой толщины, не меньше. Я разбила его веслом и потрясенно поняла, что это волосы Уитли. Она почти полностью потеряла сознание. В нескольких футах от нее, тоже подо льдом, я обнаружила Марту и Киплинга.

Я втащила моих друзей в лодку, одного за другим. Жизнь еле

теплилась в них, головы безжизненно болтались. Я уложила всех троих на носу, стащила с них ботинки, джинсы и футболки, укрыла им ноги пледом, чтобы согреть, влила каждому в рот немного чая. Вскоре они начали подавать признаки жизни.

— Что происходит? — спросила Марта.

Я объяснила. Марта захотела взглянуть на Кэннона. Я развернула лодку и принялась лавировать между деревьями. Наконец мы наткнулись на него. Он цеплялся за древесный ствол. Борода заиндевела, став совершенно белой.

Он был мертв. Губы посинели. Всю одежду он с себя снял.

— Если волосы так отросли, его пробуждение, видимо, длится несколько лет, — прошептала Марта, коснувшись обледенелой пряди, и обернулась ко мне. — Нужно придерживаться этого сценария, но сделать так, чтобы в следующий раз он остался жив. Все зависит от тебя, Би. Мы появляемся слишком поздно. Завладей лодкой, сделай так, чтобы он не двигался, но оставался в живых до нашего появления. Тогда мы сможем проголосовать.

«Кэннон спятил. Как он сможет проголосовать?»

Я уже готова была задать этот вопрос вслух, но тут лодка дернулась, и я поняла, что течение подхватило нас и неумолимо несет к водопаду.

Я схватила весло, чтобы бороться с потоком. Марта взялась за второе. Уитли пыталась уцепиться за попадавшиеся по пути древесные стволы, стремясь остановить лодку. Киплинг мог лишь остолбенело смотреть в туман. Конечно, все было напрасно. Не прошло и минуты, как лодка стала игрушкой в руках течения. Вода захлестывала нас со всех сторон. Лодка понеслась мимо огромных валунов, мотаясь от одного дерева к другому и переворачиваясь, как щепка, пока все не слилось перед нашими глазами. Последним, что я увидела, была рука Уитли, пытавшаяся нащупать мою руку. Потом лодка вылетела из-под нас, и мы оказались в свободном падении.

Голосование. Голосование. *Голосование.*

Сколько времени все это продолжалось? Завладеть лодкой. Спасти Кэннона. Связать его по рукам и ногам. Вытащить своих друзей из-под льда.

Я проделывала это снова и снова, едва живая от холода, стараясь не утонуть.

Каждый раз я слегка изменяла тактику. Может, Кэннон и потерял рассудок, но он раскусил меня. Он был странным, пугающим противником, порой жестоким, порой ребячливым. Худшего кандидата на роль пленника,

которого надо взять живым, придумать было невозможно, потому что я знала его по прошлой жизни. Иногда он становился прежним — забавным, добрым и чувствительным, говорил, что готов помочь мне, что сделает все, лишь бы мне полегчало. Но всякий раз он сбрасывал с себя эту личину, точно хеллоуинский костюм, и под ней обнаруживался чужак, обезумевший от ярости и сожалений о прошлом. Тогда-то я и поняла, что Кэннон всегда жил с прицелом на будущую славу, что каждый миг его существования, каждое его доброе дело имели для него смысл лишь потому, что он рассчитывал в будущем добиться известности. Теперь, когда будущего не стало, он не знал, как жить.

Он изливал свое горе в туман:

— Меня надули. Оставили в дураках. Сначала кошмар с Джимом. А теперь еще и это. Это вообще серьезно? Все должно быть совсем не так! Я должен вырасти! Прожить еще семьдесят лет. Я ничего не оставил после себя. Можно сказать, меня не было. Я был или нет? Был я или нет, Беатрис? Беатрис! Ты где?

Иногда с Кэнноном приходилось повозиться, и я не успевала вовремя вызволить остальных из-под льда. Когда я находила их, все уже были мертвы — кроме Марты. Ее я всегда заставляла в полубессознательном состоянии, повторявшей в бреду одни и те же два слова:

— Это ты.

Вскоре в голове у меня стала храниться карта всего Голубого пруда, как у слепца, который помнит каждый квадратный дюйм в округе. Я знала, где стоит каждое мертвое дерево и где лежит каждый валун, знала, когда вода в очередной раз взлетит над камнями и разобьется на тысячу мелких брызг.

Шансы на голосование становились менее призрачными. Я обезвреживала Кэннона все быстрее и быстрее. Причиной были не только мои проворство и решимость, но и его растущая усталость и покорность судьбе. Я связывала его по рукам и ногам желтой лозой, сорванной на дне озера, втаскивала в лодку и оставляла дуться на корме. А остальных приводила в чувство — все быстрее и быстрее.

После этого у меня оставалось одиннадцать минут до конца пробуждения. Одиннадцать минут между тем моментом, когда они отогревались под пледом, и тем, когда я направляла лодку на деревья, чтобы нас не затянуло в водопад. Одиннадцать минут на то, чтобы проголосовать.

— Я не голосую, — каждый раз заявлял Кэннон.

— Нет, голосуешь, — говорила Уитли.

— Нет.

— Тогда ты утонешь в этом пруду.

Он разражался хохотом. Я уже привыкла к этому безумному квохчущему смеху, а вот остальных он по-прежнему пугал.

— Утону? Думаешь, я боюсь утонуть? Утонуть для меня — все равно что кому-нибудь руку пожать. Все равно что сказать: «Хорошего вам дня!», или «Не хотите взять макмаффин к оладушкам?», или «Добро пожаловать в «Садовый рай», помочь вам с выбором газонокосилки?».

— Пожалуйста, прекрати, — шептала Уитли, с трудом сдерживая слезы.

Голосование. Голосование. *Голосование.*

У нас не было ни ручки, ни бумаги. Я выламывала кусочек зазубренной доски в днище лодки, и с помощью нее мы выцарапывали первую букву имени того, кто должен остаться в живых, — каждый на своей ладони.

Мало-помалу в течение этих одиннадцати минут начали происходить странные вещи. Мертвые деревья наклонялись и падали в воду, поднимая волну, которая заливала лодку. Туман рассеивался, обнажая серое небо, где клубились облака, точно дым над колдовским зельем в ведьмином котле. Полчища красных ос, похожих на ту, что когда-то нарисовала Марта, с пронзительным гулом роились вокруг нас, точно крохотные дождевые тучи. Они залетали в лоб, попадали в уши, путались в волосах, и мы визжали. Время от времени появлялась одинокая жирная муха и принималась, жужжа, виться вокруг наших голов. Все знали, что это Пит, воображаемый друг, который жил в первом компьютере Кэннона: мы слышали рассказы о нем. Волосы и ресницы покрывались инеем. С неба сыпался то снег, то град, порой гремел гром. На одиннадцатой минуте лодка начинала расползаться под нами, голубая вода просачивалась сквозь трещины между бимсами, пока древесина не чернела и не превращалась в склизкий ком.

Я понимала, что происходит, но вслух не говорила ничего. Как и все остальные. Это было наше решение, медленный, но верный выбор одного имени. Это была смерть наших мечтаний, нашей юности, наших возможностей. Как бы ужасно ни шли дела здесь, в Никогда, у нас всегда оставалась надежда.

А теперь даже она улетучивалась.

Кэннон не обращал на нас внимания, когда мы умоляли его проголосовать, — сидел, привалившись к борту, и смотрел в никуда, напевая себе под нос «Just Like Heaven»^[21], точнее, одну и ту же строку из песни.

А в одно из пробуждений он выхватил у Киплинга щепку и, раздраженно скрипнув зубами, нацарапал у себя на ладони нечто похожее на инициалы — наспех, кое-как. Кровь потекла у него между пальцами, после чего он снова привалился к борту и устремил взгляд в никуда, словно израсходовал все силы.

Тут Уитли вскинулась и указала на что-то возникшее посреди тумана.

Хранитель. Он плыл нам навстречу на лодке, одетый в свой темный костюм с галстуком. Поравнявшись с нами, он опустил весла. Хлестал град, лодка Хранителя раскачивалась и дергалась, на него попадали брызги воды, но он удивительным образом оставался сухим.

— Поздравляю! — прокричал он сквозь раскаты грома. — Консенсус достигнут.

— Что? — ахнула Уитли.

Хранитель лишь молча улыбнулся, крепко держась за край лодки, словно боялся вывалиться. Затем кашлянул, прочищая горло, и поправил галстук, хотя ветер почти сразу же закинул его на плечо.

— Жизнь не принадлежит вам. Это лишь квартира, которую вы снимаете на время. Любите без страха, ибо любовь — это самолет, который уносит вас в неведомые края. В молчании заключена целая вселенная. А в крике — туннель, ведущий к миру. Высыпайтесь. Смейтесь, когда можете. В вас больше волшебства, чем вы думаете. Просите совета у стариков и детей. Все это не настолько судьбоносно, как вам это кажется, но все равно важно. Жизнь продолжается, течет и течет. Ищите путеводную нить.

Думаю, мы слушали его вполуха: слишком уж все были ошарашены.

— Был рад знакомству. — С этими словами он поклонился, взял весла и поплыл прочь.

Все мгновенно изменилось. Волнение утихло. Гроза прекратилась. Рев водопада превратился в шепот. На голубом небе показалось солнце, жаркое и ослепительное. Пейзаж стремительно преобразился, нас окружало безмятежное озеро с искрящейся под солнцем водой, и воспоминания о том, что я пережила за эти последние двенадцать пробуждений — а может, их было двенадцать миллионов? — стали казаться такими же неясными, как полузабытый сон.

Мне стало жарко. Уитли с Киплингом разделись до нижнего белья и с улюлюканьем плюхнулись в воду, как будто это был последний день в летнем лагере. Кэннон с мертвенным выражением лица сиганул за борт головой вниз; я вскочила и обеспокоенно позвала его, но он стал удаляться от меня, плывя на спине. Глаза у него были закрыты. Он выглядел бесконечно усталым. Он выглядел как человек, желающий покоя.

В лодке остались только мы с Мартой. Мне нужно было сказать ей кое-что важное, а другого шанса могло не представиться.

— Марта...

До этого она смотрела на Уитли с Киплингом, смеявшихся над чем-то, а теперь обернулась ко мне.

— Мы с тобой никогда не были подругами. Я просто хотела сказать, что понимаю, почему так получилось. И не сержусь.

Она пристально смотрела на меня.

— Я была его девушкой. Все были влюблены в Джима. Нетрудно было догадаться, что и ты тоже. Жаль только, что мы не успели лучше узнать друг друга.

Марта склонила голову набок и свела брови на переносице:

— В Джима? Ты считаешь, что я была влюблена в Джима?

Я кивнула. Она улыбнулась:

— Я никогда не любила Джима. Дело было в тебе. В том, что ты для меня сделала. Ты спасла мне жизнь.

Она произнесла это слабым голосом. Я даже не была уверена, что правильно ее расслышала.

— Помнишь первый школьный год, тот вечер, когда был буран? Вечер праздничной дискотеки? Свет погас, и ты побежала к себе, чтобы переодеться.

И в общей комнате увидела меня с книгой в руках. Ты посмеялась, потому что я не заметила, что окно открыто настежь и на ковре намело сугроб. Ты осталась и поговорила со мной, хотя тебя ждал Джим.

Я помнила. Тот единственный раз, когда мы с ней хорошо поговорили.

— Окно было открыто специально.

Я уставилась на нее.

— Я планировала это несколько недель. Все тщательно рассчитала. Шестой этаж. Ларкин-холл. Ускорение свободного падения с высоты семидесяти футов. Даже если приземлиться в сугроб, шанс остаться в живых составлял менее одного процента.

У меня перехватило дыхание.

— Это было глупо. Очередной приступ одиночества, который тогда казался мне делом вселенской важности. Знала бы я тогда, что все это пустяки.

Эпизоды, которые в детстве кажутся нам такими важными, — лишь очередная излучина реки, крутой поворот с валунами, не дающими ничего увидеть. А река тем временем уносит свои воды в такую даль, которую мы не способны даже вообразить. Я уже собиралась прыгнуть, когда

услышала, что кто-то идет. От неожиданности я растерялась, плюхнулась на диван, схватила первую попавшуюся книжку и сделала вид, что читаю. Ты вошла и спасла мне жизнь. Поэтому здесь, в Никогда, я должна была спасти твою.

Я открыла рот, собираясь что-то сказать, но не смогла выдать из себя ни звука.

— Я была уверена, что ты меня раскусила, — продолжила Марта, качая головой. — Помнишь, в Уорикском полицейском участке я внезапно появилась вместе с тобой в подвале? Ты ведь догадалась, что это я забрала бумаги из дела Джима?

— Что? — прошептала я.

— Это сделали не Мейсоны. Это сделала я. Спрятала досье в другую коробку, чтобы они ее не нашли. — Она судорожно перевела дух. — Все это было там. Сообщения, которые Джим отправил тебе. Я не хотела, чтобы они тебя заподозрили, и поэтому так сильно возражала против похода на карьер. Я не хотела, чтобы они узнали правду. Как только мы высадились, я ускользнула: нужно было разбить лестницу, ведущую на вышку, пока никто ее не увидел. Я поднялась вверх на пятьдесят футов, получила миллион заноз. Но мне надо было обставить все так, чтобы никто никогда не узнал правды.

— Что?

Она с мягкой улыбкой посмотрела на меня:

— Ты же знаешь, Беатрис. Ты была там.

По спине у меня побежали мурашки.

— Я видела тебя. Видела, как ты возвращалась с карьера. — Она сжала мою руку. — Тебе не в чем себя винить. Что бы ни случилось, я уверена, что ты действовала от чистого сердца. Я никогда в тебе не сомневалась. И никогда не буду сомневаться.

Вся кровь отхлынула у меня от лица. Мне стало не по себе.

— Джим любил тебя. Но он тебя не видел. Он был на это не способен. А держался он только благодаря тебе. Ты была для него чем-то вроде строительных лесов. Он умел производить впечатление, притягивал к себе людей. Ну а ты любила его. Мы редко смотрим трезвыми глазами на тех, кого любим. — Она вздохнула и ссутулилась. — Это убивало меня больше всего. Почему я не могла быть твоей подругой? Почему я не могла быть рядом с тобой? Ты просто сводила меня с ума, Би.

Она покачала головой, глядя на меня. На ее лице отражалась буря эмоций.

— Я уже видела это прежде. Такое случилось с моей сестрой. Она

любила одного парня, любовь побуждала ее принижать себя, забывать о себе, и это ее погубило. Твоя любовь была такой же безоглядной. Она побуждала тебя делать опасные вещи. Я просто не могла на это смотреть.

— О чем ты говоришь, Марта? — спросила я.

— О «Человеке из ниоткуда». О мюзикле Джима. Все вокруг восторгались тем, какой он гениальный. И не зря восторгались. Только вот что странно: Джим неделями ныл и страдал, что у него ничего не выходит, что он не может написать ни слова, и вдруг собрался и сделал все накануне своего дебюта на Весенних чтениях. Вот так, словно по волшебству? — Марта мрачно посмотрела на меня. — Этим волшебством была ты.

Я онемела от неожиданности. Казалось, будто в глаза внезапно ударил ослепительный свет.

— В тот вечер, когда была метель, ты показывала мне их. Свои саундтреки к выдуманным фильмам. Я их не забыла. Я запомнила слова наизусть. Когда Джим показал мне то, что он написал, я тут же узнала твой стиль. «Ты мой лучший костюм, / Ты запах новой машины, / Я смакую тебя, / Как французские вина». — Марта покачала головой. — Джим без колебаний выдал твои стихи за свои. Наверное, уверял тебя, что *одолжил* их на время? А о твоём вкладе расскажет потом? Он пожирал все вокруг себя, все без разбора. — Она наморщила нос. — Забавно. При всей его харизматичности, рядом с ним всегда было так холодно. И вообще, его наполеоновские планы всегда превосходили его реальный талант.

Она с философским видом пожала плечами. Я почувствовала, как в груди у меня поднимается горячая волна эмоций.

— Джим не крал у меня стихов, — возразила я. — Я сама отдала их. Все равно они лежали у меня в столе без всякой пользы. Я должна была ему помочь.

Марта впиалась в меня таким пронзительным взглядом, что у меня закружилась голова.

— Все, что я делала в Никогда, — произнесла она, — все хорошее, все странное, все нелепое, все выматывающее — все это было ради тебя. Я направляла споры в нужное русло. Задавала тебе неудобные вопросы, чтобы казаться беспристрастной. Отвлекала внимание остальных от разрухи, которая постоянно возникала вокруг тебя. Плесень, бьющиеся стекла, трескающийся асфальт, падающие деревья, рушащиеся вышки — боже правый, Би, я пыталась скрыть от других тайфун, который бушевал вокруг тебя, и все это из-за твоей тайны. Из-за того, что ты была там в ту ночь.

Она закусила губу и покачала головой.

— Я даже угрожала миллион часов на разговоры с тем чокнутым профессором из Брауновского университета, с кошмарными зарослями на лице и вонью изо рта, чтобы освоить искусство убеждения и внушить всем остальным мысль о том, что это ты должна остаться в живых, потому что ты сможешь рассказать нашу историю.

Мои мысли бестолково копошились вокруг ее слов, точно краб. Я пыталась проникнуть в их суть.

Что она несет? Я проголосовала за Марту. Это Марта должна остаться в живых.

— Я не могла признаться тебе в том, что делаю: ты попыталась бы остановить меня, спутала бы мне все карты. Чтобы проголосовать, нам надо было раскрыть тайну гибели Джима, но ты должна была остаться вне подозрений. Остаться Сестрой Би. — Она покачала головой. — Я рассказываю тебе это только для того, чтобы ты знала. Чтобы ты все поняла. У каждого из нас в столе лежат произнесенные слова. Ты не можешь просто так отказаться от них, Би. Они принадлежат тебе. Как отпечатки пальцев. Как твои дети. Они — свет, который озаряет тебе путь. Без них ты заблудишься.

Она протянула руку и осторожно заправила мне за ухо выбившиеся волосы.

— Впредь никогда — слышишь, никогда! — не отказывайся от своих слов.

Марта. Как же я ошибалась!

— Ладно. — Она сняла очки, закрыла дужки и, слабо улыбнувшись, аккуратно положила их рядом с собой на скамейку. — Глава семьдесят вторая. Это только начало.

С этими словами она поднялась, пробормотала что-то вроде «путеводная нить», нырнула в воду и устремилась в бирюзовые глубины.

Я сидела потрясенная, не в силах пошевелиться.

Как же страшно я ошибалась!

Я вскочила на ноги и прикрыла глаза ладонью.

— Марта!

Ее нигде не было видно.

Уитли с Киплингом, плескавшиеся в нескольких ярдах от лодки, встревоженно обернулись.

— Она только что была здесь. Марта. Я... я должна ей сказать. Должна донести до нее... — Я бросилась отвязывать лодку, схватила весла и, плача, принялась лавировать между деревьями. — Марта!

Я прыгнула за борт и устремилась в темноту, в ледяное ничто.

Когда Уитли с Киплингом втащили меня обратно в лодку, я безудержно рыдала:

— Она только что была здесь. А теперь слишком поздно! Слишком поздно. Неужели вы не понимаете? Марта. Она никогда не вернется! Я должна ей сказать. Ее больше нет, и теперь я не смогу ей сказать, что...

— Т-ш-ш, — оборвала меня Уитли, обняла меня, принялась вытирать слезы с моих щек. — Все закончилось, Би. Оглянись вокруг. Уже почти все. «Оглянись вокруг. Уже почти все».

Как жаль, что никто не сказал мне этого раньше. Этих слов о жизни. Как жаль, что я этого не понимала.

Больше мы не разговаривали. Ни к чему. Мы просто закутались в плед и стали смотреть на воду.

Кэннон уже переместился в другое место.

Солнце садилось за горизонт. Теперь оно стало ярко-оранжевым, как на детских рисунках, его лучи нежно гладили нас по лицу, тепло их проникало внутрь, заполняя каждую темную дыру и озаряя каждый уголок. Однажды я уже испытывала нечто похожее: Дарроу, ничем не примечательный вторник, посиделки в компании друзей — и вдруг один из них выразил вслух то, что я чувствовала, и все вокруг обрело невероятную четкость, как это иногда случается. Время на миг застыло, и из обрывков нашего смеха, похожих на летящие на ветру волосы, из соприкосновения наших плеч выкристаллизовалось ощущение чего-то непреходящего.

Со мной что-то происходило. Не знаю, была ли то смерть или другое состояние в непостижимом круговороте жизни. Меня неодолимо потянуло на дно лодки, где я стала бездумно глядеть на бескрайнее желтое небо. Во время последнего пробуждения у Киплинга и Уитли было больше времени, чем у меня. Но когда-то должен был настать и их черед. Я видела, как они склоняются надо мной, шепча слова, которых я не могла слышать, полные сомнений, но не страха; чувствовала тепло их рук, сжимающих мою ладонь в ожидании того, что должно было случиться.

Я никогда не отпущу их. Никогда.

Потом их лица растворились в наступающих сумерках, и я ускользнула прочь.

Глава 26

Я плыла в молочно-белом пространстве.

В горле ощущалось что-то твердое. До меня донеслись чьи-то шаги.

— Доброе утро, — слышался мужской голос. — Ну как наши дела? Что-то лязгнуло. Я ощутила рядом человеческое присутствие.

— Я знаю, что это нелегко. Как я уже говорил вчера, мы будем делать все постепенно. Жизненные показатели очень хорошие. Надеюсь, сегодня мы прекратим искусственную вентиляцию легких. Нужно проверить, способна ли она выполнять команды.

Последовала возня; кто-то вполголоса переговаривался. Чья-то рука коснулась моего локтя.

— Беатрис? Вы можете открыть глаза?

Я моргнула. Перед глазами плыли цветные пятна, и ничего больше.

— О господи...

— Беатрис?

— Смотрите! Она подает признаки жизни!

— Бамблби?

— Вы можете показать мне два пальца?

Вокруг все расплывалось. Я колыхалась в какой-то болотной жиже. Я попыталась поднять руку. В горле полыхал пожар.

— Так, теперь другую руку. Отлично. А теперь пошевелите пальцами ног. Надо мной кто-то склонился. Внезапно в глаза ударил свет. Внутри головы,

казалось, заметался раскаленный фиолетовый шарик.

Я снова моргнула.

И вдруг различила висящий на стене телевизор, по которому шло утреннее ток-шоу, без звука. В глаза мне бросилась дата в нижней части экрана: *7:21. 10 сентября.*

Я была жива.

Вновь погружаясь в теплую колышущуюся тьму, я вспомнила последний разговор с Мартой. У меня было такое чувство, словно она покинула меня несколько секунд назад. Ее признание вывернуло меня наизнанку. Этот секрет я хранила так глубоко в сердце, что он и в самом деле был погребен там, вдали от глаз, точно самолет, пропавший с радаров и не оставивший следов, — некоторые даже подвергали сомнению сам факт существования его пассажиров.

Уитли даже не подозревала, насколько она была права.

«Если задуматься, мы все убили Джима».

Мне никто не задал ни одного вопроса — ни друзья, ни полицейские, ни родители. Никто. Ведь я была хорошей девочкой. Сестрой Би.

«Я иду на карьер. Приходи».

Сидя в общежитии, у себя в комнате, я снова и снова прослушивала сообщение Джима, глядя в окно на пустую лужайку. Мне было так одиноко. Я любила его. И в то же время ненавидела. Ненавидела за то, что из-за него я порой чувствовала себя живой и настоящей, а порой невидимой, будто он был фокусником, а я — кроликом в его шляпе. Я разрывалась между своими желаниями: увидеть его, простить его, выбросить его из головы раз и навсегда. Лучше бы он никогда не выделял меня из других. Перспектива жизни без Джима была слишком мучительной.

Я выбралась из постели, стащила пижаму, надела сексуальное белье, которое приберегала для особых случаев, белые джинсовые шорты в обтяжку, которые нравились Джиму, и позаимствованный у Уитли белый топ «Гуччи», оставляющий открытым одно плечо. Я с ним пересплю. Дурацкое решение, которое, однако, наполнило меня возбуждением, — железобетонная решимость, за которую я могла держаться, как за буксировочный трос. Я подвела глаза, накрасила ресницы, намазала губы красной маковской помадой Уитли. Волосы, обычно собранные в хвост, я распустила, чтобы они рассыпались по спине. Потом натянула свои «конверсы», бросила в рюкзак две свечи, взяла с кровати плед.

И побежала на карьер.

К счастью, я думала лишь о своем решении переспать с Джимом и забыла телефон в ванной комнате, на раковине. Видимо, полицейские, сняв данные с

вышек мобильной связи за ту ночь, когда погиб Джим, обнаружили, что мой мобильник не покидал пределов общежития, и заключили, что у меня есть алиби. Впрочем, даже в случае допроса меня вряд уличили бы во лжи. Никто и никогда не подвергал сомнению мои слова.

А зря.

Я добралась до карьера в четверть первого. Джима нигде не было. Он еще не появился. Ночь была прохладной, небо — ясным, ярко светили звезды. Мы всегда встречались внизу, у вышки, и вместе забирались наверх. На этот раз я поднялась первой. Хотелось все подготовить, сделать ему сюрприз. Мне не терпелось поскорее увидеть его, забыть все наши разногласия, чтобы все вновь стало так, как в начале. Но одновременно я боялась — боялась снова оказаться вместе с ним, боялась собственных

сомнений. Поднимаясь, я обратила внимание на то, что часть гвоздей, при помощи которых держались деревянные ступени, разболталась. А кое-где гвозди вообще отсутствовали, особенно на самом верху, там, где лестница крепилась к порогу.

На полпути я остановилась. Руки тряслись, и к тому же на левой голени незаметно для меня появилась жуткая кровотокающая ссадина. Я была похожа на освежеванного опоссума. Пришлось спускаться — мне не хотелось показываться Джиму в таком виде. Я не только ободралась, но еще и запыхалась. Уродина. Никакого сравнения с Видой Джошуа, роковой красавицей. Надо было возвращаться в общежитие — единственно правильное решение.

Почти добравшись до земли, я вновь остановилась. Трусиха, размазня! Сколько можно жить *pianissimo*, по выражению Джима? Почему я всегда так боюсь того, что со мной происходит? Я снова двинулась вверх. «*Carpe postem!*» — так обычно кричала Уитли, когда очертя голову бросалась в очередную авантюру. «Живи сегодняшней ночью». Ну а я чем хуже? Когда я добралась до кабинки, то заметила, что некоторые из гвоздей, на которых держались ступеньки, дребезжат.

Я запалила свечи, потом разожгла керосиновую лампу на старом деревянном столе, где были вырезаны инициалы десятков учеников Дарроу. Расстелив на полу плед, я разделась, легла и стала ждать.

Вскоре до меня донесся голос Джима. Он разговаривал сам с собой. Язык у него заплетался.

Я вскочила на ноги, завернулась в плед, подобралась к выходу и выглянула наружу.

Джим был уже на полпути к кабинке. Пьяный, он размахивал рукой и что-то напевал себе под нос. Это были слова новой песни из его мюзикла. Слова, которые сочинила я.

— Древо в темноте растет. В замке кто приют найдет? Где мне предел, где мне прозренье? Смертельный яд мне даст забвенье.

Пробормотав что-то еще, он полез дальше. Я вернулась обратно на цыпочках и легла на плед. Через несколько секунд он будет здесь. И все случится. При этой мысли я почувствовала странную пустоту внутри. Я поступаю не так, как надо. Это совершенно очевидно. Нужно было держаться подальше от Джима. Спала бы сейчас у себя в комнате.

Тут послышался грохот, а за ним — крик Джима.

Я вскочила на ноги. Три ступеньки у самого порога обломились. Джим держался из последних сил. Он пытался уцепиться за следующую ступеньку, но не мог до нее дотянуться. Каким-то чудом ему удалось

вытянуть ногу так, чтобы упереться ступней в скрещенные балки, поддерживавшие опоры вышки.

— Би? — Он вскинул голову. Лоб его блестел от испарины. — Боже, Би! Слава богу! — Он протянул мне руку. — Помоги мне.

Мои ноги приросли к полу. Лицо Джима исказилось.

— Беатрис! — заорал он. — Да что с тобой такое? Помоги мне! Беатрис!

Что произошло в эти четыре секунды?

Я никогда этого не узнаю.

Все случилось слишком быстро. Я видела Джима. И при этом не могла сдвинуться с места. И не могла дышать.

Я от всей души хотела бы сказать, что испытывала лишь панику, но это было бы неправдой. К панике примешивалось кое-что еще. Подленькая мыслишка, промелькнувшая в голове. Я понимала, что если втащу Джима в кабинку, то никогда не освобожусь от него. Возможно, Марта была права. Возможно, дело было в стихах, которые он забрал у меня, в альбомах, которые я положила перед ним после того, как он, рыдая, стал приговаривать, что никогда не сравняется с отцом, что для него все кончено, что все его мечты пошли прахом. Я залезла в свой шкаф и отдала ему все мои саундтреки — одиннадцать тетрадей со стихами и рисунками, над которыми трудилась всю свою жизнь, — по той простой причине, что, лишь работая над ними, я была собой. Возможно, дело было в том, как Джим взял их — фыркнул, будто я дала ему ручку, хотя знал, чем они были для меня, что значили для меня, и принялся переписывать стихи к себе в блокнот. Возможно, я подозревала, что, если Джим с такой легкостью забрал написанное мной, он способен забрать и все остальное?

Я колебалась лишь одно мгновение. Потом опомнилась, бросилась к нему, легла на живот и, крепко упершись в проем ногами, чтобы не сорваться, протянула ему руку.

Но было поздно.

Он сорвался, ударился головой о деревянную перекладину так, что с головы слетела кепка, и с глухим стуком упал на землю.

Он лежал в тридцати футах внизу, совершенно неподвижно, и по его щеке сбегала струйка крови.

Следующая минута прошла как во сне. Осознание того, что произошло считанные мгновения назад, утюжило мой помраченный рассудок наподобие бульдозера, тупо сметающего все на своем пути.

«Джим мертв. Джим мертв. Этого не может быть».

Я принялась как безумная носиться по кабине, дрожа и плача, задувая

свечи, запихивая плед в рюкзак. Кое-как натянув одежду, я кубарем спустилась по лестнице, преодолевая по четыре ступеньки зараз, с трудом перебралась через дыру и бросилась в траву.

Потом поднялась на ноги и посмотрела на Джима.

По его щеке струилась кровь. Глаза были закрыты. Он был мертв. Совершенно точно. Надо было вызывать полицию. Я поискала телефон в рюкзаке, но не нашла. Может, я оставила его на вышке? Я подняла голову и обнаружила, что забыла погасить лампу. И тут заросли травы озарились светом фар, точно отблесками лесного пожара. Машина! Она подпрыгивала на ухабах, на колесе гремел разболтавшийся диск, радио надрывалось из всех сил.

Это был выдавший виды красный «ниссан» мистера Джошуа с объявлением «Продается» под задним стеклом.

Вида Джошуа. Я решила, что за рулем сидит она. Что она здесь делает? Может, Джим хотел позвать на карьер ее, а не меня? Эта мысль заставила меня отступить в темноту и побежать сквозь траву. Мне хотелось домой. К маме. Я отыскала дыру в ограде и выбралась наружу.

Вида найдет Джима и вызовет «скорую».

«С ним все будет хорошо. Все будет хорошо».

Не помню, как я пронеслась обратно через лес и через кампус. Мои воспоминания продолжают с того момента, как я взлетела по лестнице на четвертый этаж общежития и промчалась по коридору в комнату. Видимо, именно тогда меня увидела Марта. Она жила на одном со мной этаже и занималась в угловом общем зале. Я поспешила в свою комнату и, запершись на замок, содрала с себя одежду. Все говорят, что я хорошая, значит так оно и есть. Значит, я всегда поступаю правильно.

Я завернула белье обратно в папиросную бумагу и засунула его в дальний угол ящика, затем положила топ Уитли в шкаф. Оказалось, что телефон лежит на раковине в ванной комнате. Часы показывали 1:02. Новых сообщений не было. Трясущимися руками я стерла с губ помаду, ополоснула лицо холодной водой, вытащила из волос траву и листья.

Наконец я поняла, что делаю. Казалось, мне дали пощечину. Что я натворила? Как так — я не вызвала полицию? Мне нужно к Джиму. Я люблю его. Я уже начала набирать номер экстренной службы, но затем подумала о том, что скажу диспетчеру, и остановилась.

«Мой бойфренд лежит на карьере, мертвый. Он упал. Пожалуйста, пришлите «скорую»».

«Вы там? Где вы находитесь?»

«Я сбежала. Приревновала его к другой девушке. Я разозлилась. Я

любила его. Мы поссорились».

Кэннон. Мне нужен был Кэннон, способный решить любую проблему. Я перебежала через двор и, забравшись на дуб, который рос под окном его комнаты на третьем этаже в корпусе «Марлборо», постучала в окно. Никто не отозвался. Я толкнула створку. В комнате никого не было.

Киплинг. Киплинг — вот кто мне поможет. Он занимал комнату на последнем этаже корпуса «Элдред». Я слезла с дерева, бегом добежала до «Элдреда», проскользнула внутрь через пожарный выход и поднялась по черной лестнице. Эта комната тоже оказалась пустой. Тогда я пробралась по карнизу и постучалась к Уитли, но и ее не оказалось дома.

Что происходит? Куда все подевались?

Марта. Когда я прибежала обратно к корпусу «Крестон», в ее комнате на четвертом этаже горел свет. Но я представила, что скажет Марта, когда я, всхлипывающая, охваченная страхом, выложу ей все, — и отправилась к себе. Сердце металось в груди, как перепуганный грызун.

Я забралась в постель и уставилась в потолок. «Надо позвонить маме», — твердила я себе, но не могла заставить себя пошевелиться. В голове, точно гранаты, один за другим взрывались вопросы: если бы я не решила устроить Джиму сюрприз, был бы он сейчас жив? Действительно ли он хотел встретиться с Видой, а не со мной? Если бы я не лазила по лестнице туда-сюда, может, ступеньки не сломались бы под Джимом? Куда подевались мои друзья? Вдруг Джим позвал их на помощь и они сейчас были с ним, слушая его рассказ о том, что я сделала, о том, как я позволила ему упасть и оставила лежать в беспомощном состоянии? Неужели я убила Джима?

Надо вернуться на карьер. Оттуда я вызову полицию. Я выбралась из постели, натянула джинсы, футболку и ботинки. Весь путь я проделала бегом, леденя от ужаса, в уверенности, что Мозес меня поймает. Когда я добралась до карьера, был уже пятый час утра. Дрожа, я подошла к тому месту, где была лестница, и остановилась как вкопанная.

Джим исчез.

Исчезли и все следы его пребывания там.

Крови не было. Несколько примятых стебельков травы, вот и все.

Вида нашла Джима и отвезла в больницу. Или он каким-то чудом умудрился встать и пойти — и теперь презирает меня. Как и вся наша компания.

Едва держась на ногах, я вернулась в общежитие. Все, чего я хотела, — это умереть.

Весь следующий день я была похожа на зомби. Воспоминания о

событиях прошлой ночи были искаженными, как будто я все придумала. Произошло все это на самом деле или нет? Джим как сквозь землю провалился. Его никто не видел. Уитли, Кип и Кэннон вели себя дружелюбно, но выглядели какими-то скованными. Все как один утверждали, что провели ночь у себя. Марта заявила, что уснула в библиотеке.

На следующий день пришла новость: Джима обнаружили мертвым в карьере.

Нет, это невозможно. Я ничего не понимала. Что случилось после того, как я сбежала? Что Вида сделала с Джимом? Почему все мои друзья говорили неправду? Чего они боялись?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, я поехала в Уинкрофт.

И все это время Марта знала мой секрет. Марта подчищала за мной следы, защищая меня.

Как я могла этого не видеть? Как я могла проявлять такую слепоту?

Когда я открыла глаза, оказалось, что я полулежу на больничной кровати. Я отчетливо видела палату: бледно-желтые стены, подоконники, столешницы, кондиционер, ваза с цветами, плюшевый медведь с гелиевым воздушным шариком, на котором была надпись: «Поправляйся скорее!» Передо мной стоял поднос с больничной едой и розовым стаканчиком, в который вставили соломинку.

В горле больше ничего не было, хотя оно по-прежнему саднило.

— Она пришла в себя! — воскликнула мама, отворачиваясь от окна.

— Моя дорогая, милая Бамблби! — сказал папа, делая шаг в мою сторону.

Они бросились ко мне, встревоженно вглядываясь в мое лицо. У мамы в

руках был смятый ком бумажных носовых платков, ее волосы после сна в кресле местами стояли торчком. У папы было намного больше седины, чем я помнила.

— Не надо ничего говорить, — предупредил он меня. — Все хорошо. Ты в больнице Мириам, в Провиденсе. Ты попала в аварию и получила травму головы. Произошло внутричерепное кровоизлияние. Врачи устранили его, и теперь ты пойдешь на поправку, ясно, моя маленькая?

Судя по всему, он велел маме не говорить слишком много: та лишь кивала после каждой его фразы и старалась не плакать.

«Пожалуйста, скажите мне, что мои друзья тоже живы и идут на поправку. Что они лежат в соседних палатах».

— А сейчас тебе нужно отдохнуть, — сказала мама, сжав мою руку.

Я устремила взгляд поверх ее плеча на противоположную стену, где в рамке висела репродукция картины — морской пейзаж и табличка с выведенной маркером надписью: «Ваша дежурная медсестра — Лори».

В кресле у входа, не сводя с меня глаз, сидел тощий подросток с взъерошенными светлыми волосами. До меня не сразу дошло, что это Сонный Сэм, парнишка из Англии, вместе с которым я все лето продавала мороженое.

Мама перехватила мой взгляд:

— Ты ведь помнишь Сэма?

— Он приходит сюда каждый день, чтобы читать тебе, — сообщил папа.

Шаркая, Сэм приблизился к моей кровати:

— Страшно рад, что ты наконец пришла в себя, Би. Добро пожаловать обратно.

Папа хлопнул его по плечу:

— Сэм — чтец мирового класса. Кто бы мог подумать? Он умеет имитировать любые голоса. Пятьдесят персонажей? Без проблем. Вполне возможно, его ждет большое будущее в Вест-Энде.

И тут я заметила, что Сэм держит под мышкой книгу. Серебристую обложку украшали картинки: птичьи клетки, паровозы, розовощекие мужчины в цилиндрах. «Легендарная культовая сага о будущих прошлых. Загадки настоящего».

При виде заголовка меня точно ударило током.

«Темный дом у поворота».

— Доброе утро, Беатрис.

В палату вошел седовласый доктор в белом халате поверх зеленого хирургического костюма. В руках он держал планшет с зажимом и картонный стаканчик из кафетерия. Его сопровождала женщина азиатской наружности в таком же белом халате.

— Добро пожаловать обратно, — сказал он. — Позвольте представиться. Я один из ваших врачей. Доктор Миллер. Очень рад, что мы наконец познакомились.

Он склонился надо мной и посветил маленьким фонариком мне в глаза. Когда мне удалось разглядеть его лицо, я ахнула.

Я узнала бы его где угодно. Он навеки запечатлелся в моем мозгу, он до конца жизни будет появляться перед моим мысленным взором, стоит мне опустить веки: зеленые пронизательные глаза, бархатный баритон, аристократическая, с налетом легкой усталости, манера держаться, словно он — балетный танцор на пенсии, за каждым шагом которого стоят тысячи

часов репетиций и постоянный отзвук былой боли.

«Не может быть. Это невероятно».

— Когда ее можно будет отправить на реабилитацию? — спросила мама.

— Через несколько дней. Со временем левая половина тела разрабатывается, а кратковременная память восстановится. Но на это могут уйти месяцы.

Хранитель.

Он попросил меня поднять руки, показать три пальца и согнуть колени. Потом спросил, знаю ли я, какой сейчас год, кто является президентом Соединенных Штатов и сколько мне лет. В голове все плыло. Я с трудом сосредоточилась на том, что он говорит, изумленно таращась на его лицо. Свой стаканчик он поставил на поднос. С одного края свешивался ярлычок от чайного пакетика.

Он взял стаканчик, отхлебнул чая, потом развернулся и пошел к двери. Мои родители последовали за ним. Прошептав им что-то, он удалился в сопровождении той же самой женщины.

Глава 27

У мамы с папой не было выбора — пришлось все мне рассказать, хотя я и сама знала об этом.

Киплинг Сент-Джон.

Уитли Лэнсинг.

Кэннон Бичем.

Марта Зиглер.

Все они были мертвы.

Меня отправили на реабилитацию, и я шесть недель прогуливалась по коридорам, опираясь на регулируемую по высоте трость с мягкой рукоятью. Я ходила вверх-вниз по лестницам и разрабатывала левую руку, которая дрожала, тряслась и вообще жила своей жизнью. В первый же вечер, после ужина, я села за компьютер общего пользования и почитала, что пишут об аварии.

Статьи о ней поместили «Провиденс джорнэл», «Уорик бикон» и «Ю-Эс-Эй тудей». Везде была одна и та же фраза: «Трагически оборвавшиеся юные жизни». Она попалась мне на глаза и в редакторской колонке «Рипабликен нейшн», посвященной проблеме вождения в состоянии алкогольного опьянения и ее актуальности в городах Новой Англии с растущей безработицей. Все статьи открывались фотографиями Уитли, хрестоматийной мертвой блондинки, предмета всеобщих мечтаний, затем журналисты переходили к Кэннону, Киплингу и Марте, непременно упоминая о том, что Марта была полной стипендиаткой в Массачусетском технологическом институте. Мое имя стояло в самом конце: единственная счастливица, оставшаяся в живых.

Их страницы на «Фейсбуке» стали мемориальными. Я не удивилась. То же самое случилось и с Джимом. Ребята, с которыми эти четверо были шапочно знакомы по Дарроу, и друзья детства постили на их стенах сообщения: «Мое сердце разбито» или «Без тебя мир опустел», густо приправленные смайликами в виде молитвенно сложенных рук, анонимными комментариями в духе «Жизнь — боль» и гифками с портретами Хита Леджера.

На похороны я не попала, так как лежала в больнице. Поэтому я принялась читать о них. Местные газеты в их родных городах опубликовали дополнительные материалы, посвященные трагедии (поскольку изначальные статьи собрали сотни лайкови перепостов),

обязательно прилагая фотографию убитого горем родственника, читающего с церковной кафедры стихотворение памяти усопшего. С увеличенной фотографии в траурной рамке, установленной на треноге рядом с ним, смотрело лицо Киплинга / Кэннона / Марты / Уитли — беспечных, счастливых, не знающих ничего о своей судьбе. Это неумолимо наводило меня на мысль о том, что жизнь, ко всему прочему, совершенно непредсказуема.

«Линда Толledo произносит речь на поминальной службе по случаю кончины ее дочери Уитли Лэнсинг, погибшей в автокатастрофе».

На обочине прибрежной дороги в месте аварии даже возник стихийный мемориал из цветов, фотографий, свечей и плюшевых мишек. Люди фотографировались с ними и публиковали в Интернете с хэштегом «#gip» или «#вечнаяпамять».

Они не страдали, заверили полицейские моих родителей. Все четверо погибли в момент столкновения.

Я выжила благодаря тому, что не пристегнулась. Меня выбросило из машины, и я приземлилась в кустах, а для всех остальных улетевший в овраг «ягуар» стал западней.

И ни одна живая душа не подозревала о настоящей причине, по которой я осталась в живых: я прожила столетие внутри одной-единственной секунды. Я сотни раз умирала, узнала с разных сторон и полюбила этих четверых так, как мало кому из живущих было дано. Я называла домом место, где мелочи вроде жизни и смерти не значили ровно ничего — важны были только хрупкие моменты единения в промежутках между ними.

Если ты что-то оттуда выносил, так это благоговение перед каждой секундой своей маленькой жизни.

Так началась моя жизнь за пределами Никогда.

Она оказалась другой — не такой, как я помнила. Я оказалась другой.

Дело было не только в длинном шраме над моим правым ухом, напоминавшим перевернутый вопросительный знак. Волосы надежно скрывали его, но он был там — моя татуировка, мой памятный знак. Со стороны я производила впечатление человека, уверенного в себе, но, пожалуй, слишком уж серьезного. Я почти избавилась от привычки закусывать нижнюю губу и заправлять волосы за уши. Меня больше не волновало, нравлюсь ли я людям, красива я или нет, не допустила ли я какой-нибудь ошибки. Теперь я не боялась есть, сидя одна за столиком в людном кафетерии, первой заговаривать с незнакомыми симпатичными парнями, петь под караоке, выступать со сцены. Все, о чем люди так

переживают, на что тратят так много времени, стало ненужным для меня благодаря Никогда. Я больше не спешила поскорее заполнить тишину, позволяя ей стоять до скончания века, точно это была миска с фруктами.

Друзья родителей перешептывались: «Беатрис и вправду выбралась из своей раковины»; «Вы, наверное, так рады». Они изумлялись, узнавая о том, что я перевелась в Бостонский колледж^[22], изучаю там теорию музыки и историю искусств, подрабатываю в компании, создающей компьютерные игры, и волонтерствую в благотворительной организации, члены которой читают перед сном книги детям, оставшимся без родителей.

Этим детям я и поведала о Никогда.

Больше я никому не рассказывала о нем, даже маме с папой. Я почему-то знала, что именно эти ребяташки с широко распахнутыми глазами, близко знакомые с изнанкой жизни, существующие в кольце утренних побудок, игр в прятки, дневного сна и полдников, смогут меня понять — если вообще кто-то сможет. Я рассказала им о том, что побывала в самой тайной, самой невыносимой складке времени. О том, что однажды и они могут очутиться там, в затерянной стране снов, между жизнью и смертью, где прошлое, настоящее и будущее сплетены в один головокружительный лабиринт, а ад способен мгновенно превратиться в рай.

— Как туда попасть? — прошептала одна девочка.

— Если тебя избрали, оно само тебя найдет. Но главное, не надо бояться. На самом деле оно не так уж сильно отличается от нашего мира.

Действительно ли я путешествовала в Никогда? Или то был побочный эффект травмы, «правосторонней субдуральной гематомы, требующей краниотомии с целью ее удаления», как было записано в моей медицинской карте? Я провела одиннадцать дней в коме, подключенная к аппарату искусственной вентиляции легких, под капельницами. Сэм читал мне книгу. Один из врачей как две капли воды походил на Хранителя. Может, все это происходило в моей голове? Может, мои чувства, пока я спала, набрали деталей из калейдоскопа событий вокруг меня и сотворили действительность, которую воспринимала только я?

Разумеется, Никогда существовало в реальности, но я никогда не доказала бы этого.

Я пыталась. Я пыталась обнаружить все секреты. Кое-что сходилось — миссис Кан с ее коллекцией снежных шаров действительно жила за Уинкрофтом; нашлись и закрытый яхт-клуб «Рундук Дэви Джонса», и Тед Дейзи, который жил в Цинциннати, и офицер Ченнинг из Уорикского отдела полиции, которая занималась дорожным движением. Но другим фактам я так и не нашла подтверждения. В Интернете не отыскалось

упоминаний об Эстелле

Орнато. Ресторан «Жареные цыплята Орнато» когда-то существовал, но год назад на его месте появился обувной магазин. Белый Кролик, «ковёр черноногих-сиу» — проверить все это я не могла никакими способами.

Мы соединили между собой множество точек, но здесь сделать то же самое было невозможно.

Единственным подлинным свидетельством существования Никогда было время. Для меня оно больше не текло прямолинейно, порой закольцовываясь, становясь неустойчивым. Час мог пролететь в мгновение ока. Я сидела на лекции по истории и, отвлекшись всего на миг, потрясенно обнаруживала, что уже прозвенел звонок на перемену и все складывают свои вещи, а доска, которая несколько секунд назад была девственно чистой, покрыта записями.

Я озиралась по сторонам, ожидая увидеть поблизости от себя Хранителя, который высаживает тюльпаны на клумбу или, забравшись на стремянку, подстригает плющ на стене корпуса. Я понимала, почему нарушается течение времени, — то были маленькие приветы из Никогда, проявления нестабильности, о которых предупреждала Марта. Мой локомотив слегка буксовал и скользил по рельсам.

Я по-прежнему думала о Джиме. Но он больше не был призраком, преследующим меня. Теперь он представлялся мне простым мальчишкой, прекрасным и неуравновешенным, как и все мы. А наша с ним история — куда более близким к тому, чем она, видимо, была: нечто среднее между безумной фантазией о любви и действительностью. Иногда в этом зыбком промежутке нам удавалось найти друг друга, и тогда все становилось реальным. А иногда все трещало по швам и ломалось, как подхваченный ветром воздушный змей на непрочной веревке. Если бы Джим остался в живых, наша любовь остановилась бы с погашенными огнями, как карусель в передвижном парке развлечений, а его музыка впоследствии не казалась бы мне такой уж прекрасной. Очень скоро мы перестали бы думать друг о друге. А через два десятка лет встретились бы на «Фейсбуке» или в другой соцсети, которая придет ему на смену, и подивились бы тому, что стали совсем обычными людьми и что много лет назад находили в глазах друг друга нечто особенное.

А вот о моих друзьях я думала каждый день. Иногда, закрывая глаза, я чувствовала их присутствие. И рисовала в своем воображении те места, где они сейчас были. Ведь где-то же они были. Вместе. Это я знала совершенно точно. Я молилась, чтобы они познали счастье — или то, что за пределами человеческой жизни полагается нам вместо счастья.

Думаю, так и случилось.

Больше всего я думала о Марте, о том, кем она была и что для меня сделала. Я была обязана ей каждым мгновением своей жизни. Иногда эти мысли вызывали у меня грусть и апатию, и тогда, отказавшись от вечеринки с однокашниками, субботнего похода в пиццерию или участия в студенческом карнавале, я сидела одна в своей комнате, рисовала или писала стихи, стремясь отвлечься от мучительной правды: тех людей, которые изменяют нас, мы не видим по-настоящему, пока не становится слишком поздно.

Я вспоминала настойчивые уверения Джима в том, что когда-нибудь я стану с изумлением думать: «С ума сойти — я дружила с самой Мартой Зиглер».

Он был прав.

В живых должна была остаться не я, а Марта. Я никогда не была хорошей. Раньше я почти никогда не видела сути вещей. Этому меня научила Марта. Мы клянемся, что видим друг друга, а на самом деле смотрим на океан через замочную скважину. Мы считаем, что в точности помним прошлое, но наши воспоминания причудливы и обманчивы, как сны. До чего это просто — ненавидеть признанную красавицу, восхищаться гением, любить рок-звезду, доверять хорошей девочке.

Но для каждого из них это не единственное проявление.

Мы все — антологии. В каждом из нас — тысячи страниц, заполненных сказками и стихами, детективами и трагедиями, забытыми историями в конце книги, которые никто никогда не прочтет.

Самое большее, что мы можем сделать, — это протянуть друг другу руки и помочь преодолеть неведомое. Лишь держась за руки, мы найдем тропки, ведущие сквозь тьму, сквозь джунгли и города, мосты, перекинутые над самым мрачными безднами. Твои друзья будут идти вместе с тобой, держа тебя изо всех сил, даже если их больше нет рядом.

Два года спустя после аварии я опубликовала свой выдуманный саундтрек.

Его выпустило небольшое издательство из Миннеаполиса — «Книги не для всех». Даже они плохо понимали, что с этим делать. Покупателей музыкальных альбомов к несуществующим фильмам не так много.

Однако, получив от издателя четыре пахнущих типографской краской альбома, я плюнула на учебу и поехала на поезде в Сент-Луис. Там я пересела на автобус до Винвуд-Фоллз, а оттуда пошла пешком мимо розовых кирпичных особняков с ракушками фонтанов на стенах — и оказалась на кладбище Арденвуд. Вооружившись картой, я устроила себе

небольшую экскурсию, пройдя мимо мавзолеев знаменитых писателей и промышленных магнатов, и свернула в сторону, когда нашла участок свежих захоронений.

К могиле Уитли, стоявшей на холме, вела выложенная камнем тропинка. Остановившись перед мраморным надгробием, я не смогла удержаться от слез, потому что для памятника Линда выбрала слова из «Бессмертной» — это была одна из лучших песен Джима. Значит, она догадалась зайти в аккаунт Уитли на «Инстаграме» и откопала там эту песню. Раз так, я, возможно, заблуждалась и на ее счет. Может быть, она все-таки понимала свою дочь.

Она живет — рой светлячков в моей голове.

Я не забуду ее, даже когда умру.

Она моя память, песня моя она.

Она — дорога, пусть машина давно скрылась за поворотом.

Она — подушка в изголовье моей кровати.

Она — мои невысказанные слова.

Когда солнце угаснет и земля станет пустыней,

Она будет отзвуком тишины, что останется после всего.

Я положила рядом с цветами маленький альбом и зашагала прочь.

В Сент-Луисе я села на новоорлеанский поезд, а потом на автобусе с неисправным кондиционером добралась до Мосс-Блаффа, где каждый угол так зарос испанским мхом, что городок, казалось, отпустил трехдневную щетину. Пройдя восемь миль пешком, я добралась до дома Киплинга.

К моему удивлению, дом оказался в точности таким, как Киплинг его описывал, — обветшалый белый особняк с облупившейся краской, по двору которого разгуливал белоснежный петух. Я всегда считала, что его рассказы слегка преувеличенны, но оказалось, что он опустил множество колоритных деталей — взять хотя бы зеленый «кадиллак», стоявший посреди подъездной дорожки, сквозь днище которого пробивался бурьян, точно волосы, торчащие из ушей старика.

Я оставила альбом на качающейся скамейке, установленной на террасе. Уходя, я оглянулась: согбенная седая женщина в зеленом домашнем халате разглядывала книгу. Она проводила меня озадаченным взглядом.

Затем настал черед Лос-Анджелеса: два дня я неслась на поезде мимо пустынь, торговых центров и пальм. В городе я села на автобус до Монтесито, откуда пешком дошла до дома Кэннона, викторианского особняка, выкрашенного кремовой краской. Я пропихнула альбом в почтовый ящик и вприпрыжку сбежала с крыльца, когда заверещала

автомобильная сигнализация. Мужчина, поливавший газон на противоположной стороне улицы, оторвался от своего занятия и посмотрел на меня.

Три дня спустя я прибыла в Провиденс, Род-Айленд. Я прочитала семь детективов и двенадцать журналов, у меня закончилось чистое белье и заклинило шею. Последние четыре мили я прошла с ощущением странного спокойствия, и к «Автомастерской Зиглера» подошла сразу после заката.

За стойкой никого не было. Свет почти везде выключили. Я сунула альбом в окошко рядом со знаком «Кофе 99 центов» и уже собиралась уходить, когда открылась дверь гаража.

— Я могу чем-то вам помочь?

Я обернулась. Это был отец Марты. Я никогда с ним не встречалась, но у них были одинаковые подбородки и одинаковые очки с толстыми стеклами. На нем был замасленный комбинезон, и он на ходу вытирал руки о какую-то ветошь.

Я представилась, сказав, что была старой подругой Марты.

— Ну конечно. Беатрис, да? Мне очень приятно. Мартины друзья не часто заезжают сюда.

— Я приехала потому, что написала альбом. Если можно так выразиться. Я хотела, чтобы он был у нее. Это саундтрек к несуществующему фильму о четырех невероятных супергероях. Каждый обладает тайными сверхспособностями. В общем, я хочу вручить вам экземпляр.

Я протянула ему альбом. Он взял его и принялся вертеть в руках, потом снял свои очки, вытащил из кармана другие, для чтения, и водрузил их на переносицу.

— О! — Мужчина изумленно вскинул на меня глаза. — Вы посвятили его Марте?

Я кивнула.

— «Посвящается Марте, которая видела меня насквозь и все равно верила». Ну надо же! — Он улыбнулся мне и кивнул в сторону офиса. — А знаете, я повесил ее плакаты в комнате ожидания. У нее всегда был свой образ внешнего мира. Даже в раннем детстве. Ее ничто не пугало, мою Марту.

Он показал мне ее вещи, детские рисунки, картины — сова с пурпурными перьями, в точности такая, которую Марта обнаружила в Никогда. Я увидела и работы ее старшей сестры Дженни — потрясающие полотна, на которых был изображен океан, скрывавший в своих волнах целые чернильные королевства и мириады слов.

— Все дается нам лишь на время, — сказал он, утирая слезы. — Даже наши дети.

Он предложил мне имбирного пива, но я отказалась, сославшись на то, что мне пора.

— Может быть, я вернусь, — сказала я.

— Ну конечно. Вам тут всегда рады.

Я двинулась прочь, а он смотрел мне вслед, вертя в руках альбом и явно понимая, что я умолчала о многом, очень многом.

Вскоре я уже тряслась в автобусе, глядя из окна на темное небо. В какой-то момент на горизонте зажглась оранжевая зарница, но оказалось, что это всего лишь отражение лампочек на потолке автобуса. Листва проносившихся мимо деревьев поблескивала, выглядя какой-то наэлектризованной, одушевленной. Но как бы мне ни хотелось верить в то, что передо мной вновь открывается тайный мир, я прижалась затылком к спинке кресла и сказала себе правду.

На сей раз это был всего лишь ветер.

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить своего редактора Беверли Горовиц за то, что она приглядывала за мной на протяжении моего первого путешествия в мир литературы для подростков. Со времени нашего первого разговора, состоявшегося три года назад, ее мудрость, юмор и постоянная дотошность служили для меня примером и вдохновляли при работе над многочисленными черновиками. Кроме того, я нахожусь в неоплатном долгу перед моей подругой и литературным агентом Бинки Урбан: та последовала за мной в неизведанные края, всегда готовая дать правильный совет или подкинуть дельную мысль.

Я крайне благодарна многочисленным светлым головам из издательства «Делакорт пресс», которые без устали трудились над этой книгой, в особенности Норин Хериц, Джону Адамо, Колин Фелингэм, Элисон Колани, Тамар Шварц и Ребекке Гуделис. Благодарю также Кейт Медину и коллектив «Пенгвин рэндом хаус», чья преданность писателям и читателям, вне зависимости от тенденций, не может не восхищать.

Я хотела бы также выразить признательность Фелисити Блант, Роксане Эдуард и Мари Фризен-Эсканделл, благодаря которым о книге узнали зарубежные читатели, Рону Бернштейну — за его познания в области прав на экранизацию, Бренде Кронин, Сету Рабиновичу и Николь Карузо — за возможность поплакаться и готовность выслушать, Анне Пессл, моей чудом-маме, ставшей первой читательницей чернового варианта и отмечавшей нестыковки.

Но больше всего я хотела бы поблагодарить своих трех мойр — Дэвида, Винтер и Авалон, чье восприятие мира и уважение к любому литературному произведению, большому или маленькому, ежедневно доставляет мне радость каждый день.

И наконец, я хотела бы поблагодарить каждого юного читателя, подходившего ко мне в книжном магазине. Ваша любовь к героям, которые поддерживают друг друга и преодолевают все препятствия на своем пути, вдохновила меня на написание этой книги.

Примечания

Синдром Туретта — генетическое заболевание нервной системы, одним из симптомов которого является неудержимая склонность к употреблению нецензурных слов и социально неприемлемых высказываний.

Клэм-чаудер — густой суп-пюре из моллюсков.

Имеется в виду Сан-Квентин, старейшая тюрьма штата Калифорния.

Давайте веселиться (фр.). Выражение, популярное среди франкоговорящего населения штата Луизиана.

«Московский мул» — коктейль из водки, имбирного пива и лайма.

Рэймонд Курцвейл (р. 1948) — американский ученый, изобретатель и футуролог.

Добрый вечер. Между жизнью и смертью время застыло... (ит.)

Андерсон Купер (р. 1967) — американский журналист, писатель и телеведущий.

Отсылка к известному в США роману для подростков «Ты здесь, Бог? Это я, Маргарет» (1970), написанному Джуди Блум.

Строка из песни «The Final Countdown» шведской рок-группы «Europe».

Имеется в виду песня «Forever Young» («Вечно молодой»).

«Рядом с тобой» (англ.).

Сид и Нэнси — герои фильма «Сид и Нэнси» (1986) режиссера Алекса Кокса о панк-роке 1970-х.

Морган Скотт Пек (1936–2005) — выдающийся американский психиатр, публицист, автор многих бестселлеров.

«Поэте энд райтерз» («Поэты и писатели») — американский журнал.

Аддерол и риталин — сильнодействующие медицинские препараты, стимуляторы нервной системы, используемые для лечения синдрома гиперактивности и дефицита внимания.

«Оклахома!» (1943) — первый мюзикл в современном понимании этого слова, созданный композитором Ричардом Роджерсом и либреттистом Оскаром Хаммерстайном. «Аренда» (1996) — мюзикл Джонатана Ларсона, написанный по мотивам оперы Джакомо Пуччини «Богема» и получивший Пулицеровскую премию, а также премию Tony Award.

Эм Си Хаммер (MC Hammer, наст. имя Стэнли Керк Берел; р. 1962) — американский рэпер, позже проповедник и телеведущий.

«Мальчики не плачут» (англ.).

Школа Спенс — престижная частная школа для девочек, расположенная в Нью-Йорке.

«Точно как в раю» (англ.). Название песни группы «The Cure».

Бостонский колледж — частный католический университет в Бостоне.